

ЗАДОНСКИЙ, АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Ми и ее танцор

Рига : Жизнь и культура
1931

University Library of Tartu: XIV 1942:2611

EOD – Millions of books just a mouse click away! In more than 10 European countries!

Thank you for choosing EOD!

European libraries are hosting millions of books from the 15th to the 20th century. All these books have now become available as eBooks – just a mouse click away. Search the online catalogue of a library from the eBooks on Demand (EOD) network and order the book as an eBook from all over the world – 24 hours a day, 7 days a week. The book will be digitised and made accessible to you as an eBook.

Enjoy your EOD eBook!

- Get the look and feel of the original book!
- Use your standard software to read the eBook on-screen, zoom in to the image or just simply navigate through the book
- *Search & Find:* Use the full-text search of individual terms
- *Copy & Paste Text and Images:* Copy images and parts of the text to other applications (e.g. word processor)

Terms and Conditions

With the usage of the EOD service, you accept the Terms and Conditions provided by the library owning the book. EOD provides access to digitized documents strictly for personal, non-commercial purposes. For any other purpose, please contact the library.

- Terms and Conditions in English: <http://books2ebooks.eu/odm/html/utl/en/agb.html>
- Terms and Conditions in Estonian: <http://books2ebooks.eu/odm/html/utl/et/agb.html>

More eBooks

Already a dozen libraries in more than 10 European countries offer this service.

More information is available at <http://books2ebooks.eu>

АНДРЕЙ ЗАДОНСКІЙ

МИ и ЕЯ ТАНЦОРЪ

РОМАНЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЖИЗНЬ И КУЛЬТУРА“

Г Л А В Ы

1. Съ героиней, но еще безъ героя	5
2. Ми не ѣдетъ съ Сюзанной	18
3. Сигналь къ радости	26
4. Пепко празднуетъ свой день рожденія	37
5. Мы еще съ вами не чокнулись	46
6. Кабаре Колибри	51
7. Хористикъ Коля	60
8. Ми танцуетъ на столѣ	66
9. Дождь за окномъ	72
10. Китаецъ поранилъ палець	79
11. Въ Витиной комнатенкѣ	87
12. Кончаются рельсы трамвая	96
13. Дѣти на лугу	106
14. Вотъ тебѣ и грѣхопаденіе	115
15. Графъ сидитъ на пуффѣ	121
16. Прощай, Машкирко	128
17. Какъ-будто послѣдняя	138

Глава первая

Съ героиней, но еще безъ героя . . .

Въ сосѣдномъ саду играютъ въ крокетъ. Какая смѣшная, устарѣвшая игра! Она похожа на всю ту смѣшную, наивную жизнь, какая была до войны: на огромныя шляпы съ перьями и лентами — такія сохранились еще на фотографіяхъ, вотъ у покойной мама или у тети Агнессы, — на длинныя юбки, путающіяся между ногами, на перчатки, какія носили тогда, даже лѣтомъ, шелковыя и съ нашивками, похожими на гусеницы. На тогдашніе духи въ смѣшныхъ изогнутыхъ флаконахъ и съ цвѣтистыми наклейками. Впрочемъ, Ми очень смутно помнитъ тогдашнее — гдѣ ей помнитъ, она родилась въ десятомъ году. Но дѣвчонкой, крохотной она впитала въ себя еще и шляпы колесомъ и англійскія блузки и узкія какія-то серебряныя сумки съ коллекціями кавалерскихъ монограммъ и надписей, которыми щеголяли тогдашнія молодыя дѣвушки. Все это было когда-то и обо всемъ этомъ еще и теперь говорятъ старики. . . вотъ когда хотятъ сказать ей, Ми, что она совсѣмъ-совсѣмъ послѣвоенная, современная.

Объ этомъ ей постоянно твердитъ отецъ и часто напоминаетъ этотъ блѣдный полугорбатый графъ, который любитъ ее. Ахъ, какъ тяжело, когда кто-то любить. Какъ несносны иногда эти преданные, собачьи взгляды, тихіе, ничего не требующіе, только любящіе. Какъ неловко вообще и слегка душно, когда всѣ старшіе требуютъ чего-то одного, а самой — этому постоянному,

внутреннему чувствуванію — хочется совсѣмъ другого. Ми знаетъ, что отъ нея требуется прямая, послушная и благовоспитанная линия жизни, вотъ лоснящаяся какъ шелкъ и безъ всякихъ развѣтвленій лента: быть доброй, добронравной дочерью и внучкой... какъ полагается дѣвушкѣ изъ «хорошаго общества»... быть (даже такія безвкусныя слова употребляются ими...) «солнечнымъ лучемъ» для всѣхъ, кто старше, кто усталѣе, кто борется съ жизнью, кто. Быть — и это ужаснѣе всего — «любящей невѣстой...»

Да, она считается невѣстой графа. То есть она должна была сказать ему — это отецъ такъ устроилъ, такъ долго мучилъ ее — сказать: — Дайте мнѣ молъ, срокъ, я еще слишкомъ молода, я еще, какъ говоритъ отецъ, не отстоялась, но если вы хотите, вы можете считать себя моимъ женихомъ... Или будущимъ мужемъ, какъ хотите...

И она сказала, она дѣйствительно такъ и сказала графу, вотъ этими веселыми своими, малиновыми, слегка подкрашенным губами: «Вы можете считать себя...» Но внутри себя, въ пестромъ своемъ, безтолковомъ, горячемъ, суетливомъ чемъ-то, что называется старомоднымъ словомъ душа... въ этомъ самомъ чортовомъ и неразгаданномъ нутрѣ своемъ, она рѣшила давно: дудки! Вотъ именно дудки, совсѣмъ просто и вульгарно.

Чтобы она. Ми, связалась съ какимъ-то сорокалѣтнимъ горбуномъ (правда, онъ не совсѣмъ горбунъ, но что-то у него съ плечами, со спиной, вообще съ этимъ его хилымъ и совершенно неинтереснымъ тѣломъ безусловно неблагополучно...), съ сорокалѣтнимъ ученымъ... — онъ историкъ, археологъ, еще что-то туманное... — вообще сорокалѣтнимъ пайнкой — шалишь... Еще раньше — можетъ-быть и было-бы

возможно... какъ-никакъ, графъ... и очень богатый, тоже эмигрантъ, у котораго еще до революціи хранились въ Европѣ, кажется въ Англии, капиталы, и который теперь совсѣмъ обезпеченъ — не меньше, чѣмъ они сами, дѣдъ, отецъ и она, Ми... Да, раньше это еще немножко прельщало ее: графиня. Графиня Зоричъ... Немножко, какъ изъ балканской оперетки, положимъ.

Но теперь, когда она узнала Виктора... Теперь, когда она ведетъ совершенно свою жизнь, обособленную, жгучую, тайную — жизнь съ нимъ, съ шалымъ, легкомысленнымъ, очаровательнымъ своимъ другомъ (еще не любовникомъ, нѣтъ, но...), съ этимъ двадцатитрехлѣтнимъ красавцемъ Витькой, танцоромъ изъ «Колибри»... Нѣтъ, онъ совсѣмъ не изъ общества, онъ, кажется, сынъ мелкаго лавочника, оставшагося гдѣ-то въ совѣтской Малороссіи... Онъ почти пролетарій. Но вѣдь онъ — артистъ, онъ — танцоръ, онъ — спортсменъ... И у него такая наружность, у него такое тѣло, какія никогда не могутъ быть у аристократовъ или ученыхъ. Ми знаетъ твердо, что только танцы, футболъ и демократическое происхожденіе могутъ создать такіе мускулы, какъ у ея Виктора... А не занятія археологіей и нумизматикой.

Да, Викторъ. У него совсѣмъ простая, даже простоватая фамилія: Юренко. Онъ родился въ какомъ-то уѣздномъ городкѣ, кажется въ Ромнахъ или въ Волчанскѣ. А теперь онъ — главный аттракціонъ кабаре «Колибри», въ столицѣ. Вообще — въ столицахъ. Во всѣхъ европейскихъ столицахъ... Гдѣ онъ только не былъ!.. Пожалуй, путешествовалъ неменьше графа, который все хвастается своими Афинами и Каиромъ... но онъ именно не путешествовалъ, а работалъ, не выкапывалъ какія-то урны или монеты, а восхищалъ толпу... да: вос-хи-щалъ...

Ми какъ будто читаетъ. Рядомъ, въ одномъ изъ этихъ похожихъ, безличныхъ выхолненныхъ садовъ играютъ въ крокетъ, ударяютъ молотками объ шары, изрѣдка громко спорять, кажется по-англійски. У Ми на колѣняхъ розовая книжка, титулованная писательница пишетъ о стародавнихъ временахъ, о какихъ-то маркизахъ и неземныхъ чувствахъ — и на четырехстахъ четырнадцати страницахъ не нашлось для Ми ни одного живого, настораживающаго слова. Нѣтъ, она не хочетъ, просто не можетъ читать. Она вся наполнена какимъ-то веселымъ, зудящимъ нетерпѣнiемъ, она ждетъ, пока уѣдетъ мадемуазель Сюзаннъ, анахронистическая ея гувернантка, старая дѣва, которой некуда дѣваться и которая, вѣроятно, до конца своихъ дней останется у нихъ, Назаровыхъ.

Вотъ, послѣ обѣда они всегда всѣ вмѣстѣ сидятъ на верандѣ виллы. Дѣдъ, мадемуазель, бульдогъ Жипъ и она, Ми. Отца нѣтъ, отецъ опять лѣжится, въ Наугеймѣ. Всегда въ Наугеймѣ. Онъ — финансистъ... такъ, кажется, пишутъ о немъ въ газетахъ: извѣстный финансистъ, извѣстный банковскiй дѣятель и милліонеръ... Но у него тоже есть сердце. притомъ большое. Дѣдъ, конечно, никуда не уѣхалъ, ему восемьдесятъ семь лѣтъ и онъ морфинистъ... уже не финансистъ больше, а просто морфинистъ... Когда-то ему вообразилось, что у него начинается страшная болѣзнь — ракъ или антоновъ огонь, и онъ пристрастился къ морфию... Рака такъ и не было. а морфiй остался: онъ впрыскиваетъ себѣ изъ хорошенькаго, даже кокетливаго шприца, три раза въ день или больше. Вотъ и теперь, недавно, онъ тоже впрыснулъ изъ гладкой ампуллы, похожей на устрицу, впрыснулъ и, передъ сномъ, разговариваетъ. Онъ разговариваетъ какъ-будто самъ съ собою, но она, Ми, отъ нечего дѣлать и отъ нежеланiя

читать можетъ прислушаться къ тягучимъ, старческимъ, морфинистическимъ словамъ дѣда, бывшаго знаменитаго питерскаго богача Кузьмы Назарова.

— Да... — говоритъ дѣдъ, вода тонкой, холодной, полвѣка бездѣльничавшей рукой по пледу, которымъ закутаны его колѣни (у него руки, какъ у покойника-эстета, который еще послѣ смерти занимается маникюромъ, — находить Ми...) — да... вотъ у каждаго свои занятія — ты слушаешь, Ми?... (онъ — хитрый, онъ знаетъ, что легкомысленная, шалая Ми, кровь отъ крови его, дѣда, должна понять его...) ... свои занятія. Александръ работаетъ, наживаетъ деньги и порокъ сердца... къ сожалѣнію, единственный его порокъ... Теперь онъ путешествуетъ, лѣчится, затыкаетъ собой какой-то до него пустовавшій гостиничный и курортный номеръ... Сюзанна тоже что-то дѣлаетъ свое, руководѣльное и дамское... она — воспитательница... она замѣчательно воспитала тебя, Ми, умопомрачительно! (Ми смѣется...) ... И какъ таковая, она необходима... Кромѣ того, она очень величественна, она величественно сучаетъ... не бойся, Ми, Сюзанна такихъ сложныхъ словъ по-русски не понимаетъ... Посмотри, какъ величественно отвисаетъ ея тройной подбородокъ...

Ми фыркнула. Дѣдъ улыбнулся ласково-беззубо, смѣхъ Ми онъ ощущаетъ бальзамомъ, изъ всѣхъ людей этого ощипаннаго для него и безтолковаго міра онъ единственно искренно и чистосердечно любить только Ми.

— Ннда... Значить, Сюзанна все-таки еще нужна. Хотя-бы для нашего стиля, этого стиля, чортъ побери, Назаровскаго. Однимъ словомъ... она вродѣ нашей фрейлины, статсъ-дамы, необходимость такая-же, какъ корсетъ или манжеты... ежедневный нашъ, ежечасный крах-

маль. . . Жипъ ловить блохъ и скалить зубы, но какъ бульдогъ онъ необходимъ для променада и для Рольсъ-Ройса, породистый въ породистомъ... Но для чего, спрашивается, существую я? . . . Я повторяю это сейчасъ въ триста восемьдесятъ пятый разъ, но я по глубокому своему убѣжденію неприлично засидѣлся въ жизни. . . засидѣлся. знаешь, какъ кто. . . Были такіе — раньше. до тебя, войны и революціи — старички, пасхальные или, тамъ, новогодніе визитеры. . . Уже всѣ развѣхались давно, уже самъ хозяинъ дома ушелъ во внутренніе покои. можетъ быть принимать ванну. . . а хозяйка уѣхала въ театръ или на свиданіе съ любовникомъ, а старичекъ-визитеръ знай сидитъ себѣ въ гостиной въ креслѣ, дремлетъ, съ крошками на колѣняхъ, съ перепачканной яичнымъ желткомъ бородой. . . и вдругъ проснется, да и ляпнетъ съ перепугу: «На заутренѣ гдѣ изволили быть? . . .» Смотритъ — пусто кругомъ, одинъ дѣдъ-генераль въ золоченой рамѣ надъ диваномъ выпучилъ на него глаза — ты что это тутъ дѣлаешь. старый хрѣнъ, ступай-ка себѣ во-свояси. . . Вотъ такъ и я въ своемъ креслѣ и со своимъ пледомъ. . . Давно-бы пора вмѣсто кресла въ дубовый ящикъ лечь. или тамъ цинковый, ужъ не знаю въ какомъ размѣрѣ на меня Александръ раскошелится. . . Нѣтъ, сижу, хотъ безъ ногъ, безъ волосъ, безъ памяти и всякихъ иныхъ подробностей. сижу и еще каждаго встрѣчнаго за фалды хватаю, языкъ почесать, чтобы слушателемъ непременно живой человекъ былъ, а не генераль въ золоченой рамѣ. . .

— Вотъ и солгалъ, дѣдъ, — говоритъ Ми, взмахнувъ въ воздухѣ книжкой и косо поглядывая на старика, на этотъ лысый, бритый, чудовищный черепъ. напоминающій ей голову Вольтера, — ты говоришь. — безъ памяти, а самъ только о прошломъ и говоришь и здорово, ну

просто поразительно помнишь... Знаешь, я тоже помню изъ дѣтства одного такого визитера, засидѣвшагося. онъ все ѣлъ, и ѣлъ, и ѣлъ, и на немъ былъ старый, кривой скрутокъ съ лоснящимися локтями... и цахло отъ него нафталиномъ...

— Да, да, это правильно, — говоритъ дѣдъ, — лоснящійся и нафталинъ, это ты правильно помнишь...

Но онъ, дѣдъ, уже какой-то безразличный вдругъ, скучающій, онъ медленно беретъ въ руки лежащій около него на столикѣ шприцъ и пылливо, какъ-то будто принюхиваясь, смотритъ — а не пустить-ли еще подъ кожу, прибавить этого расслабляюще - оживляющаго, этого снотворно-живительнаго... Онъ, какъ-бы отъ одного этого прикосновенія къ шприцу загорѣвшійся вновь, лукаво улыбнулся Ми — какъ ты думаешь, а?.. Но тутъ вмѣшалась Сюзанна, бдительный назаровскій стражъ благообразія и манеръ. Она всплеснула руками — предварительно упокоивъ на колѣняхъ нескончаемое ришелье — и сказала подъ тонкій звонъ фамильныхъ своихъ браслетовъ:

— Ну довольно, *monsieur*, довольно... И зачѣмъ вы губите себя?..

И брезгливо, гримасно передразнивая ее, отвѣтилъ дѣдъ:

— И зачѣмъ вы чепуху говорите, мадемуазель... Мнѣ восемьдесятъ семь лѣтъ, Сюзанна, и всѣ кладбища міра давно скучаютъ по мнѣ, чувствуете вы это, всѣ кладбища міра... А... какое-бы это веселенькое зрѣлище получилось, если-бы собрать воедино всѣ кладбища міра, а...

Ми вскочила, куда-то швырнула книжку, протянула капризно:

— Это несносно, дѣдъ, и скучно, когда ты начинаешь свои похоронные разговоры... Я говорила палѣ передъ его отъѣздомъ, что я охотно

побуду съ тобою, но я не знала, что ты вѣчно будешь говорить о кладбищахъ и о цинковыхъ гробахъ... Фу, какое это противное, отвратительное, тѣсное слово — гробъ... Задохнуться можно...

Дѣдъ смотритъ на нее, онъ снова и снова изучаетъ это стоящее передъ нимъ загадочное девятнадцатилѣтнее существо — какъ непостижимы эти живыя, стройныя линіи, вотъ этотъ подбородокъ и загорѣлая шея, эта падающая на смуглыя щеки тѣнь отъ рѣсницъ, эта лукаво обозначающаяся подъ джемперомъ нѣжно-молодая грудь... легкой, дразнящей намекъ на грудь... И вдругъ пробуждается въ немъ затаенная, не сдающаяся похотливость, онъ хочетъ видѣть ее въ чьихъ-нибудь объятіяхъ, въ какомъ-нибудь тѣлесномъ, плотскомъ движеніи. Ее; эту Ми, единственное молодое женское, что онъ, дѣдъ, видитъ еще въ отходящей своей, утѣсняющейся, темнѣющей жизни.

Просящимъ, старчески дѣтскимъ какимъ-то голоскомъ онъ говорить:

— Ну, сдѣлай для меня, ну, я прошу... позови китайца, поставь на грамофонъ пластинку, потанцуйте что-нибудь...

Сюзанна встаетъ мгновенно, лицо у нея покорно-торжествующее: вмѣсто морфія мосье хочетъ танцевъ, это прекрасно, это ея побѣда. Правда, китайца Пей-Ву, котораго Александръ Кузьмичъ Назаровъ вывезъ изъ Шанхая и который третій годъ живетъ у нихъ въ качествѣ шофера, она не считаетъ очень подходящимъ кавалеромъ для Ми, миллионерской дочери, но развѣ это впервые, что Ми будетъ танцевать съ шоферомъ-китайцемъ подъ патефонъ... Вѣдъ Ми сумасбродная, а во всемъ домѣ только одинъ китаецъ — ея ровесникъ... или немного старше, на годъ... и не танцовать-же ей, въ самомъ дѣлѣ, съ дѣдомъ... Сюзанна уходитъ, медленно,

по вошненнымъ половицамъ веранды, подъ строгой полудлинной англійской юбкой строго показались тощія гувернантскія ноги. Жипъ повелъ мордой, подумалъ и ушелъ за нею, ципъ-ципъ, на кривыхъ, немного подагрическихъ лапахъ, онъ не чувствуетъ себя настолько фаворитомъ домоладцевъ, чтобы оставаться на верандѣ въ отсутствіи обожающей его и отвоевавшей его для себя Сюзанны. Ми смѣется.

— Какой ты смѣшной, дѣдъ...

— Почему?!

Онъ тоже смѣется: какъ она очаровательно говоритъ «смѣшной»... хорошо, что смѣшной, значить еще не мертвенно-отталкивающей.

— Ахъ, дѣдъ, — говоритъ Ми и подымаетъ брошенную на клумбу книжку, отряхаетъ отъ нея шершавый налетъ земли, — я вѣдь все уже знаю, дѣдъ, все... право, ничего не осталось больше... Даже въ самыхъ бѣдовыхъ книгахъ ничего новаго, никакой Америки... Все тѣ-же опять Соединенные Штаты, та-же Бразилія и Аргентина. О поцѣлуяхъ пишутъ, вмѣсто другого ставятъ многоточіе. Всѣ они точно сговорились... Ну, пускай не пишутъ, я все равно все знаю, вѣдь мнѣ девятнадцать лѣтъ, дѣдъ, чувствуешь...

И она, приблизившись, подноситъ къ его старымъ, мертвѣющимъ глазамъ какое-то странное, круглое движеніе руками, страстно выразительное, будто она подноситъ ему на этихъ своихъ крѣпкихъ, загорѣлыхъ ладоняхъ всю головкружительность этого понятія: де-вят-над-цать лѣтъ.

— Щенячій возрастъ, — сощурившись, немного отстранившись, будто испугавшись ея движенія, отвѣчаетъ дѣдъ.

— Нѣтъ, не щенячій, — почти крикнула Ми, и опять завозилась передъ нимъ, собрала руки въ кулаки, наступаетъ, — слышишь, дѣдъ, не щенячій!...

Почти слезы въ голосѣ, почти отчаяніе. Дѣдъ откинулся на подушку, закопался лысымъ черепомъ въ малиновый шелкъ. испуганно-смѣшливо оскалилъ десны подъ тонкими разрѣзами сухихъ губъ. Изъ-подъ рукава халата, надъ бессильно свисающей рукой, видны тонкія кружева сорочки. Умирающіе версальскіе короли или мыслители изображались похоже. Потомъ сказалъ умиротворяюще-насмѣшливо:

— Ну хорошо . . . не щенячій . . . Роковой возрастъ, я согласенъ . . .

— То-то, — говоритъ Ми, съ маленькой еще, но замирающей угрозой въ голосѣ. Она подымается по ступенямъ веранды. подходит къ ящику краснаго дерева на бамбуковой подставкѣ, за пальмами, привычно перебираетъ кучу пластинокъ, покрутила ручку, ввинтила иголку — занятіе, которое она называетъ своимъ единственнымъ рукодѣліемъ, — небрежно кинула мембрану на легкоколыхающійся дискъ — дѣдъ слѣдитъ за нею глазами. со старчески оставившейся, влюбленной улыбкой . . . Такъ древніе псы съ немощными ногами наблюдаютъ изъ своего угла за жизнью кругомъ.

Джингъ-джангъ . . . — метнулся какой-то Марекъ Веберъ. броское какое-то, сумашедшее вступленіе, уже напоминающее, уже нащупывающее всесвѣтно извѣстную мелодію рефрена. Ми сбѣжала внизъ. на площадку между клумбами, приложила ладони рупоромъ къ губамъ, нетерпѣливо крикнула: «Пе-эй-Вуу! . . .», уже вся наэлектризованная привычными, но неизмѣнно повелительными звуками джазбанда. Она уже вытянула впередъ руки, уже легко и виртуозно задвигла ногами. какъ заведенная — оттуда, отъ патефона — кукла, которой только недоставало еще второй половины. Но вотъ эта вторая половина, безшумно, на резиновыхъ подошвахъ рыжихъ американскихъ ботинокъ, со

спортивной ловкостью скатившись по ступенямъ, въ два прыжка очутилась рядомъ съ нею — Пей-Ву, рослый китаецъ со смуглымъ, безусымъ лицомъ, съ блескомъ великолѣпныхъ молодыхъ зубовъ и безупречнаго смоляного пробора, съ атлетической фигурой въ элегантномъ шоферскомъ дрессѣ. Крѣпко обхватилъ талію своей прелестной госпожи, улыбнулся почтительно-фамильярно, увѣренно привычно повелъ между клумбами...

Дѣдъ смотрѣлъ, дѣдъ безкорыстно, профессионально радовался, дѣдъ понималъ, что для этихъ новыхъ, двадцатилѣтнихъ, вылупившихся изъ войны, изъ революціи, какъ изъ безжалостной какой-то, но закаляющей купели — нуженъ такой именно измѣнившійся, буйно возродившійся міръ, ихъ собственный, какъ будто двадцатилѣтній, вотъ съ такими дудящими, нахально - печальными, жеманно - чувственными движеніями, съ такой дѣловитостью, безвозвратно отшвырнувшей ненужный грузъ отжившей наивности и чувствительности.

Такая, вотъ, Ми, оторванная отъ родины, которую она помнитъ смутно, поверхностно, поребячески, такой Пей-Ву, пересаженный изъ своей Азіи — куда... да въ ту-же общую обитель бездомныхъ, въ миллионный городъ, именующійся столицей, безличный, одинъ какъ другой, случайный — нынче Берлинъ, завтра Вѣна, черезъ годъ — Парижъ... Ахъ, не все-ли равно имъ, бездомнымъ: тѣ-же лифты, тѣ-же, только подъ разными названіями, полицейскіе, тотъ-же бензинъ Шелля и шоферы, тѣ-же духи Коти, моды, фирмы, тенора, фильмы, фокстротты... Они вотъ — Ми, Пей-Ву — вездѣ дома, вездѣ у себя, вездѣ, гдѣ есть то, безъ чего для нихъ немислима жизнь, немислима эта интернаціональная ихъ городская молодость... то-же.

все опять то-же: фильмы... фокстротть... футболъ...

Усмѣхнулся дѣдъ. вдругъ обозначилось въ мозгу, задержалось: три «ф», три главныхъ «ф» современности: фильма, фокстротть, футболъ... «Надо будетъ запомнить, подумалъ, глядя на танцующихъ, — надо будетъ сказать имъ. Да нѣтъ, не поймутъ, о н и не поймутъ... это я понимаю, отъ себя, в нѣ этой современности, отъ прошлаго, я понимаю, я вижу — они внутри, въ самой гущѣ, они отъ современности, какъ дождь отъ тучи, имъ смѣшно будетъ, неинтересно, затхлостью, старой затхлостью повѣтъ, философіей... они, пожалуй еще найдутъ какіе-то «ф», поважнѣе, лучше промолчу... Буду смотрѣть на нихъ — можетъ въ послѣдній, въ предпослѣдній разъ... какъ долго же еще будетъ функционировать это феноменальное мое, старое сердце, это чрезвычайное мое, загадочное тѣло, которое я безжалостно и ежечасно отравляю...

Когда же доконаю, наконецъ, доотравляю?!

Глава вторая

Ми, не ѣдетъ съ Сюзанной

Но поговорить все-же хотѣлось дѣду. Вотъ съ тѣми, розово-смуглыми, свѣжими, отъ которыхъ вблизи, вѣроятно, пахнетъ теперь — и совсѣмъ хорошо, совсѣмъ свѣжо — крѣпкимъ тахимъ, молодымъ, здоровымъ лѣтнимъ потомъ... И вдругъ совсѣмъ шалая мысль пришла, совсѣмъ дикая, улынулся дѣдъ и крикнулъ, загнушая грамофонъ:

— Ми-и!.. Ми-и!.. А скажи-ка... скажи-ка... какъ пахнуть во время танца китайскіе кавалеры... такъ-же ли, какъ европейскіе, или нѣтъ?..

— Божже мой! — всплеснула руками Сюзанна, истуканомъ стоявшая на верандѣ, въ ожиданіи, когда надо будетъ остановить пластинку, — что онъ говорить!..

— Ничего, — огрызнулся дѣдъ, ерзая руками по пледу, — спрашиваю изъ чисто научнаго интереса. Вѣдь ты, Сюзанна, вникни — онъ другой расы, чѣмъ мы, понимаешь: расы... онъ монгольской расы... Да будетъ вамъ бедра ворочать! — прикрикнулъ вдругъ на танцующихъ, — хватить, натанцуетесь еще... Садись-ка немного ко мнѣ, пока засну, развлеките дѣда... ну, скорѣе...

Сюзанна послушно остановила пластинку, пожавъ плечами: совсѣмъ изъ ума выживаетъ старикъ... Ми и китаецъ подошли, румяные отъ танцевъ, отъ солнца, молодости, подошли большіе, великолѣпно выхоленные, снисходительно послушные. Ми на минуту дольше, чѣмъ надо было, подержала въ рукѣ смуглую китайскую лапу шофера — потомъ, раскачавши ее, отбросила, она чувствовала его около себя, пріятно, какъ веселую защиту отъ легкой домашней духоты, своего, того-же легкомысленнаго молодого цеха...

Сѣли у ногъ дѣда, на брошенные имъ подушки, немного жеманно сѣли, сложивъ ручки, пай-дѣвочка и пай-мальчикъ, это была часто повторявшаяся процедура, продѣлывавшаяся съ привычной снисходительностью къ чудачествамъ дѣда. Пей-Ву разстегнулъ воротникъ щегольской шоферской куртки, показавъ модные отвороты воротника и тугой узелокъ фіолетоваго галстука, вытеръ вспотѣвшій смуглый лобъ клѣтчатымъ платкомъ, посмотрѣлъ на дѣда узкими, насмѣшливыми глазами — о чемъ заговорить опять это старое европейское чудовище, напичканное морфіемъ... Дѣдъ спросилъ:

— Гдѣ ты родился, Пей-Ву?..

Китаецъ отвѣтилъ монотонно, какъ заученный урокъ, весело переглянувшись съ Ми:

—Городъ И-чанъ на рѣка Янь-цзы-цзянь... хорошъ городъ на баалшой рѣка... Желта рѣка, и желто солнце, и желты китайцы... И рисови поля тоже желты, мно-оога рисови поляаа...

— А какъ папа тебя въ Европу взялъ, грустно было уѣзжать,—спросила Ми. Можетъ быть, тоже не въ первый разъ спросила и отъ вопроса этого, отъ чего-то далекаго, смутнаго, невѣсомаго, что представилось подъ названіемъ И-чанъ, Янь-цзы-цзянь — грустно стало на минуточку.

— Почему-же нѣтъ — наивно-добродушно протянулъ китаецъ, — когда уѣзжаешь, такъ и полагается вѣдь. — Подумалъ и прибавилъ — ошень даже грустна... Когда уѣзжали съ папаша твой (онъ Ми ты говорилъ по старой дѣтской привычкѣ, а ей пріятно было, не запрещала, немножко ей чудилось, помимо товарищескаго, и любовническое въ этомъ ты, волнующее...) ..когда съ папаша твой уѣзжали дождикъ шелъ... длинны-длинны дождикъ падалъ въ Янь-цзы-цзянь, и еще элеваторъ видно, какъ мокры цапля стоитъ, стары элеваторъ, гдѣ мы, малшишки, купалиса... плачетъ, потому какъ Пей-Ву въ Эвропа іедеть... Да... А потомъ и элеваторъ нѣтъ, туманъ пошелъ, жолты китайски туманъ... Нѣтъ И-чанъ, прооопаль...

Дѣдъ уже съ закрытыми глазами слушалъ, засыпалъ. Можетъ быть, смутно тоже и грустно видѣлъ въ полуснѣ смутную китайскую рѣку, и то, какъ китайскіе мальчишки кувыркомъ летятъ въ желтую воду, и элеваторъ видѣлъ, и то, какъ Пей-Ву уѣзжалъ въ Европу — по убогости бѣдныхъ и прихоти богатыхъ. Смутный И-чанъ, смутный край огромной, смутной земли, такой счастливой, такой несчастной... Повель губами,

попробоваль — выйдуть-ли, оформятся-ли еще слова... сказалъ какъ-будто издали, отходя:

— Хорошій китаецъ... милый паренекъ... Не одинъ твой И-чанъ пропаль, братецъ, не одинъ твой... Янь-цзы-цзянь... Все назадъ относить, въ туманъ... Мнѣ... восемьдесятъ семь лѣтъ, чувствуешь... вамъ вмѣстѣ еще и половины нѣту... вмѣстѣ... половины... Щенята... Я — вѣчный жидъ... вѣчный дѣдъ... Я — все знаю... назадъ отно... относить... въ желтый... въ желтый ту... туманъ...

И вдругъ всхрипнулъ, легонько. Глубоко, тяжело застыли складки дряхлаго лица, вѣки чутунно сомкнулись, нижняя губа отвисла... Косо повиснувъ, дернулась, какъ у болванчика, лысая голова надъ пестрой тканью халата. Ми и китаецъ сидятъ молча, немножко какъ напуганныя дѣти. Немного жутко стало передъ этой, долгой жизни, долгой прониканія, передъ непонятной этой, невообразимой старостью. Отдвинулись оба, а потомъ поднялись, какъ по уговору, — пошли вмѣстѣ, на цыпочкахъ по свѣтлому гравію, къ свѣтлымъ цвѣтамъ, къ солнцу, взявшись за-руки.

— Зерна зелена, — сказалъ китаецъ (это выраженіе онъ перенялъ отъ Ми, а та отъ Виктора...) — ну и дѣда!.. Нуу и дѣда!..

Потомъ, другимъ тономъ, стиснувъ ей пальцы и глядя въ глаза, уже будто предчувствуя отвѣтъ, спросилъ:

— Въ городъ поѣдешь?..

Она на секунду задумалась — вдругъ показалось: милый Пей-Вушка, свой, родной, развѣ сказать ему... развѣ довѣриться ему — или... или... совсѣмъ перейти къ нему... вѣдь онъ тоже молодъ, хорошъ, силенъ и — тоже любить... Развѣ — спастись съ нимъ и черезъ него отъ того тайнаго и немного страшнаго, что вошло въ ея жизнь вмѣстѣ съ Викторомъ —

спасти, все равно отъ чего, счастья или гибели. Но потомъ четко, осязательно, представились ей вдругъ Витькины намѣшливые, повелительные глаза, лучистые, неповторимые... не выдержала, сказала тускло, съ усиленіемъ:

— Нѣтъ. Поѣзжай съ Сюзанной... Я... буду упражняться.

— Уп-раж-нят-си? — по складамъ и не очень довѣрчиво повторилъ онъ, еще разъ крѣпко сжавъ ея маленькую ручку большой своей, смуглой отъ монгольщины, солнца и машиннаго масла ладонью, потомъ прибавилъ послушно: —

— Ну что-жь... поѣду съ Сюзанна...я завсегда теперь съ Сузанна... Сузанна въ косметически кабинетъ ѣздитъ, щобъ быть молода и красива, какъ Ми.. а Ми не хочетъ съ китайца, Ми упражнятси нада...

И, оторвавшись отъ глазъ ея, смотрѣвшихъ на него съ виноватой лаской, убѣжалъ стремительно, блеснувъ рыжими крагами — она не успѣла даже хлопнуть его или потормозить за это «Ми не хочетъ съ китайца...» — она постояла, еще чувствуя на рукѣ жесткое тепло его рабочей лапы, и маленькую печаль вдругъ, маленькую жалость...

Еще надо было пережить одну часто повторявшуюся въ послѣднее время водевильную подробность: сначала автомобильный рожокъ, тамъ, за домомъ, у подъѣзда виллы — милый, грустный Пей Ву подаетъ знакъ, что машина подана — потомъ... на верандѣ появляется Сюзанна, въ клѣтчатомъ англійскомъ пальто, въ кожаной шапочкѣ, съ шарфомъ, съ Жипомъ на цѣпочкѣ, со всѣми подробностями, какъ изъ спортивнаго журнала... появляется Сюзанна и спрашиваетъ:

— Вы развѣ не ѣдете, Ми?

— Нѣтъ, — надо отвѣтить, — нѣтъ, мадэму-

азель, я не поѣду. Я буду упражняться (опять сказать это слово, эту привычную уже ложь...), я... я...

— Но... но мы можемъ захватить въ кафэ и выпить оранжадъ...

Какъ высшая приманка города каждый разъ, и каждый разъ бесплодно, упоминается этотъ оранжадъ, пѣкогда любимый напитокъ Ми, уже давно потерявшій свою злободневность. Ми не ошиблась и на этотъ разъ.

— Пожалуйста, дайте Жишу мою порцію.

— Ми, вы несносны... И кромѣ того, вы можете упражняться потомъ. Monsieur будетъ недоволенъ, если узнаетъ, что вы были такъ часто однѣ...

— Папа никакого дѣла нѣтъ... И папа лично никогда не дѣлаетъ мнѣ никакихъ предписаній... Я буду упражняться, Листъ, „Après une lecture de Dante...“ и еще Равеля, если хотите... да, да, Равеля... Поѣзжайте, Сюзанна — топнула ногой, бѣшено, — я остаюсь... понимаете: оста-уюсь?!

И въ мысляхъ такое нетерпѣливое, такое тревожное: скорѣе, уходи, я не могу больше видѣть тебя, и твою шапочку, и Жиша, я задыхаюсь, я жду его, понимаешь, ли ты, чучело, его, Виктора Юренко, некомильфотнаго, пролетарія, танцора изъ варьете... но моего друга, понимаешь, дружка и... и... будущего, вѣроятно, любовника.. А ты уѣзжай... и оставайся подольше, а если возможно — на очень долго... ну, что тебѣ стоитъ: маленькая автомобильная катастрофа (только китаецъ долженъ остаться цѣлымъ, слышишь?!), а потомъ три недѣли или мѣсяць въ клиникѣ... ахъ, какъ было бы чудесно!..

Отвернулась, взяла прислоненныя къ дереву грабли, нетерпѣливо провела по гравію острыми зубцами. Сюзанна пожимаетъ плечами — дѣлай какъ хочешь, съ жиру бѣсящаяся буржуйка, без-

сердечная капризница, я умываю руки... Ушла обиженно. Жипъ — ципъ-ципъ — за нею, съ флажкомъ толстаго языка, кривоногій. Потомъ, черезъ минуту, — опять гудокъ. Милый Пей-Вушка, его милая, теплая, честная рука... легкой, породистый звукъ великолѣпно функционирующей машины, легкое шипѣніе толстѣйшихъ шинъ по укатанному гравію подвѣзда... потомъ — тишина, мгновенная вдругъ, напряженная тишина... даже никакихъ ракетныхъ шаровъ, никакихъ голосовъ...

Только извѣстно, что дѣдъ спитъ, похрапываетъ тамъ въ креслѣ, непробудно, что гдѣ-то кругомъ сосѣди, совсѣмъ чужіе для нея въ эти минуты, совсѣмъ посторонніе — имъ дѣла нѣтъ до нея и до этого внезапно, проваломъ открывшагося передъ нею зыбкаго, оранжеваго часа жизни... да, оранжеваго, какъ это медленно снижающееся солнце, какъ эта обильная милая настурція, какъ эти темныя темныя, тяжелыя чайныя розы. Она одна, совсѣмъ одна со своею жизнью и съ этимъ предвечернимъ часомъ, съ этимъ легкимъ, блаженнымъ, прохладнымъ страхомъ, который овѣваетъ ее какъ сквознякъ...

Ахъ, будь, что будетъ... Отшвырнула грабли, пошла на цыпочкахъ. боясь вспугнуть дѣда, тишину, этотъ оранжевый часъ, свое замирающее, сладко предчувствующее сердце. И напѣвала, тоненько и золотисто: — *Sous tes toits de Paris.*

И все, что она видѣла и ощущала кругомъ себя — нарядный домъ, холеный садъ, веранду, съ оливковой виноградной темнотой, этотъ дѣдъ, ушедшій въ свой морфійный сонъ, и этотъ запахъ левкоевъ, розъ, травы, предчувствующей росу, весь іюньскій этотъ, предвечерній — да, да, оранжевый часъ, чувствовался ею какъ бы сквозь изнывающе-сладострастный саксофонный ритмъ „*Sous les toits de Paris.*“

...По верандѣ побѣжала, потомъ по комнатамъ стремительно, въ кабинетъ отца, тутъ остановилась, закрывая за собою дверь—вотъ оно опять, это впечатлѣніе отъ отцовскаго, въ его отсутствіи, кабинета, когда она забѣгаетъ сюда въ предвечерній лѣтній часъ, чтобы поговорить по телефону съ Викторомъ, забѣгаетъ тайно, чувствуя стукъ своего сердца и эту жаркую тутъ, непривѣтренную, музейную тишину. Да, какъ въ музеѣ или паноптикумѣ стоитъ тутъ эта тяжелая дубовая мебель, этотъ огромный бездѣйствующій письменный столъ съ мраморной, слегка запылившейся чернильницей, лежитъ на немъ эта синяя, сейчасъ никому не нужная папка со скучнымъ финансовымъ словомъ «балансъ»... висятъ эти безчисленные группы на стѣнахъ: сосредоточенные, значительные мужчины, въ скуртукахъ, пожилые, отцы семействъ, непонятные и дѣловые — и какъ всегда, и тоже немножко какъ въ музеѣ, пробрался въ щель пухлой, непроницаемой штофной шторы солнечный лучъ, оранжевая полоса съ зыбкими пылинками... и гдѣ-то тамъ наверху гудитъ муха, и она представляется такой уютно толстой, съ запылившимися крылышками, безвредной...

Подошла къ столу, къ телефону, сняла трубку, привычно накрутила номеръ. И встревожено, но внѣшне совсѣмъ спокойно, совсѣмъ по-свѣтски заговорила въ трубку:

— Алло... Это ты?.. Здравствуй... Да... Одна... Совершенно одна... то есть не совершенно, а я да спящій дѣдъ да, да, да... притомъ... что?.. притомъ спящій послѣ морфія... а?.. что?.. (засмѣялась, повторила по слогамъ); мор-фі-аа... да, да... Девяносто пять пушекъ не разбудятъ... Что?.. Черезъ пять минутъ?.. Хорошо... Хо-ро-шоо! (еще прислушалась, еще чему-то засмѣялась, еще прибавила въ трубку,

сдержавъ голосъ „*Sous les toits de Paris...*“ А? . . Ну, ладно! . .

Повѣсила трубку. Широко, съ восторгомъ, съ обреченнымъ восторгомъ потянулась вся, поднявъ руки, такъ что обозначились подъ джемперомъ, нѣжно и кругло обрисовались маленькія тугія груди. Медленно пошла, задумавшись. Проходила по комнатамъ, привычнымъ и знакомымъ, по цѣлому ряду этихъ стильныхъ гостиныхъ, съ любовью созданныхъ отцомъ, покойной матерью, вообще взрослыми, проходила мимо всякихъ картинъ, портьеръ, gobеленовъ, вазъ, бездѣлушекъ... и вдругъ удивилась: такими ненужными показались ей эти дорогіе и расточительные предметы, такими отодвинувшимися въ міръ другого порядка, почти другого измѣренія...

Глава третья

Сигналь къ радости

Ми стояла между клумбами, прижавъ къ бедрамъ смуглыя руки съ золотистымъ пушкомъ волосъ, полузакрывъ глаза. И вдругъ вздрогнула — со стороны улицы, за калиткой сада, раздался короткій — ихъ, условный... — мальчишескій свистъ. Его свистъ. Развѣ кто-нибудь на свѣтѣ еще можетъ такъ безопасно, такъ очаровательно и повелительно свистѣть, какъ онъ? Она не видала его только со вчерашняго дня, но ей показалось вдругъ совершенно непонятнымъ, какъ могла она такъ долго прожить безъ него — вотъ въ этой чинной тишинѣ съ дѣдомъ и Сюзанной и безъ всего того, что каждый разъ неудержимо возбуждалъ въ ней этотъ свистъ, этотъ первый и сладкій сигналь къ радости... . .

Она не сразу подбѣжала къ калиткѣ, она осталась стоять въ томъ же напряженномъ, почти судорожномъ положеніи, прислушиваясь къ мигу, который она переживала, къ эхомъ еще звучащему вкругъ нея свисту — онъ былъ какъ будто похожъ на высвистъ иволги, и въ то же время это былъ самый обыкновенный мальчишескій свистъ, которымъ обмѣниваются школьники или футболисты, гурьбою направляющіеся на тренингъ. . . — ожидая повторенія его только потому, что онъ былъ такъ заманчивъ и обѣщающъ.

Но когда за калиткой во второй разъ раздался свистъ, она мгновенно бросилась туда, вприпрыжку, и только у самой калитки, уже видя появившуюся надъ нею его голову, улыбаясь замедлила шаги. Она не могла не улыбаться, вотъ теперь, когда увидѣла надъ зигзагами бѣлой калитки — онъ всталъ на перекладину со стороны тихой дачной улицы — его самоувѣренное, загорѣлое лицо, это лицо, которое напоминало ей какъ будто и Чарльса Фарреля, и Густава Фрелиха, но которое въ то же время не было похоже ни на какое другое. Она остановилась противъ калитки и противъ этого лица, жеманными пальцами оттопырила складки своей широкой бѣлой юбки подъ розовымъ джемперомъ и жеманно и молча присѣла.

Она сдѣлала это, вѣроятно, не въ первый разъ передъ нимъ, но такъ какъ она умѣла дѣлать одинаковое каждый разъ по новому, онъ опять разсмѣялся, показавъ мелкіе и какіе-то естественно - великолѣпные зубы. Потомъ сказалъ:

— Я видѣлъ уѣзжавшее тріо . . . Пей-Ву, Сюзанна и Жипъ . . . По - аристократически, а? Китаецъ — шоферъ, француженка — компань-

онка... или, какъ это называется у васъ?... и англичанинъ — бульдогъ... а?...

Оба фыркнули.

— Больше всего мнѣ нравится англичанинъ-бульдогъ, — сказала Ми, поднявъ на Виктора свои изумрудно-сѣрые глаза, похожіе на какія-то фантастическія драгоценности, вправленные въ влажный фарфоръ бѣлковъ, — впрочемъ, ты напрасно иронизируешь... мы, Назаровы, не аристократы...

— Но вы настолько богачи, что можете позволить себѣ роскошь аристократическаго окруженія, да?... Напримѣръ, его сіятельство графа Зорича...

Ми съ трудомъ удержалась, чтобы не топнуть ногой. Каждый разъ, когда Викторъ упоминалъ графа, — а дѣлалъ онъ это часто, только чтобы позлить ее, ревности онъ не ощущалъ никакой, — она готова была дать ему оплеуху, маленькой своей, крѣпкой рукой съѣздить по великолѣпнымъ его бронзовымъ отъ взморскаго загара щекамъ. Въ такія минуты она почти ненавидѣла его, за силу его надъ нею, за беспомощную свою влюбленность въ него. Она сдержалась, однако, справилась съ какимъ-то подступившимъ къ самому горлу комкомъ, потомъ сказала, почти спокойно:

— Знаешь, Викторъ... я рѣшила больше никогда не говорить съ тобою о графѣ...

— Это почему? — спросилъ онъ съ неосвѣдленною увѣренной насмѣшливостью.

— Такъ... — сказала она, какъ бы нехотя, нагнулась къ клумбѣ, сорвала настурцію и медленно и задумчиво нюхая ее, продолжала: — ты одно... графъ — другое...

Быстро наклонившись къ ней — все еще стоя на перекладинѣ калитки, со стороны переулка, — Викторъ спросилъ подчеркнuto:

— Ахъ, такъ!.. Все-таки — другое? Графъ — другое?

Онъ, перегнувшись черезъ зигзаги, такъ что видна стала подъ разстегнутымъ воротомъ гольфной рубахи широкая, почти каштановая грудь, лѣвой рукой крѣпко и властно схватилъ ее за локоть:

— Такъ графъ — другое? Но онъ существуетъ для тебя?

Онъ такъ страстно вдругъ и такъ злобно сказалъ это «существуетъ», что Ми вздрогнула. Она не успѣла отвѣтить, онъ продолжалъ, все такъ же горячо и злобно:

— Смотри, Ми... если онъ существуетъ... Я дѣлиться не люблю... У меня кромѣ тебя десятки дѣвчонокъ могли бы быть, такъ и знай десятки... но я тебя выбралъ, понимаешь... Но если ты... если ты... Если я разъ отъ кого-нибудь отвернусь, то больше назадъ не поворачиваюсь, дудки, это не въ моихъ правилахъ... зачѣмъ мнѣ это нужно... другія найдутся... Такъ и знай... и не шути со мной... сама же потомъ жалѣть будешь...

Хотя это было и невѣжливо и совсѣмъ не по кавалерски, а совсѣмъ по-хулигански, что онъ сказалъ ей — но это было уже такъ явно, откровенно и недвусмысленно, что Ми внутренне какъ-то сжалась вся, отъ страха потерять его. Она ничего не нашлась сказать ему, какъ только одно какое, то жалкое, несчастное, умоляющее:

-- Ну... Викторъ!..

Но этого было достаточно. Широко и безопасно улыбнувшись, онъ привлекъ ее къ себѣ, еще немножко свысока, привлекъ послушную, готовую расплакаться отъ счастья. И сказалъ съ какой-то ребяческой искренностью въ неуклюжихъ, неумѣлыхъ словахъ:

— Ну, то-тоже... ужъ ты, знаешь, лучше

того.. не шути съ огнемъ — или какъ это называется?.. Я, понимаешь, всегда путаю пословицы. Въ школѣ даже... намъ однажды, понимаешь, дали сочиненіе... это самое... ну... «Надо ли слѣдовать пословицѣ «Своя рубаха ближе къ тѣлу». А я ее, понимаешь, въ первый разъ слышала, мальчишкой была, да еще, въ хохлацкой семьѣ выросъ... Такъ я вообразилъ себѣ, что, молъ — «Своя рубаха ближе къ дѣлу», понимаешь... Никакъ не могъ вообразить себѣ, что учитель будетъ диктовать такое неприличное, можно сказать, голое слово, какъ тѣло. Сижу, понимаешь, и ломаю себѣ голову — что написать... «Своя рубаха ближе къ дѣлу...» Что за чортъ... Но накаталъ все-таки, страницы три съ половиной какой - то чепухи... Учитель потомъ всему классу читалъ... Да...

Ми смѣялась, беззвучно. Потомъ она дѣловито и спѣшно открыла задвижку калитки и потянула Виктора къ себѣ въ садъ. Шла съ нимъ рядомъ, глядя на него снизу вверхъ, — онъ на голову былъ выше, — спросила:

— Что ты сегодня дѣлалъ весь день?

Всегда, съ маленькимъ какимъ-то, ревнивымъ страхомъ она спрашивала его объ этомъ. Она знала: онъ — танцоръ изъ варьете, живетъ въ совершенно чужомъ ей мірѣ, легкомысленномъ и нарядномъ, какъ тѣ кабаре и дансинги, въ которыхъ онъ выступаетъ. Она знала, что въ этомъ загадочномъ мірѣ у него имѣются десятки молодыхъ женщинъ и мужчинъ, съ которыми онъ нынче пріятельствуетъ, а завтра ссорится, и наоборотъ, съ которыми онъ встрѣчается на репетиціяхъ, въ кофейняхъ, на прогулкѣ, во время спектакля и послѣ.. и къ каждому такому женскому и даже мужскому пріятелю, ко всѣмъ этимъ пестрымъ его, легкомысленнымъ днямъ и ночамъ, ко всей его жизни нынѣшней и даже

прошлой она ревновала его тайно, но тѣмъ острѣе, чѣмъ упорнѣе она скрывала свои чувства подь видомъ свѣтскаго, даже чуть-чуть презрительнаго равнодушія.

Ми знала, что и тутъ, въ нарядномъ взморскомъ курортѣ, гдѣ онъ выступаетъ въ самомъ фешенебельномъ изъ дансинговъ - кабаре, онъ продолжаетъ жизнь, которую онъ велъ зимою, въ столицѣ, когда они — Ми и Викторъ — нѣкоторое время тому назадъ такъ случайно-неслучайно познакомились. И, спрашивая его, что онъ дѣлалъ, она прекрасно знала, что изъ пестраго сумбура своей жизни онъ, кажется, преподноситъ ей какъ будто только наиболѣе почтенные и дѣловые моменты. Такъ было, вѣроятно, и на этотъ разъ

— Яааа? — спросилъ онъ протяжно, будто могъ быть еще какой - то другой ты, къ которому относился ея вопросъ, — Бился, понимаешь, надъ новымъ танцемъ, Гашишь... я тебѣ говорилъ. У Рыжей плохо получается, она не хмельная турчанка, а какая-то... чортъ ее знаетъ, взбѣсившаяся мамка ей-Богу... Я даже подумываю надъ тѣмъ, чтобы танцевать соло...

Когда онъ говорилъ, онъ необыкновенно живо и выразительно и совсѣмъ какъ-то еще по мальчишески шевелилъ-вертѣлъ губами, но такъ какъ онъ былъ смуглъ и совсѣмъ безусъ — будто никогда въ жизни еще не пользовался бритвой — Ми находила это легкое и специфическое для него гримасничаніе очаровательнымъ. Теперь она опять подумала объ этомъ и переспросила почти разсѣянно:

— Соло?...

— Ну да, соло, — отвѣтилъ онъ, вынимая портсигаръ и закуривая, — вѣдь съ кѣмъ же.. вѣдь ты же не согласишься танцевать со мною,

а?.. А какая бы изъ тебя великолѣпная турчанка вышла...

Слова его, такія какъ будто небрежныя, прожгли ее шалымъ и гордымъ огнемъ: танцовать съ нимъ... передъ всѣми... быть частью его жизни, его искусства... даже думать страшно...

... Подошли къ спящему дѣду. Викторъ остановился передъ нимъ, широко разставивъ ноги, глядя внимательно на безобразно - великолѣпную голову старика, бѣлесопалевую какъ пергаментъ среди малиноваго шелка подушекъ, мертвенную въ своемъ ужасномъ наркотическомъ снѣ.

— Какой -нибудь художникъ-импрессионистъ пришелъ бы въ восторгъ, — сказалъ онъ.

Ми показалось, что румяныя дерзкія губы Виктора невольно — отъ врожденной актерской наблюдательности и подражательности — стараются скопировать движенія, производимыя спящимъ морфинистомъ.

— Если сказать правду, — продолжалъ онъ, сжимая кулакъ, — я сейчасъ съ удовольствіемъ взялъ бы въ лапы эту цыплячью шею и свернулъ бы ее къ чорту... и ему, да и вамъ въ пользу, ей-Богу... Вотъ — дожить до такого пакостнаго состоянія, уй-юй-ююу...

Викторъ вдругъ крѣпко стукнулъ себя по лбу сложенной въ кулакъ ладонью, такъ захватила его мысль о возможности дожить до состоянія дѣда. Ми наблюдала за нимъ со смѣхомъ. Она сказала мягко, съ шутилой теплотой въ голосъ:

— Оставь ужъ мнѣ моего дѣда... Вѣдь онъ очень любитъ меня...

— Я думаю, — отвѣтилъ Викторъ презрительно, — какъ-никакъ, а повезло монсиньору этому, здорово повезло со внучкой. Такую не каждый день найдешь...

И тутъ же, передъ дѣдомъ, какъ передъ существомъ потугстороннимъ, облапилъ Ми, поцѣловалъ — цѣлуя. онъ всегда, и невольно какъ-то, вытянутыми впередъ колѣнями касался, почти сжималъ колѣни цѣлуемой женщины, какъ кавалеристъ, сладострастно сжимающей шенкеля лошади... Потомъ, быстро посмотрѣвъ на часы въ кожаномъ браслетѣ, спросилъ:

— Ну, что-жь, Мика... ѣдемъ, а?...

— Куда? — сказала она, этимъ несмѣлымъ вопросомъ изъ приличія какъ бы еще загораживаясь отъ возможности поѣхать съ нимъ, хотя чувствомъ знала, что нынче уступить, нынче не можетъ не уступить.

— Пепко празднуетъ свой день рожденія, — сказалъ Викторъ, — они тамъ уже всѣ собрались... въ городѣ, вѣдь Пепко остался въ городѣ жить, каждый день ѣздитъ сюда въ автобусъ... Если ты сегодня не поѣдешь со мною, я буду знать, что ты слишкомъ гордая, чтобы познакомиться съ нашей компаніей, такъ и знай... Тамъ здорово весело будетъ. Напиши Сюзаннѣ, что ты приглашена къ подругѣ... ну, что-нибудь придумай... вѣдь мы отъ Пепко всѣ поѣдемъ въ «Колибри», мнѣ и Рыжей выступать въ половинѣ второго приблизительно, ну а многимъ еще раньше... Гвадалквивировъ поетъ уже въ двѣнадцать или раньше... Послѣ я тебя доставлю по назначенію... напиши, что именины этой самой... Ниночки Фишеръ, или какъ она называется... На!..

И уже вынулъ изъ кармана блокнотикъ, и ловко вырвалъ листокъ, и досталъ откуда-то изъ воздуха карандашъ, и подалъ ей... Она смѣялась, внутренне замирая отъ веселаго, остраго предчувствія — быть съ нимъ, весь вечеръ, быть съ нимъ, какъ подруга его передъ незнакомыми этими людьми изъ кабаре, быть съ нимъ на ты

передь ними.. точно на холоду стояла, на веселомъ, звонкомъ свознякѣ. Послушно ставъ одной ногой на ступень террасы, положивъ на колѣно книжку, а на нее листокъ, приготовилась писать. Викторъ обнялъ ее сзади, близко придвинувшись склоненнымъ лицомъ къ ея затылку и вбирая въ себя этотъ запахъ дѣвичьей загорѣлой кожи.

Онъ крѣпко обнялъ ее, такъ что она со смѣхомъ сказала: «Ой», и пошатнулась на бѣлыхъ ножкахъ, обнялъ и, дуя отъ времени до времени и заставляя подыматься около ушей ея холеные, душистые, изсинячерные волосы, онъ началъ диктовать, зная, что она будетъ слушаться его безапекословно:

— Милая Сюзанна... или нужно многоуважаемая?... Ты ее очень уважаешь, а?... Сю-занна, такъ... Эээ... Я и забыла вамъ сказать... сказать..., что сегодня именины... ни-ны... моей подруги... какъ ее... Ниночки Фишеръ... Фи-шеръ, такъ!.. Я ѣду къ ней на такси... такъ... машину... ши-ну... высылать за мною не нужно... «Не» можешь подчеркнуть... (При этомъ поцѣловалъ въ затылокъ)... такъ какъ не знаю, когда вернусь... эээ... Во всякомъ случаѣ не раньше трехъ или... Пиши, какъ я приказываю, слышишь... трехъ или четырехъ... Такъ... Ме-ня до-ста-вятъ... Такъ... Подпись: Ми... Самое короткое и очаровательное имя на свѣтѣ...

... А черезъ полчаса, въ песочномъ лимузинѣ, въ которомъ было душновато и пахло отцвѣтающими нарциссами, бѣлѣвшими въ длинныхъ граненыхъ вазахъ у оконъ, они ѣхали въ городъ, по шоссе, гдѣ пыль уже взлетала по черному розоватыми пухлыми облаками...

... А еще немного позже, но до сумерекъ и до возвращенія Сюзанны, въ калитку назаров-

скаго сада вошелъ графъ Зоричъ. Это былъ небольшого роста, очень тщательно, но не очень по-модному одѣтый господинъ съ какимъ-то изъясномъ въ фигурѣ, изъясномъ, который на первый взглядъ нѣсколько трудно было опредѣлить. Онъ не былъ горбать, но онъ не былъ и абсолютно прямымъ, и что-то у него было съ довольно широкими и какъ-будто даже мужественными плечами, съ посадкой крупной и чрезвычайно выразительной головы, что было инымъ, чѣмъ у всѣхъ. Онъ и шелъ какъ-то странно, немного какъ-будто прихрамывая, и въ тщательно выбритыхъ щекахъ, въ стриженныхъ по-англійски усахъ, въ великолѣпныхъ, темныхъ, до ужаса благородныхъ глазахъ... и въ тщательно этомъ свѣтломъ галстукѣ, и въ манжетахъ, немного слишкомъ длинно спадавшихъ на блѣдныя и чрезвычайно холеныя руки и въ каждой мелочи, тщательно подобранной мелочи его облика, что могло показаться — хотя и джентельменскимъ, внѣ всякаго сомнѣнія, и чрезвычайно благороднымъ — но какимъ-то умилительнымъ, почти трогательнымъ несмотря на общую безусловную значительность.

Если-бы очертанія графа Зорича появились въ какомъ-нибудь иллюстрированномъ еженедѣльникѣ (какъ впрочемъ они и появлялись изрѣдка, онъ былъ врагъ фотографическихъ снимковъ изъ тщеславія...), читатель, не взглянувъ на подпись, не предписалъ-бы ихъ ни артисту, ни даже дипломату, а предположилъ-бы подъ такой внѣшностью либо извѣстнаго и обязательно аристократическаго пацифиста и панъ-европеиста, либо консервативнаго депутата изъ очень старой и слегка уже дегенеративной семьи, либо, наконецъ, индивидуально-эстетическаго философа...

Графъ Зоричъ шелъ медленно, опираясь на

палку — палку со стариннымъ набалдашникомъ слоновой кости, снабженной, вѣроятно, гербомъ съ короной и какими-нибудь никому болѣе не нужными эмблемами аристократизма... — шель, снявъ панаму и держа ее въ лѣвой рукѣ немного уже тѣмъ барственнымъ способомъ. съ какимъ держать въ рукѣ шляпу именитые старики, зайдя въ жаркій лѣтній день въ тѣневую прохладу. И брюки его, прекраснаго англійскаго сукна и цвѣта сѣровой оливы, современному и молодому человѣку обязательно показались бы узкими до смѣшного, узкими и недостаточно длинными, обнаруживающими высокій подъемъ маленькой ноги въ доброкачественномъ и тоже почти оливковымъ ботинкѣ. Таковую обувь вѣроятно носилъ Эдуардъ Седьмой, когда еще былъ принцемъ Уэльскимъ...

... Графъ Зоричъ тоже остановился передъ спящимъ дѣдомъ, какъ часъ тому назадъ останавливался танцоръ изъ кабаре «Колибри», Викторъ Юренко, родившійся въ девятьсотъ восьмомъ году на Харьковщинѣ сыномъ мелкаго шорника — но не широко разставивъ ноги, какъ тотъ, а ставъ узко, устало, такъ что немножко, и не очень красиво, поднялась одна штанина. Посмотрѣлъ на дѣда внимательно-изучающе, тѣмъ снисходительно-прощающимъ взглядомъ, съ какимъ пастыръ смотритъ на пасомаго, котораго уже невозможно спасти.

И вдругъ графъ, окинувъ глазами веранду, какъ-то изогнулся весь и быстро поднялся по ступенямъ. На подушкѣ, въ креслѣ Сюзанны, онъ увидѣлъ записку... Кривоватая, крупная, небрежно выписанныя буквы... почеркъ Ми... «... Именины Ниночки Фишеръ... ѣду на такси... не раньше трехъ-четыре часовъ...»

Бережно положилъ записку на подушку. И вдругъ жарко кинулась въ голову кровь, жаркостыдно стало... вдругъ вспомнилъ. Вчера...

или третьяго дня... когда онъ проводилъ баронессу Вестенъ, подругу матери, къ ночному берлинскому... Ниночка Фишеръ съ цѣлымъ сонмомъ подругъ, съ розами въ рукѣ... да, да, уѣзжала тоже. Аннѣтъ Вестенъ, консерваторка, тоже одна изъ подругъ, передавала ему, графу, когда они спускались по лѣстницѣ послѣ отхода курьерскаго. Ниночка Фишеръ уѣхала въ Базель, на какіе-то, кажется, курсы... Что-жъ это? Не знала?... Но какъ-же — именины... и время возвращенія указано... Да, конечно: выдумка, ложь.. Она — Ми... — ложь... И куда она, гдѣ она?... Гдѣ-же она — и съ кѣмъ?..

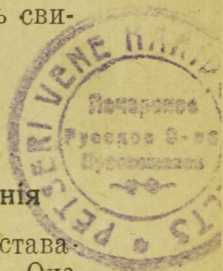
Сѣлъ на ступенькахъ, закрылъ лицо руками, такъ что еще длиннѣе, еще трогательнѣе какъ-то обнаружились бѣлоснѣжныя, накрахмаленныя манжеты. Рядомъ, со скулящимъ синимъ свистомъ, храпѣлъ дѣдъ...

Глава четвертая

Пепко празднуетъ свой день рожденія

Немного, внутренне, Ми все-таки оставалась наблюдающей во все время поѣздки. Она наблюдала, она какъ-бы взвѣшивала — насколько сильны его увлеченіе, его страсть. Она нарочно — и это ей стоило большого, почти болѣзненнаго усилія — отодвигала его отъ себя, сдерживала бѣшенство его изступленныхъ поцѣлуевъ.

Сознавая, что для нея нѣтъ ничего желаннѣе на свѣтѣ его, этихъ дикихъ и ненасытныхъ губъ, этой тѣсной, сумасшедшей близости его загорѣлаго, пылающаго лица, этой великолѣпной его, щекочущей, душистой гривы, содрогаясь отъ всего этого, вдругъ такъ близко и безудержно хлынувшаго на нее, она все-же съ властной ка-

кой-то послѣдовательною все сокращала и уменьшала его возможность упиться и насытиться ею. Не такъ скоро, милый мой, какъ-бы думала Ми, не такъ порывисто... Я не Рыжая или какая-нибудь Черненькая или Богъ вѣсть какая еще изъ вашего этого «Колибри», меня не такъ легко получить, до меня не такъ быстро докопаться... Жди, заслужи... знай, вотъ и сейчасъ, вотъ и въ эти дикія твои секунды не забывай, кто такая — Ми Назарова...

Нѣсколько разъ за эту поѣздку — первую ихъ поѣздку вдвоемъ въ лимузинѣ — ей приходилось почти кричать на него:

— Подождиии!.. Сиди смирно!.. Витька-аа!.. Да не дави ты меня, сумасшедшій... Витя, я сейчасъ велю остановить машину и вылѣзу, слышишь?!

Ей даже жарко стало отъ этой борьбы съ нимъ — жарко и жалко: такъ бы и откинулась въ подушку, съ закрытыми глазами, пусть цѣлуетъ, пусть душитъ, пусть властвуетъ... И на всю жизнь остался въ памяти запахъ полуувядшихъ нарциссовъ, великолѣпно-лѣтній, сладострастный, и это мельканіе за розовато-пыльными стеклами ослѣпительнаго шоссе, а потомъ загородныхъ знойныхъ улицъ, и эти частые впереди гудки автомобильнаго рожка, и духота этой роскошно-нарядной коробки, въ которой она заключена вдвоемъ съ нимъ для какой-то сумасшедшей, опасной, головокружительной игры...

Онъ Витька, въ общемъ, оказался все-таки очень послушнымъ, почти пай-мальчикомъ: одно время онъ даже послушно сложилъ руки на груди, вытянулъ впередъ свои могучія танцорскія ноги, сдѣлалъ румяными губами какую-то смѣшную мальчишескую гримасу и совершенно замолкъ, даже не смотрѣлъ на нее, она даже внутренне страдала въ это время отъ предположенія, что онъ не на шутку обидѣлся... И внезапно

все это окончилось: поѣздка, лимузинъ, нарциссы, ихъ переменчивая, виртуозная игра.

На какой-то улицѣ — очень отдаленной, совершенно незнакомой Ми, загородно-солнечной и пролетарской — Викторъ вдругъ постучалъ шоферу, и они подѣхали къ огромному многоэтажному дому, стоявшему особнякомъ на самомъ солнцепекѣ, среди какихъ-то заборовъ, пустырей, лѣсопильнѣ. Пока Викторъ расплачивался съ шоферомъ, Ми съ любопытствомъ оглядывала домъ: ну да, именно въ такомъ домѣ долженъ былъ жить этотъ таинственный, веселый Пепко, лучший пріятель Витьки, музыкальный эксцентрикъ изъ кабаре «Колибри». Огромный домъ, бѣлый, семиэтажный, вечерѣющее солнце обливаетъ его жесткимъ и пыльнымъ свѣтомъ. сто оконъ, или больше, всѣ горять, всѣ выпучили голыя стекла, не защищены никакими жалюзи... а внизу, какъ - разъ передъ ними, — колониальная лавка, въ витринѣ виденъ цвѣтистый чанъ съ облѣпленной мармеладомъ деревянной ложкой, еще миска, накрытая вощеной бумагой... мухи... а дальше черный сапогъ надъ дверью, выкрашенной свѣжей рыжей краской, потомъ пустая лавка, не готовая, все окно забрызгано мѣломъ. тротуаръ отгороженъ рогаткой и у бочки съ известкой стоитъ рабочий съ забрызганными босыми ногами, съ голой грудью, онъ накладываетъ на лопатку замазки — будто на вафлю мороженого — и посвистываетъ... А кругомъ у этихъ заборовъ тамъ и колючихъ проволокъ, у пустырей и брандмауэровъ — безлюдіе, пыльная предвечерняя пустота, качанія мошкары надъ мостовой. Странно, что именно тутъ, отъ этого дюжиннаго пролетарскаго дома она, Ми, ждетъ какой - то новой, неслыханной радости — съ нимъ, съ милымъ, послушнымъ, ручнымъ дружкомъ, который обнявъ сзади, ведетъ ее къ узкимъ и еще пахну-

шимъ краской дверямъ съ безразличнымъ на-
верху, на стеклѣ, по штампѣ выведеннымъ но-
меромъ: 134/136 . . .

Идутъ, проходятъ узкимъ, гулкимъ вестибю-
лемъ, гдѣ пахнетъ сырмъ камнемъ и на за-
брызганномъ полу стоять уже покинутыя соору-
женія для маляровъ — поднимаются по ступе-
нямъ, мимо оконъ, въ которыя бьетъ вечерѣющее
тюльпановое загородное солнце, мимо дверей со
многими этими, подробными этими, немного за-
искивающими надписями небогатыхъ людей, —
Ми читаетъ, любопытная къ обстановкѣ, какъ къ
новой, захватывающей книгѣ: «Салонъ корсе-
товъ и бюстгальтеровъ мадамъ Изабеллы» . . .
«Переписка на пишущей машинѣ Я. Коціанъ . . .»
«Зубной техникъ Болеславъ Заіончковскій» . . .
«Янъ Межлаукъ» на карточкѣ, сдѣланной отъ
руки, съ лучистымъ росчеркомъ . . . «Акушерка
Ида Бульбачъ» . . .

Читаетъ Ми, вслухъ, а Викторъ, обнявъ ее
сзади, возводя ее по ступенямъ бережно, какъ
принцессу, которую надо охранять отъ могу-
щихъ встрѣтиться неприглядностей жизни,
спрашиваетъ со смѣхомъ:

— Интересно, а? Въ такомъ домѣ ты еще,
вѣроятно, никогда не бывала . . . Здѣсь, ка-
жется, сорокъ восемь квартиръ, считая, впро-
чемъ, со дворомъ . . . А Пепко живетъ у вдовы
Крумбахъ, которая занимается набивкой чу-
чель. А . . . квартиранты и чучела, съ этого
она живетъ . . .

— Ну, а . . . а много народу будетъ у твоего
Пепко? . . . — спрашиваетъ Ми, останавливаясь
на площадкѣ, чтобы отдышаться — Впрочемъ,
— какъ его имя - отчество? . . . Фу, высоко! . . . —
говоритъ она, приставивъ къ груди маленькую
свою, загорѣлую руку и смотритъ на Витю улы-
баясь, какъ - бы прося простить ее за усталость
съ непривычки.

Викторъ стоитъ сзади, широкоплечій, вдвое шире ея, его огромныя болтающіяся ладони все, какъ - бы помимо воли, тянутся къ этой узкой и стройной дѣвичьей талии, которую немислимо не обнять.

— У Пепко? — переспрашиваетъ онъ. — Ахъ, да, сначала — какъ его зовутъ. Его зовутъ очень просто: Петръ Еремѣевичъ Тычковъ. одна изъ половинокъ фирмы Альфонсъ и Пепко, извѣстные музыкальные эксцентрики...

— Ну, а этотъ... Альфонсъ... тоже будетъ?

— Ну какъ - же, чтобы не былъ Альфонсъ... Вся братія будетъ... Я говорю вамъ, принцесса, вы сегодня познакомитесь съ такими типами, съ такими...

— ... Не называй меня принцессой...

— ... съ такими... Честное слово!...

— А будетъ твоя, эта... партнерша? Та, которую ты называешь Рыжей?... Это звучитъ, между прочимъ, очень грубо и напоминаетъ... проститутку...

— Про-сти-ту-тку! — передразниваетъ онъ, цѣлуя. Какъ робко и брезгливо она произнесла это слово.

Опять облачилъ и повелъ впереди себя, бѣлую и хрупкую, до слѣдующей площадки, гдѣ на одной изъ четырехъ узкихъ и одинаковыхъ дверей блеснули на плохо вычищенной мѣди черныя буквы: «Фрау Зельма Крумбахъ», а подъ этой таблицей, все - же до извѣстной степени буржуазной, небрежно, по - богемному криво, пришпиленный кнопкой лоскутокъ картона: «Петръ Тычковъ, артистъ варьэтэ»..., корявымъ почеркомъ, безъ твердыхъ знаковъ.

«Артистъ варьэтэ... Вотъ куда я иду...» — подумала Ми съ веселымъ страхомъ, — «если бы они знали...»

Но тугъ вдругъ — тамъ, въ нѣдрахъ квар-

тиры, открылась, вѣроятно, какая - то дверь, — выплеснулся имъ навстрѣчу. правда, еще задерживаемый этой узкой дверью пятого этажа, шумъ, просто какой - то шкваль шумъ, голосъ въ, смѣха, звуковъ патефона, — потомъ шаги, близко, чей - то молодой голосъ: «Сейчасъ, сейчасъ...» — звякнула цѣпочка. трррахъ! — звѣнула дверь, и выскочилъ — прямо на нихъ, такъ что отъ неожиданности даже свистнулъ — растрепанный паренекъ въ широкихъ штанахъ и въ разстегнутой гольфной рубахѣ безъ галстука. Лицо въ румяныхъ пятнахъ и пахло отъ него дешевыми парикмахерскими духами и виномъ...

— Здоровъ, Витька... — сказалъ онъ, на секунду остановившись въ нерѣшительности и мелькомъ взглянувъ на Ми, — а я, понимаешь, бѣгу за Сашкой, его послали за подкрѣпленіемъ въ «Казбекъ», а онъ пропалъ... сейчасъ будемъ обратно съ нимъ...

И понесся дальше, внизъ, сѣвъ на гладкія перила и ловко съѣзжая по нимъ, какъ школьникъ. Черезъ секунду онъ уже пропалъ внизу.

— Кто это? — спросила Ми, смѣясь. «Весело, — думала она, — страшновато. но весело...» И Викторъ разсмѣялся надъ паренькомъ.

— Это одинъ нашъ хористикъ, понимаешь... здорово уже поетъ и танцуетъ, а вѣдь парню только семнадцать лѣтъ... Только вотъ выпить любить, каналья, а наши его разбаловали, повсюду берутъ съ собою...

«Наши, — подумала Ми, — всегда эти наши, таинственные эти наши, которыхъ я сегодня, наконецъ, увижу... вотъ сейчасъ...» Да, темноватый, загроможденный шкапами коридоръ. нѣчто подобное она почему - то и представляла себѣ, когда думала о квартирѣ Пепко, — тутъ ужъ просто необходимо, чтобы Викторъ велъ ее

за плечи передь собою. А тамъ дверь, въ самомъ концѣ, и за нею этотъ веселый, этотъ сумасшедшій шумъ...

— Нѣтъ, иди ты первымъ... — говорить она почти со страхомъ, — вѣдь не могу же я зайти первая въ совершенно незнакомое общество...

— Дурочка, — говоритъ Викторъ, цѣлуя ее въ затылокъ, который тутъ въ прохладной темнотѣ кажется ему особенно очаровательно теплымъ и душистымъ, — въ совершенно незнакомомъ обществѣ... не забывай, пожалуйста, что ты не у своихъ фабрикантовъ и финансистовъ... У насъ божественная братія, а не общество, понимаешь...

Отодвинулъ ее въ сторону и громко постучалъ въ дверь — тукъ-тукъ. Сквозь шумъ, сквозь патефонъ, сквозь чье-то пѣніе — выкрики оттуда:

— Алло?... Кто тамъ?... Войдите!..

И тогда, въ распахнувшуюся дверь, нахлынула сложная, живая осязаемость теплаго оранжеваго свѣта черезъ полуспущенныя оранжевыя шторы, обиліе молодыхъ, незнакомыхъ лицъ — все какъ-будто очаровательныхъ, фильмовыхъ... — обиліе цвѣтовъ, закусокъ, бутылокъ на нарядливо-нарядномъ столѣ, и этого внезапно чуть-чуть затормозившагося шума, и этихъ на нее устремившихся, любопытныхъ взглядовъ... да, вотъ этихъ любопытныхъ взглядовъ, отъ которыхъ внезапно стало почти страшно. Страшно оттого, что вдругъ необычайно выпукло оформилось въ сознаниі: вотъ она, Ми Назарова, дочь финансиста-милліонера и невѣста графа, она, изъ другого, совершенно другого міра — вдругъ пришла, вдругъ пріѣхала — вмѣстѣ съ Викторомъ, вмѣстѣ съ ихъ Витькой, танцоромъ, партнеромъ этой Рыжей, другомъ этого Пепки... Эхъ, была-не-была... Тряхнула головой и пере-

ступила порогъ. И отчетливо стали слышны слова, почти крикъ Виктора:

— Господа-ааа! — кричалъ онъ, — господаа!.. Позвольте вамъ представить Ми... если хотите подробнѣе — Мику Назарову... Отчества я, признаться, и самъ не знаю...

Надъ этимъ вступленіемъ всѣ размѣялись — и сама Ми тоже. И ее сейчасъ-же куда-то усадили — какія-то двѣ дѣвушки потащили ее на диванъ, между собою. на диванъ съ цѣлой кучей дешевенькихъ, но нарядныхъ подушекъ — двѣ дѣвушки съ худенькими голыми руками, съ такими-же стриженными темными волосами, какъ у нея, Ми, и съ такими-же стройными ногами въ банановыхъ чулкахъ... потащили и сказали, будто представились:

— А мы васъ уже знаемъ... Вы сидѣли въ ложѣ съ Викторомъ. А вы насъ видѣли на сценѣ, но, конечно, не помните, въ реву... Она — Дина, а я — Тамара... фамиліи вы все равно не запомните и это неважно. Видите, мы пока еще выступаемъ въ реву, и насъ всѣхъ вмѣстѣ зовутъ Стелла-герлсъ, насъ десять, и...

— Пойдите, пойдите. — закричалъ тутъ маленькій толстенькій человѣчекъ съ круглой и совершенно бритой головой, въ цвѣтистомъ, какъ весенній лугъ, пуловерѣ и въ апельсиновыхъ широкихъ брюкахъ, — ткнули — ее куда-то, рабу Божью, и тараторять... дайте-же и другимъ познакомиться и къ ручкѣ приложиться...

И онъ, раскланявшись изысканно передъ Ми, приложилъ пухлую маленькую руку къ сердцу и сказалъ съ полузакрытыми глазами:

— Альфонсъ Пясецкій. эксцентрикъ по сценѣ и немножко въ жизни тоже...

Ми опять размѣялась вмѣстѣ съ другими — «какъ тутъ весело и просто, — подумала она, — и ничуть не страшно...»

И тогда предсталъ передъ нею цѣлый рядъ

какихъ-то молодыхъ мужчинъ, рослыхъ въ большинствѣ, стройныхъ и эффектныхъ, въ пуловерахъ и разстегнутыхъ гольфныхъ рубашкахъ, полѣтнему — и она схватывала на лету и запоминала и фамиліи, и отличительныя черты.

... Вотъ смуглый, цыганскаго типа Брониславъ Загада, о которомъ Ми знала, что онъ замѣчательный саксофонистъ. Вотъ хорошенькій румяный мальчикъ съ капризными губами и дифтеритными рубцами на шеѣ — онъ назвался какой-то простой фамиліей, какъ будто Янсонъ, но по сценѣ онъ запомнился Ми въ головоломнѣйшихъ акробатическихъ танцахъ. Вотъ длинный и съ огромной смоляной шевелюрой пѣвецъ шлагеровъ Караимовъ, немного хмурый на видъ и совсѣмъ другой, чѣмъ голосъ его на пластинкахъ... Вотъ, наконецъ, виновникъ торжества и, какъ извѣстно ей уже по рассказамъ Виктора, общій любимецъ Пепко... ахъ, да, Петръ. Словомъ, Тычковъ, коллега этого смѣшного Альфонса... онъ добродушный на видъ парень съ простоватымъ веснущатымъ лицомъ, лицомъ солдата, матроса, футболиста, но никакъ не артиста, хотя-бы и изъ варьетэ... Цѣлуя руку Ми, онъ совсѣмъ по-особому какъ-то улыбался и посматрѣлъ пристально, такъ что она даже слегка смугилась... Вотъ, значитъ, каковъ этотъ Пепко...

Но долго думать Ми нельзя было, ей еще надо было здороваться съ дамами, такъ просто, черезъ столъ, не вставая, черезъ чьи-то головы и плечи пожимать протянувшіяся къ ней со всѣхъ сторонъ руки. Дамъ она значительно хуже запомнила, чѣмъ мужчинъ, только запомнились огненно пылающіе волосы надъ очень напудреннымъ, очень накрашеннымъ и грубоватымъ лицомъ. Рыжая... Кажется, ее зовутъ Полей. Полиной, она полурусская, полуэстонка, ея рукопожатіе, ея испытующій взглядъ показа-

лись Ми не слишком дружелюбными. Зато чрезвычайно милой показалась хрупкая маленькая артистка съ чуть-чуть и трогательно старѣющимъ личикомъ и съ хорошими, честными глазами — такими разными отъ всѣхъ этихъ глазокъ кругомъ, кукольныхъ подъ выщипанными дужками бровей — пѣвица, кажется, русскіе и цыганскіе романсы, сплошная, конечно, лирика — въ жизни и на сценѣ. Что-то есть мучительное въ этихъ красивыхъ тонкихъ губахъ, въ нервныхъ, коленыхъ рукахъ, отягченныхъ расточительнымъ обиліемъ брилліантовъ и сапфировъ.

Но опять — нельзя думать, нельзя долго останавливаться на комъ-нибудь одномъ, надо отвѣчать, надо смѣяться, надо всѣхъ слушать, вѣдь она, Ми, сейчасъ самая послѣдняя, самая главная сенсація этого пестраго собранія. Она ныряетъ обратно въ подушки, въ то узенькое пространство между — какъ ихъ звали... да. Диной и Тамарой, которое тѣ ревниво оберегали для нея, пока она должна была приподыматься, тянуться, здороваться — ревниво оберегали, довольныя тѣмъ, что именно между ними усядется знаменитая миллионерская штучка, которую подцѣпилъ этотъ сердцеѣдъ Витька — и везетъ-же мальчишкѣ! Нырнула Ми — поскорѣе ступаться, поскорѣе слиться съ остальными.

Глава пятая

„... Мы еще съ вами не чокнулись...“

... Да, удалось. Интермеццо появленія Ми и Виктора было достаточно быстро забыто. И сдѣлалось это, въ первую очередь, благодаря Альфонсу Пясецкому, эксцентрику, самому, вѣроятно, пожилому изъ всѣхъ и опытному въ

этихъ дѣлахъ. Онъ-то и нашелъ быстро, и повернулъ куда слѣдуетъ рычажекъ, снова пустившій въ ходъ затормозившуюся было динамомашину вечеринки: онъ просто налилъ въ стаканы душистаго и очень доброкачественнаго крушо́на, создателемъ и миксеромъ котораго являлся онъ самъ, знаменитый во всемъ «Колибри» знатокъ алкогольнаго дѣла. Онъ налилъ, и всѣ чокнулись, и, конечно, первымъ дѣломъ съ Ми, это сдѣлалось какъ-то само собою — и всѣ вышли залпомъ, и опять загремѣлъ патефонъ, и Бронька Загада заигралъ на гитарѣ, аккомпанируя мелодіи танго... И тогда вдругъ съ шумомъ отворилась дверь и показались Сашка Гвадалквивировъ — Ми узнала его сейчасъ-же: гавайскій гитаристъ и пѣвецъ интимныхъ пѣсенъ — и съ нимъ тотъ веселый растрепанный паренекъ, котораго они встрѣтили на лѣстницѣ, хористикъ.

Ихъ встрѣтили криками, тѣмъ болѣе искренними, что Гвадалквивировъ тотчасъ-же началъ извлекать изъ кармановъ, своихъ и паренька, бутылки. Появился коньякъ, появился бенедектинъ и Диночка, лѣвая сосѣдка Ми, всплеснула руками и пропѣла контральтовой скороговоркой:

— Ай, батюшки, сколько они притащили!.. Перепьются парни, честное слово, перепьются, а вѣдь сегодня всѣмъ выступать...

Ми съ любопытствомъ взглянула на хорошенькую свою сосѣдку. Ровесница, — подумала она, — а можетъ быть, даже моложе на годъ или на два. Такое дитя, а уже выступаетъ, уже живетъ самостоятельно, зарабатываетъ и, главное, выработала, вѣроятно, уже себѣ твердую какую-то практику жизни, свою какую-то опытность въ дѣлахъ профессиональныхъ, матеріальныхъ, ну, и конечно, любовныхъ...

Кто-то потянулся къ ней черезъ столъ, со стаканомъ въ рукѣ — обожгли красивые, смѣю-

щіея глаза. «Ваше здорювье», сказали чуть-чуть насмѣшливыя губы. Этоъ новыи, только что пришедшій, съ испанской, то есть, напоминающей Испанію, фамиліей. Интересный. Послѣ Виктора онъ, вѣроятно, самый интересный изъ всѣхъ. Но, конечно — послѣ Виктора. Чокнулись. Глотнула опять этой обжигающей, душистой влаги, и тогда увидѣла, что еще кто-то съ любопытствомъ смотритъ на нее, оттуда, съ той стороны стола, держать на-готовѣ стаканъ, но смутился, не смѣетъ протянуть къ ней руку, смущенно улыбается — хористикъ тотъ, растрепанный паренекъ, Колька Машкирко, кажется. Тотъ, о которомъ Викторъ сказалъ, что его всѣ балуютъ. Какой милый мальчишка, нѣтъ, именно съ нимъ ей хочется чокнуться. Оторвалась губами отъ стакана, протянула черезъ столъ, сказала подчеркнуто:

— Мы еще съ вами не чокнулись...

Онъ поспѣшно, и ловко, и со звономъ, протянулъ къ ней стаканъ, покраснѣлъ и сейчасъ-же полѣзъ свободной рукойъ въ густые свои, нависшіе на лобъ волосы, въ великолѣпную свою артистическую шевелюру, долженствовавшую, вѣроятно, придать ему нѣкоторую значительность внѣшняго облика. Почти всѣ увидѣли этоъ жестъ Ми, разсмѣялись, а Альфонсъ, возвышавъ надъ столомъ въ позѣ миксера или алхимика, — онъ опять создавалъ какую-то сложную алкогольную композицію, переставляя бутылки и присматриваясь къ цвѣту смѣси съ почти научной сосредоточенностью, какъ будто передъ нимъ находились колбы и реторты, — Альфонсъ сказалъ, не отрываясь отъ своихъ занятій:

— Вотъ те и разъ... Еще и вы начинаете его портить... Ужъ и такъ намъ всѣмъ на голову сѣлъ парень. Вѣдь вы знаете, кто это такой у насъ?... Это — главный аттракціонъ нашего кабре, синьоръ Николо Машкирко...

Правда, онъ родился въ Конотопѣ, но вѣдь это было такъ давно. Это было значительно больше десяти лѣтъ тому назадъ, и очень скоро послѣ своего рожденія онъ уже... наа-ачаль выступалъ во всѣхъ европе-эйскихъ цэ-энтрахъ...

Послѣднія слова толстый эксцентрикъ произнесъ какъ-то по-особому, въ носъ. въ этомъ, вѣроятно, заключался намекъ на что-то такое, о чемъ всѣ, кромѣ Ми, знали, потому что всѣ безцеремонно захохотали, не обращая ни малѣйшаго вниманія на мучительное, до слезъ, смущеніе бѣднаго хористика — впрочемъ, Сашка Гвадалквивировъ, сидя рядомъ съ Колькой, ласково обнялъ его за плечо и сказалъ:

— Ничего, братъ, не смущайся, молодость не порокъ, какъ говорится...

И когда Машкирко неловко, совсѣмъ еще какъ подростокъ, котораго раздражаетъ непрощенная снисходительность взрослыхъ, освобожденный отъ его объятія, онъ упорно еще разъ положилъ руку на его плечо и продолжалъ:

— Нѣтъ, чего въ самомъ дѣлѣ смущать малаго. Онъ у насъ молодецъ. Вы увидите сегодня, какъ онъ танцуетъ и поетъ (эти слова онъ отнесъ къ Ми, явно выдѣляя ее), а для артиста варьете только хорошо, если онъ рано начинаетъ свою карьеру...

— Съ этимъ я не согласенъ, — немного тягеловатымъ языкомъ сказалъ Караимовъ, сидѣвшій, такъ какъ не хватало стульевъ, на громоздкомъ, шершавомъ ящикѣ, неисповѣдимыми путями попавшемъ въ квартиру Пепки: расплывшіяся начертанія оранжевыхъ мессинскихъ апельсиновъ стыдливо скрывались на немъ подъ пожелтѣвшей и на сѣверѣ расцвѣтшей газетой. — Съ этимъ я не согласенъ, сказалъ Караимовъ, по своей привычкѣ медленно поправляя оливковый галстукъ-бабочку, — кто слишкомъ рано начинаетъ, тотъ быстро выдыхается. Колька

Машкирко черезъ десять лѣтъ будетъ работать въ таможиѣ, вспомните мое слово...

— Почему въ таможиѣ? — спросила рыжая Полина, съ кокетливой полуулыбкой, показывая великолѣпную, звѣриную челюсть.

— Ахъ, ну я сказалъ для примѣра, — небрежно и нетерпѣливо поморщился въ ея сторону пѣвецъ шлагеровъ, — если тебѣ не нравится таможня, я согласенъ допустить страховое общество. Словомъ, ему надоѣсть варьете. Сколько-же можно работать въ варьете, тѣмъ болѣе, если чуть-ли не съ пеленокъ, вѣдь это-же убійственно...

— Почему, собственно, убійственно? — какъ-бы нехотя вступая въ разговоръ спросилъ Гвадалквивировъ, — я лично выступаю на эстрадѣ съ значительно большимъ удовольствіемъ, чѣмъ занимался бы, ээ... скажемъ... экспортомъ масла...

— Но экспортъ масла даль-бы немножко большій доходъ, будьте увѣрены, — сухенькимъ и не очень пріятнымъ голосомъ отрѣзалъ Каримовъ, опять принимаясь за свой галстухъ.

«Нѣтъ, этотъ мнѣ не нравится, — подумала Ми, — какой-то будничныи, странно, что именно этотъ такъ великолѣпно поетъ шлагеры... Нѣтъ, лучше опять посмотрѣть на Гвадалквивирова и Машкирко, тѣ славные ребята, и Гвадалквивировъ что-то говорить дѣльное, вотъ сейчасъ опять»:

— Впрочемъ, — говорилъ Сашка, — это разговоръ принципальный, а вѣдь мы, кажется, не собрались тутъ для принципальныхъ разговоровъ... Какъ ты думаешь, Пепко, а?.. И не вынить ли намъ по этому случаю...

— Выпьемъ! — закричалъ Пепко, и еще кто-то, и еще. Тогда опять начали чокаться, а потомъ вставать, и кто-то, кажется, Янсонъ, отдернулъ бисерную японскую занавѣску въ углу и

оказалось, что рядомъ еще помѣщеніе, полупустое, тамъ было три большихъ окна и далекой видъ внизъ на пустынную загородную улицу, на вяло, по-вечернему дымящаяся фабричныя трубы, на какой-то вокзальчикъ съ товарными вагонами, на дымчатый полукругъ зеленовато-оранжеваго вечерѣющаго неба... Тогда кто-то съ размаху кинулъ мембрану на уже приготовленную пластинку, Марлена Дитрихъ запѣла о любви, и подь душный этотъ напѣвъ, одуряющій, какъ запахъ туберозы, кто-то, кажется, Тамара и Янсонъ, проскочивъ за японскую занавѣску, уже обнялись для медленнаго, душнаго вальса... И пока Викторъ почему-то очень обстоятельно и значительно чокался съ Брониславомъ Загадой, обнявшись съ нимъ и улыбаясь, пока Машкиро, уже оправившійся отъ смущенія, тянулъ съ дивана и изъ гнѣзда подушекъ Дину, пока еще что-то суетливое и уже опять веселое творилось кругомъ, передъ нею, Ми, раскланялся, приглашая, Гвадалквивировъ.

«Танцовать и кокетничать я могу со всѣми, — наскоро подумала Ми, — наскоро какъ-бы начертила себѣ программу : любить-же я буду одного Виктора...» И, счастливая совсѣмъ по-новому, по-неиспытанному, она, увлекаемая пѣвцомъ въ сосѣдную комнату, не безъ удовольствія приглядѣлась къ его крупному, загорѣлому, повелительному лицу...

Глава шестая

Кабаре Колибри

...Асфальтъ казался лакированнымъ отъ недавняго короткаго дождя. На площади передъ Бѣлымъ Павильономъ полукругомъ стояли лимузины. Внизу, за ярко освѣщеннымъ, не очень

многолюднымъ пляжемъ, въ томъ сплошномъ лиловато-черномъ, что сливалось съ ночнымъ небомъ и дышало влажнымъ вѣтромъ, угадывалось море. Отъ этого влажнаго вѣтра у дамъ, выскакивавшихъ изъ машинъ, трепались вокругъ ногъ длинныя прозрачныя юбки. Ми быстро подняла горностаевый воротникъ манти — въ вестибюль могли встрѣтиться знакомые. Надъ подъѣздомъ краснолиловыми буквами, съ рощеркомъ и двумя золотыми птицами по бокамъ, горѣло знакомое: «Кабаре Колибри».

Но въ вестибюль не зашли — прошли боковыми дверьми, артистическими, и пока шли гулкими желтыми коридорами, проходили мимо пожарныхъ, капельдинеровъ, лакеевъ, всѣ—вся въ лимузинахъ еще шумная именная компанія — невольно сдерживали голоса, здѣсь, у себя въ театрѣ, надо было до программы казаться трезвыми и солидными. Викторъ, идя рядомъ съ Ми, многозначительно подмигнулъ ей: «пони-маешь, молъ, въ чемъ дѣло..»

Такъ, большой и чинной гурьбой, прошли въ помѣстительную ложу у самой сцены, уже заранѣе заказанную. Пепко, войдя первымъ, какъ распорядитель, сейчасъ-же подошелъ къ барьеру и задвинулъ — со стороны публики — оливковыя шелковыя ширмы, створчатыя. Въ оставшемся открытомъ пространствѣ виднѣлась сцена, зеленая радуга рампы, еще спущенная рекламная занавѣсь. Внизу скучноватенько игралъ оркестръ, для съѣзда. Столъ былъ накрытъ, лоснились колпачки салфетокъ, въ хрустальной низкой вазѣ молочно бѣлѣлъ и благоухалъ жасминъ.

Увидя въ углу ложи тахту, Альфонсъ Пясецкій подбѣжалъ и прыжкомъ сѣлъ на нее. Онъ поднялъ ноги въ открытыхъ лакированныхъ туфляхъ, обхватилъ колѣни руками, крутя волчкомъ большіе пальцы, и закачалъ головой какъ

китайскій болванчикъ. Бѣлки глазъ вращались при этомъ необычайно ритмично. Переходъ этотъ къ стилю, прерванному при выходѣ изъ лимузиновъ, былъ талантливъ, всё засмѣялись опять и зашумѣли и сквозь шумъ и подхлестанный этимъ шумомъ. Викторъ крикнулъ:

— Господааа!...

Но крикъ его еще не прободаль гущи голо-совъ, и онъ еще разъ крикнулъ:

— Господа-ааа!..

— Тише-ээ! — взвизнулъ Пепко, — слово предоставляется Ви-кто-рууу...

— Господаа! — звонко кричалъ Викторъ, вскочивъ на стулъ и держась за плечи Пепко, — господа! Пока мы будемъ выступать, въ ложѣ надо установить дежурство у очаровательной нашей хозяйки ложи. Кто хозяйка нашей ложи?! — прибавилъ онъ, весело блеснувъ глазами и обводя всёхъ этимъ испытующимъ и интригующимъ взглядомъ.

Сразу крикнулъ Пепко, совсѣмъ просто:

— Миии!..

И еще кто-то: «Мадемуазель Ми!» (очень хорошо привилось это имя), и еще голоса, мужскіе, но и женскіе, Дины и Тамары, тоненькіе: «Ми-иии!..» Рыжая сдѣлала презрительную гримасу, но потомъ тоже крикнула, нѣсколько запоздало, низкимъ груднымъ голосомъ, почти басомъ: «Мии. .»

Ми увидѣла гримаску, но отъ этого ей сдѣлалось какъ-будто еще веселѣе. «Ревнуеть» — подумала. и думая такъ, она радостно, блаженно обжигающе встрѣтилась глазами съ Витькой. Тотъ понялъ, кивнулъ.

Ми улыбаясь сѣла на стулъ, немножко какъ принцесса, какъ посторонняя, какъ залетная золотая птица — всё остальные еще стояли — она сдѣлала легкое движеніе плечами, чтобы снять манти, и тогда сразу подскочили къ ней двое

или трое, чтобы помочь, и когда Гвадалквивировъ относилъ манто къ вѣшалкѣ, онъ держалъ его въ растопыренныхъ пальцахъ, какъ драгоценность.

— Итакъ — дежурство!.. еще разъ напомнилъ Викторъ .

И тогда раздался очень робкій и очень смущенный молодой голосъ:

— Нашъ хоръ... нашъ хоръ поетъ только въ половинѣ третьяго, послѣднимъ номеромъ... У меня еще много времени, три часа. (Послѣднее было сказано очень дѣловито, просто какъ установка факта). Колька Машкирко.

И совсѣмъ пунцовымъ сдѣлался мальчикъ, и даже губы задрожали слегка.

— Здорово! — весело крикнулъ Викторъ подъ общій веселый шумъ и смѣхъ — Машкирко — безсмѣнный адъютантъ. Согласны, господа?! Ми — ты согласна?

Онъ подскочилъ къ Ми и вдругъ сѣлъ на корточки передъ нею, совсѣмъ распалившись. Ми легонько ударила его по щекѣ, разсмѣялась и встала:

— Конечно, согласна, и даже очень рада, — сказала свѣтскимъ, слегка жеманнымъ тономъ.

Размѣстились вокругъ стола, наскоро, еще не по настоящему. Дина и Тамара уже убѣжали внизъ, за кулисы — гримироваться. Караимовъ постоялъ въ дверяхъ, кого-то увидѣлъ изъ знакомыхъ въ коридорѣ и вышелъ. Саксофонистъ Загада, оказалось, вовсе и не заходилъ въ ложу, а прямо прошелъ въ оркестръ. Мужчины — Пепко, Гвадалквивировъ, Викторъ, главные заправилаы — спорили, кто сидя, кто стоя вокругъ стола: оставаться-ли послѣ программы здѣсь или ѣхать обратно въ городъ, къ Пепко, гдѣ еще осталось много напитковъ. Янсонъ, не принимая участія въ разговорѣ, балансируя на стулѣ — держась ногами, подъ скатертью, за перекладину стола — смотрѣлся въ зеркальце пудреницы и

нѣжно и любовно проводилъ пуховкой по подбородку. Онъ былъ очень красивъ, но, казалось, ни на минуту не могъ забыть этой своей красоты, главнаго и единственнаго смысла жизни.

Легкая, какъ облако пудры, угроза скуки повисла надъ ложей, угроза, которая могла-бы показаться катастрофической, если-бы большинство — а особенно мужчины, заправила — не знало, что состояніе это временное, проходящее, почти необходимое для еще болѣе пышнаго расцвѣта кутежа впослѣдствіи, когда останется позади программа... И Ми какъ-то чувствовала это и, покуда, рѣшила присмотрѣться къ сидѣвшей рядомъ лирической пѣвицѣ, той, которая казалась ей трогательно пожилой — ей было, вѣроятно, уже лѣтъ тридцать, совсѣмъ загадочный возрастъ, но интересный. Пѣвица, близко придвинувшись, отчего сильнѣе былъ слышенъ запахъ какихъ-то экзотическихъ, кажется, герленовскихъ духовъ — какъ будто „L heilige bleue“ — говорила Ми:

— Вы очень счастливая... Да, да, очень счастливая, хотя-бы уже потому, что вамъ не нужно трепаться по подмосткамъ. Это ужасъ! Нѣтъ, я говорю совершенно искренно: ужасъ! Вы вообразите себѣ: каждый вечеръ, въ томъ-же платьѣ, съ тѣми-же блестками и штучками, съ тѣмъ-же бархатнымъ цвѣткомъ въ волосахъ, который днемъ кажется ужасно пыльнымъ и потрепаннымъ — съ тѣми-же бессмысленно накрашенными щеками, бессмысленно и уныло подведенными глазами. Вы выходите и поете о любви и страсти, безъ всякой любви и страсти къ этому своему поступку... Вамъ немножко похлопаютъ — небрежно такъ, знаете, между устрицей и глоткомъ вина. И вы тотчасъ-же поворачиваетесь и спѣшите воспользоваться этими жидкими и жалкими хлопками, чтобы опять запѣть, запѣть въ надеждѣ — а вдругъ послѣ этого вто-

рого ромаса будетъ настоящей успѣхъ, мистическій этотъ успѣхъ, котораго все ждешь, ждешь, но который увертывается, какъ угорь, и не приходитъ.

— Почему вы такъ говорите, — спросила Ми, вдругъ почувствовавъ искреннюю теплоту къ этой милой женщинѣ, — вы напрасно такъ говорите, вы очень нравитесь публикѣ, именно вы.

Пѣвица недовѣрчиво покачала головой, потомъ вдругъ встала и крѣпко поцѣловала Ми въ губы. На сцену въ это время вышелъ, встрѣченный аплодисментами, толстый господинъ во фракѣ, осторожно и самодовольно почмокивавшій бритыми плотоядными губами, будто онъ только что отвѣдалъ и теперь прислушивается вкусомъ къ какой-то кулинарной утонченности.

— Конферансье, — сказала пѣвица, пожившись плечами, — а мой номеръ уже третій... Вотъ вамъ, — прибавила она, близко наклонившись къ Ми, почти шепотомъ, заговорщицкимъ, печальнымъ шепотомъ, — а милые наши эксцентрики и герлсъ и танцоры — все это позже, позже, на десертъ. А я вродѣ балыка, для пищеваренія, чтобы разыгрался аппетитъ. До свиданія, моя милая, и спасибо вамъ за добрыя слова. Вы хорошая, вы изъ другой породы...

И опять поцѣловала, даже страстно какъ-то, будто поцѣловала любовника. Слегка вздрогнувъ отъ этого новаго внезапнаго поцѣлуя и отъ запаха духовъ и косметики, Ми подумала: «Очень милая... но почему у нея все выходятъ рыбныя сравненія. То угорь, то балыкъ. Ее, вѣроятно, не любятъ въ трупѣ...»

— Небось и передъ вами свою шарманку завела? — спросилъ Альфонсъ, какъ только закрылась за пѣвицей бѣлая лакированная дверь ложи, — о томъ, что лирическія пѣвицы страдаютъ отъ непризнанности. Что-жъ, новая слушательница, свѣжая, надо ловить.

Ми хотѣла отвѣтить, защитить, но тутъ внизу, въ оркестрѣ, весело, чечоткой, затарахтѣло вступленіе къ уанстѣпу — это первый номеръ, программы, эксцентрическіе танцоры, одѣтые американскими матросами, шумные. И тогда Пепко, подскочивъ, какъ ужаленный, поклонился передъ нею, и она завертѣлась съ нимъ. и слова защиты были какъ-будто забыты.

Нѣтъ, она что-то говорила во время танца похожее, въ углу ложи — «Нехорошо!» и: «Вы всѣ ужасные насмѣшники, она очень милая!» Но Пепко пропѣлъ, улыбаясь, подъ ритмъ уанстѣпа: «Какая ми-илая... какая хи-илая...», и она прыснула и подумала, что въ этомъ Пепко что-то есть, какая-то крѣпкая бывалая самоувѣренность и что хотя онъ и некрасивъ — опять показалось: солдатская наружность... но что-то въ немъ есть общее съ Викторомъ, то неуловимо общее, что бываетъ между хорошими пріятелями. Когда она, Ми, говорила «Нехорошо!» и «Насмѣшники!», онъ только кивалъ головой и какъ-то виновато-смѣшливо складывалъ губы, и тогда она подумала, что у него очень красивый ротъ, дерзкій, но нѣжный... «Да, но вѣдь, кажется, онъ любитъ эту Рыжую,» думала она, немного прижимаясь къ Пепко. — Почему онъ любитъ Рыжую? Фу, она противная.»

Противная, то есть Рыжая, а вѣрнѣе Полина Шульцъ, въ это время вполголоса переговаривалась на диванѣ съ Сашкой Гвадалквивировымъ. Конечно, они говорили о Ми.

— Я, милый мой, нисколечко не ревную, и напрасно ты намекаешь, — говорила Полина, подтягивая вырѣзъ платья и заглядывая, наклонивъ голову, въ свое декольте, будто у нея тамъ хранилось нѣчто необычайное, — нисколечко не ревную, будьте увѣрены... Я только говорю, что это нелѣпость и чепуха и что ничего

у нихъ не можетъ выйти... Не нашего она поля ягода...

— Спрашивается, — съ лѣнцою, не очень восхищаясь своимъ тетъ-а-тетъ съ Рыжей, отвѣчалъ Сашка, не пропуская ни одного движенія Ми, — спрашивается, и почему Витькѣ только возиться съ нашего ягода полемъ... съ этимъ... нашимъ полемъ ягодомъ... яго...

Онъ запутался, махнулъ рукой сердито: только, молъ, языкъ сломать можно, разговаривая съ тобой...

— Конечно, она красивая — не слушая его, говорила Полина, тоже глядя на танцующихъ, подпирая бока маленькими толстыми ручками съ яркомалиновымъ маникюромъ пальцевъ, — очень даже красивая. Но мало-ли хорошенькихъ банкирскихъ дочекъ на свѣтѣ. И вѣдь она обручена съ какимъ-то княземъ, я хорошо знаю. Она еще нѣсколько дней назадъ сидѣла съ нимъ у насъ въ ложѣ, я-же помню. И я тебѣ говорю, Саша, все это кончится гра-аамаднѣйшимъ скандаломъ, вспомнишь мое слово... И не одному Витькѣ влетитъ, а намъ всѣмъ. Вотъ увидишь.

— Глупости... — скучающе говорилъ Гвадалквивировъ — это одна изъ твоихъ излюбленныхъ фантазій теперь... Она вѣдь не ребенокъ больше...

— Какъ-же не ребенокъ, когда ей девятнадцать лѣтъ?! — забывшись, сказала Полина громко. Ми услышала и улыбнулась, и Пепко оскалилъ свои великолѣпные матросскіе зубы. Но потомъ Полина запѣла:

— ... Вамъ девятнадцать ліэ-ээтъ!.. будто дѣло касалось только этой пѣсенки. Кто-то фыркнулъ за столомъ.

А ложа то пустѣла, то опять наполнялась. Ушелъ Янсонъ, убѣжали и эксцентрики, Пепко и Альфонсъ. Но вернулась, отпѣвшая свои но-

мера, лирическая пѣвица, въ гримѣ и соболѣемъ палантинѣ — немножко смущенное у нея было, немножко виноватое лицо, когда она сѣла за столъ и стала медленно и съ аппетитомъ ѣсть грушу, откусывая осторожно, будто обжигаясь. А потомъ прибѣжали Дина и Тамара и съ ними еще изъ труппы герлсъ, очень похожія и на Дину, и на Тамару. Впрочемъ, у одной на щекѣ было родимое пятно — смуглый персиковый знакъ на нѣжной марципановой кожѣ, и глаза у этой отмѣченной тоже были иные, не кукольные. Къ ней, вернувшись въ ложу, тотчасъ-же сѣлъ Янсонъ, верхомъ на стулѣ. И Янсонъ остался въ гримѣ, съ необычайно длинными атласными бровями. Въ ложѣ становилось похоже на спектакль или уголокъ карнавала.

Ми удивлялась, какъ быстро, какъ-будто, гдѣ-то внизу, въ полускрытомъ оливковыми ширмами пространствѣ, проходитъ программа. Она такъ много и оживленно говорила съ Гвадалквивировымъ, и почему-то даже о дѣтствѣ, о первомъ посѣщеніи оперы, о Чиу-Чиу-Санѣ, надъ которой ей хотѣлось плакать, хотя она ничего и не понимала въ ея мукахъ и ожиданіи. Ми только издали смотрѣла на сцену, не подходя къ барьеру и оливковымъ ширмамъ, то, что было внизу и напротивъ, казалось ей опаснымъ и враждебнымъ, тамъ могли быть Яницкіе, Шмидты, Олизары. Да мало-ли кто изъ взморскихъ, да и городскихъ знакомыхъ, изъ общества, этого почти ненавистнаго ей теперь общества, которое уже что-то, кажется, подозреваетъ и только и жаждетъ, какъ будто, скандала съ нею, дочерью знаменитаго милліонера Назарова.

Всеякіе появлялись въ ложѣ, забѣгали на минутку и опять исчезали. Если у саксофониста Загады была пауза, онъ прибѣгалъ вмѣстѣ съ какимъ-нибудь коллегой, котораго никому не

представлялъ — всѣ и такъ знали, — наскоро наливая коллегѣ и себѣ по стакану крошона, выпивалъ залпомъ, вертѣлся, шелкалъ передъ носомъ Диночки, отчего та вскакивала и взъерошивала его густую венгерскую шевелюру — и опять убѣгала. Или вдругъ появлялся, уже съ размалеваннымъ, какъ у клоуна, лицомъ — два футуристическихъ солнца на лбу и щекѣ — Альфонсъ въ бархатномъ лиловомъ халатѣ, оживленно спрашивалъ: «Ну, какъ вы поживаете, внуки мои...», наливалъ себѣ вина, пилъ жадно, съ прыгающимъ напудреннымъ кадыкомъ, потомъ толстыми волосатыми пальцами бралъ изъ вазы бананъ, наскоро срывалъ корку и жевалъ, бормоча что-то вродѣ:

— ...смотрите только, чтобы Рыжая не накачалась... хымъ... знаю я ее, стерву... хымъ... Барабанщика я тоже притащу къ намъ, а?!

И уносился, топоча толстыми ногами въ пурпуровыхъ туфляхъ.

И все это безтолковое, молодое, богемное и непривычное все больше и больше нравилось и почти восхищало Ми...

Глава седьмая

Хористикъ Коля

...Сцена вдругъ погрузилась въ тьму — и въ этой внезапной тьмѣ только слышны были медленные удары гонга. Потомъ вспыхнулъ желтый, какъ янтарь, свѣтъ прожекторовъ. Въ этомъ ослѣпительномъ золотомъ свѣтѣ, на фантастическомъ, косомъ возвышеніи, стояло огнепылающее существо, женщина съ багровымъ нимбомъ волосъ и сверкающей діадемѣ, вся

въ чемъ-то текучемъ и пламенномъ. Въ бѣломъ, какъ воскъ, лицѣ огромными казались и почти страшными глаза — остановившійся, застывшій взглядъ.

Каждый разъ, когда Ми видѣла этотъ главный номеръ программы Колибри, царственная, величественная женщина, олицетворявшая огонь, ей казалось существомъ безплотнымъ, почти метафизическимъ, не вѣрилось, что это — артистка, такая-же, какъ всѣ, артистка, которая можетъ поссориться со своей сосѣдкой по уборной изъ-за палочки ружа или присланныхъ цвѣтовъ. Теперь, нынче, Ми знала, что огненная безплотность — Полина Шульцъ, Рыжая, самая вульгарная и обыкновенная женщина, единственно непріятная изъ всѣхъ, съ которыми она сегодня познакомилась. И уже всѣ ея. огненной женщины, эффекты, эти медленные колыханія тѣломъ, отчего внизъ и вверхъ скользили и горѣли фіолетовыя змѣи свѣта, эти виртуозныя, вѣроятно, мастерскія штучки и движенія, свидѣтельствовавшая, конечно, о большой доброкачественности Полины, какъ пластической танцовщицы, — на этотъ разъ потеряли какую-то всю остроту и привлекательность. Все вспоминался вульгарный маникюръ туповатыхъ и плебейскихъ ногтей, бедра, голосъ, всякія подробности въ жизни...

Но вотъ отъ этихъ ртутныхъ колебаній и колыханій огня отдѣлилась вдругъ искра — великолѣпный, стройный юноша въ малиново фіолетовомъ шелковомъ трико, то насыщенный огнемъ и блескомъ, какъ рубинъ, то вдругъ блѣднѣющій подобно синему пламени эфира. Викторъ! Искра эта закружилась волчкомъ, головокруглительно — подъ горячее что-то, кажется брамсовское, въ оркестръ — закружилась, провожаемая быстро переносящимся свѣтомъ

прожекторовъ, который будто ловилъ и настигалъ эту бѣшеную пляску искры.

Ми смотрѣла, восхищенная, — какъ нѣсколько недѣль назадъ, когда она впервые увидѣла и влюбилась въ этотъ образъ, не зная еще и совершенно не думая о томъ, кто воплощаетъ его. Въ ложѣ они остались таперь вдвоемъ, Ми и Машкирко, безсмѣнный адъютантъ. Хористикъ сидѣлъ у стола, а передъ нимъ, на тарелочкѣ лежала груша, уже очищенная — рядомъ съ нетронутой, сочной этой грушей рыжеватой змѣйкой свернулась искусно, въ одинъ пріемъ снятая кожа. Но Коля не ѣлъ грушу, хотя онъ и посматривалъ на нее съ нѣкоторымъ небнымъ вождельніемъ, какъ-же ѣсть грушу, когда онъ наконецъ, остался вдвоемъ съ нею, Ми. Онъ и на сцену не смотрѣлъ, сцену онъ зналъ до тошноты, каждый вершокъ декорацій, каждый прыжокъ и звукъ выступающихъ, вотъ какъ знаешь содержимое своего бумажника.

Ему очень хотѣлось рассказать Ми изъ своей жизни что-нибудь веселое, но и чуть-чуть жалостливое въ то-же время... вотъ хотя-бы объ одномъ случаѣ, какъ онъ съ пріятелемъ однимъ, нюренбергскимъ футболистомъ Арведомъ Бокъ, собирався удрать въ Холливудъ, и какъ они добрались до Бремена, и еще многое можно было рассказать, даже немножко о дѣтствѣ, вотъ о Конотопѣ, о реальномъ училищѣ или о домикѣ ихъ на Шоссейной, собственномъ, о комнатѣ, которая была оклеена не обоями, а картинками отъ пакетиковъ овощныхъ сѣмянъ: редисъ розовый, ядовито зеленый огурецъ и лимонные стручки фасоли. Да, кажется, именно Ми можно было объ этомъ рассказать, и она совсѣмъ не смѣялась-бы равнодушно, она поняла-бы, кажется...

Но Ми не смотрѣла на хористика. Ми стояла у барьера ложи, близко, забывъ о публикѣ и о

предосторожности. И когда послѣ танца Виктора публика очень шумно и горячо зааплодировала, ей показалось, что немножко это относится и къ ней, Ми. И тогда, перегнувшись черезъ перила, она съ невольнымъ любопытствомъ взглянула на эту публику — внизу, напротивъ, рядомъ. Сотни головъ, обычныхъ этихъ, вечернихъ, свѣтскихъ, холеныхъ, такихъ привычныхъ. Столики, бутылки, кельнера, шелковые абажуры, серпантинъ, жужжаніе... И вдругъ — увидѣла.

На возвышеніи, у главнаго входа, совсѣмъ одинъ, за маленькимъ, одиночнымъ столомъ съ одной какой-то и какъ будто случайной, нетронутой бутылкой — блѣдное лицо, дипломатическій проборъ и странныя эти, уродливыя эти и жалкія плечи... Корректный господинъ въ смокингѣ, неподходящій, случайный въ этой легкомысленной шалой залѣ археологъ, нумизматъ, аристократъ. Кому онъ нуженъ тутъ... зачѣмъ пришелъ?..

Ми дернулась вся, отскочила, сѣла на стулъ съ учащенно забившимся сердцемъ. Почувствовала, какъ кровь прилила къ щекамъ. Какая стыдная, отвратительная минута. Замѣтилъ-ли, уличена-ли уже она — или еще въ безопасности? Конечно, онъ пріѣхалъ не спроста, конечно, онъ — подозрѣваетъ и ищетъ... .

— Фу! — сказала невольно, переводя дыханіе.

— Что? — спросилъ Машкирко, тоже испуганный и уличенный какъ-будто, — онъ уже началъ было ѣсть грушу, — что-оо?..

Ми посмотрѣла — и такимъ милымъ, такимъ хорошенькимъ и роднымъ ей показался вдругъ хористикъ Коля, такой птенчикъ, такой мальчикъ еще, нестрашный.

— Коля, — сказала она почти съ лаской, —

вы очень хорошій, право... И мнѣ очень хочется сказать вамъ одну вещь...

— Ну да, — обрадованно, счастливо сказалъ хористикъ, — ну, конечно... Пожалуйста, скажите!..

Онъ совсѣмъ отодвинулъ отъ себя тарелку съ грушей, вонъ эту чепуху, вѣдь Ми будетъ говорить съ нимъ. Страшно большими сдѣлались и напряженными его ребяческіе глаза, страшно ожидающимъ это еще не испорченное гримомъ и страстями лицо.

— Вотъ видите, это ужасно, — сказала Ми, — это ужасно страшно. Вотъ вы свободны... Вы совсѣмъ свободны, Коля... простите, я все говорю Коля, я не знаю вашего имени и... ну, хорошо, я буду говорить Коля, все равно... (это она сказала въ отвѣтъ на его просящій, почти умоляющій взглядъ). Только и вы тогда должны говорить Ми, я вамъ разрѣшаю тоже, понимаете. Такъ слушайте: вы свободны и почти всѣ остальные тоже. А я вотъ, я... Мнѣ просто навязали, я даже не знаю, какъ это сказать... Меня какъ будто связали съ человѣкомъ, котораго я совершенно, совершенно не люблю, вотъ ни настолечко... (она что-то попыталась показать на мизинцѣ, Коля смотрѣлъ очень внимательно, будто ему предстояло точно запомнить и когда-нибудь повторить это измѣреніе). — И получается, — продолжала Ми, — что то, что я вотъ сейчасъ вотъ сижу тутъ съ вами, вообще со всѣми вами, въ вашемъ обществѣ и безъ него, что это большое какое-то... и... почти преступленіе... Этого нельзя мнѣ почему-то, а я все-таки дѣлаю, и я должна была написать на запискѣ, что ѣду къ подругѣ, къ Ниночкѣ Фишеръ, понимаете?... Нѣтъ, вы кажется, не поняли ни одного слова, и это неудивительно, потому что я говорю ужасно безтолково. Но какъ-же, какъ-же мнѣ

иначе объяснить вамъ, какъ-же... Вѣдь вообще все это... все это... такъ без... такъ без...

И вдругъ расплакалась, упала черной своей холеной головой на столъ, на какую-то кѣмъ-то забытую шаль, рядомъ со стаканомъ недопитаго крушона, вся заколыхалась отъ давно сдерживаемыхъ, отъ злыхъ, отъ незаслуженныхъ слезъ. Ужасно испугался хористикъ. Вскочилъ, наклонился къ ней и потомъ вдругъ — и совсѣмъ просто, по-товарищески какъ-то и по-доброму — обнялъ ее сзади, крѣпко обнялъ, какъ подружку свою по той-же безтолковой, непонятной, сладкой молодости. Обнялъ Ми и на минуту, на секунду — прильнулъ къ ея душистымъ, смолянымъ волосамъ... Даже не губами, а щекой — и вовсе не пользуясь случаемъ, а отъ нестерпимаго своего, захлебывающагося сочувствія.

Сказать ничего не могъ, совсѣмъ не было, не могло быть словъ, какія-же слова можетъ сказать онъ, хористикъ и танцоръ Колька Машкирко, самый молодой изъ всѣхъ и неопытный, слова это ужасно трудное что-то, куда труднѣе, чѣмъ пѣть и танцовать. Стоялъ за нею и страстно страдалъ съ нею вмѣстѣ. съ этой чудесной Ми, которую онъ сегодня увидѣлъ въ первый разъ въ жизни.

Конечно, это продолжалось только нѣсколько минутъ. Ми подняла голову, оглянулась на Колю, улыбнулась ему — еще немножко сквозь слезы, а потому особенно какъ-то лучисто — а потомъ дѣловито достала изъ сумки круглую оранжевую коробочку Коти съ пуховками на эмалированной крышкѣ, и начала внимательно смотрѣться, пудриться, потомъ подкрасила губы. Нѣтъ, Коля совсѣмъ не былъ разочарованъ, вѣдь такъ дѣлають всѣ женщины, онъ смотрѣлъ и восхищался по-прежнему.

— Только пожалуйста, Количка, — говорила Ми уже совсѣмъ спокойно, трубочкой вытягивая

впередъ губы и накладывая ружь, — пожалуйста, милый, объ этомъ... инцидентѣ, никому ни слова, понимаете... Ради Бога... Такъ...

Втиснула карандашикъ въ кожаный футлярчикъ, сунула вмѣстѣ съ пудрой въ сумку, прибавила уже совсѣмъ кокетливо, по-свѣтски:

— Это будетъ наша маленькая тайна, ладно?

Улыбнулись другъ другу, какъ заговорщики, уже опять совсѣмъ счастливые. И такимъ подходящимъ, такимъ желаннымъ показался раздававшийся внизу вальсъ. это томное, это пѣвучее „Sout les toits de Paris...“

Ми поднялась, рѣшительно тряхнувъ головой — она рѣшила крѣпко и безповоротно забыть, что въ публикѣ сидитъ графъ, — она положила руку на плечо Коли и пошла съ нимъ, напѣвая мелодію вальса, приятно чувствуя ту профессионально-танцорскую увѣренность, съ какой онъ повелъ ее, лавируя по заставленной ложѣ. Бѣлая лакированная дверь шумно распахнулась, за нею показалась цѣлая гирлянда смѣющихся лицъ — Дина и Тамара, Янсонъ, Гвадалквивировъ, еще кто-то...

Глава восьмая

Ми танцуетъ на столѣ

Все болѣе шумно дѣлалось въ ложѣ, все болѣе безтолково. Уже всѣ опять были въ сборѣ, только хористикъ убѣждалъ, переодѣться и пѣть. Ми чувствовала приливъ чего-то великолѣпно-безшабашнаго, ей казалось, что всѣ эти веселые и нарядные люди, которые ее окружаютъ — подвластны ей, любятъ ее, почти благоговѣютъ передъ ней, Ми, героинею какого-то увлекательнаго романа. Да, она чувствовала себя именно героинею романа, тѣмъ болѣе увлекательнаго,

чѣмъ сильнѣе онъ былъ насыщенъ чѣмъ - то щекоцуще - трагическимъ.

Викторъ былъ опять, Викторъ въ умопомрачительномъ своемъ смокингѣ, еще болѣе чудесный, чѣмъ днемъ: на напудренномъ молодомъ лицѣ еще сохранились легкіе слѣды грима. брови и не совсѣмъ естественный румянецъ подъ глазами, безгранично легкомысленный и земной румянецъ. И оба они, Ми и Викторъ, теперь уже совершенно неразлучные, много и часто пили, какъ, впрочемъ, и всѣ кругомъ, и Ми уже совершенно забыла о графѣ — какъ - то на секунду вспомнила и выглянула исподтишка за оливковыя ширмы, теперь еще болѣе сдвинутыя: нѣту, опустѣлъ столикъ, нигдѣ не видно графа, слава Богу. Не видно графа, значитъ, не видно и нѣтъ этой ея несвободы, этой скованности, вообще, нѣтъ никакой связи съ тѣмъ, враждебнымъ. Зато есть какая-то махровая, веселая сумятица охмелѣнія, общая сумятица и ея личная блаженно сливающіяся въ одно . . .

Конечно, она рассказала Виктору о графѣ, рассказала, когда они сидѣли вдвоемъ на диванѣ послѣ сумасшедшаго какого-то и безконечнаго фокстротта, — и тогда они оба такъ звонко расхохотались, что Рыжая, сидѣвшая на колѣняхъ у Альфонса, посмотрѣла съ подчеркнутымъ любопытствомъ. Она тоже напивалась, но ревность свою запила еще не совсѣмъ. Альфонсъ же угощалъ ее толстѣйшими и крѣпчайшими папиросами и совершенно площадными, матросскими анекдотами, — и то и другое она смаковала. Еще была, у самыхъ дверей, тахта, и тамъ возлежали, совсѣмъ уже по-оргійному, герлсы, Янсонъ, Бронька, Загада, тамъ были подушки, ножки въ банановыхъ шелковыхъ чулкахъ, бокалы которые вдругъ со звономъ соединялись надъ клубкомъ рукъ, затылковъ, растрепанныхъ волосъ, были обрывки серпантина, визгъ, рас-

поясанность — и все это издали было похоже на фильму.

Ми чувствовала, что ей уже трудно обойтись безъ постоянныхъ этихъ Витькиныхъ прикосновеній. и минуты, въ которыя не было его крѣпко сжимающихъ рукъ, его ищущихъ губъ (отъ которыхъ она, Ми, все слабѣе и неохотнѣе отмахивалась...) и этой щекочущей близости его буйно растрепавшихся волосъ — казались ей потерянными и напрасными.

...А потомъ неожиданно, — кажется, это было уже послѣ цыганскаго хора на сценѣ — въ ложѣ появился какой - то посторонній лысый господинъ, маленькій и съ золотыми зубами, и о чемъ - то долго и не очень дружелюбно онъ толковалъ съ Караимовымъ, самымъ распорядительнымъ и трезвымъ изъ всѣхъ — толковалъ, все подымая густыя, точно наклеенныя брови, похожія на усы. И послѣ этого распорядительный Караимовъ о чемъ - то шушукался съ Пепко, и тогда и Пепко, и Караимовъ, и Альфонсъ начали всѣхъ толкать въ дверь и въ коридоръ. Это было началомъ послѣдняго періода этой безконечной и неопредѣлимой ночи, самаго путанаго. Опять шли по коридорамъ и спускались по лѣстницамъ; и все около былъ Викторъ и его жаркія, хмельныя прикосновенія, и опять какимъ - то образомъ былъ ослѣпительно освѣщенный лимузинъ, въ которомъ всѣ сидѣли, почти лежали — какъ попало, какъ небрежно разсунутыя по коробкамъ фигуры маріонетокъ. Но и тутъ, въ лимузинѣ, продолжался тотъ - же клубокъ разгоряченныхъ лицъ, помятыхъ платьевъ, смѣха, объятій, душныхъ духовъ, отъ которыхъ кружилась голова, отъ которыхъ куда-то неопредѣлимо далеко уплывала граненая чаша лампы подъ оливковымъ сукномъ потолка. И опять это совершенно запутавшееся «я», ощущаемое Ми, совершенно неотдѣлимо отъ общаго

шумнаго клубка и отъ Виктора, очутилось вмѣстѣ съ клубкомъ и съ Викторомъ въ какой-то знакомой полупустой комнатѣ, гдѣ на стѣнѣ, криво пришилленные кнопками, висѣли журнальные снимки Жозефины Беккеръ и, кажется, Чаплина, уже разъ видѣнные, и гдѣ опять былъ безпорядочный кутежный столъ съ липкими рюмками и окурками, и гдѣ опять, и сейчасъ же, надо было подъ шумъ и крики со всѣми чокаться.

И опять поплыли знакомые и какъ - будто неотдѣлимые отъ воздуха звуки фокстротта и гнусавые, хлесткіе саксофоны запѣли.

И тогда — сейчасъ же, или часомъ позже, это Ми уже не могла опредѣлить, — гдѣ-то около нея, и вклиняясь между нее и Машкирой, хористикомъ, который опять началъ появляться часто, появилось вдругъ напудренное, — какъ-будто свѣженапудренное и еще пахнущее этимъ свѣжимъ слоемъ пудры, — лицо Палины, Рыжей, упорное лицо, отъ котораго на этотъ разъ не отдѣлаешься, и маленькій, хищноватый и упорный ротъ спросилъ:

— Вы очень любите Виктора? . . .

Ей показалось вдругъ, что ротъ этотъ, тѣсныя, цинично накрашенные губы, хотя въ впитаться въ нее, въ Ми, въ ея щеки и шею, восатся, отравить. Такъ нестерпимо близко наклонилась къ ней Рыжая, что Ми съ брезгливостью услышала ея горячее, ликерно - табачное дыханіе. Она полузакрываетъ глаза и, какъ загнипнотизированная, отвѣтила еле слышно, словомъ, которымъ она какъ - будто навсегда жертвовала собою:

— Очень . . .

И еще разъ повторила потомъ, и совсѣмъ уже сомнабулично:

— Очень . . . да . . .

Тогда Рыжая, совсѣмъ сжавъ ее, совсѣмъ безвыходно прижавъ ее куда - то въ уголь тах-

ты, сказала тихо, и уже какъ - то человѣчнѣе, какъ - то успокоеннѣе звучаль ея голосъ:

— Я вамъ его уступаю... слышите!... Я уступаю вамъ Витьку... Но если вы вздумаете только поиграть съ нимъ... понимаете... какъ миллионерская дочка какой - нибудь цацой... и бросить потомъ... я... я... я отомщу вамъ, такъ и знайте.

Немного страшно сдѣлалось, сладко страшно. «Я люблю, — подумала Ми головокружительно, — я люблю, совсѣмъ по - настоящему люблю... И мнѣ угрожаютъ, мнѣ угрожаютъ за эту любовь. За любовь или за какое - то прекращеніе ея отъ меня, которое, конечно, невозможно... Развѣ я когда - нибудь смогу разлюбить его, моего Витьку?!»

...Вдругъ вскочила, рѣзко освободилась отъ плѣна, отъ страшноватыхъ этихъ, и душныхъ, но сладостныхъ минутъ. И тогда горячо и внезапно обняла Рыжую и поцѣловала въ ненавистныя, цинично подкрашенныя губы:

— Спасибо вамъ, — сказала, немножко задыхаясь, — спасибо... Нѣтъ, нѣтъ, никогда не разлюблю... слышите...

И вскочила. Вотъ онъ, Витька, ея судьба, Подбѣжала къ нему:

— Что такое, чего ты бушуешь? — спросилъ онъ смѣясь, взявъ ее себѣ, какъ свою часть, но на секунду совсѣмъ мелькомъ, переглянувшись съ Полиной, оставшейся на тахтѣ насмѣшливо наблюдающимъ истуканомъ. — Что ты буянишь, — прибавилъ онъ уже тише, только для нея, — слушай, ты немножко, кажется, уже того, а? Не пей больше, дѣтка, а?

И когда сказалъ «дѣтка», внезапною и прелестною почувствовалъ къ ней связанность, почти отвѣтственность, совершенно неиспытан-

ное имъ, а потому очаровательное чувство. «Маленькая моя...» — сказалъ онъ мысленно.

— Нѣтъ, ничего, — сказала Ми, уже совсѣмъ опять свѣтская, почти свысока, — я ничего. Я очень довольна. Только... который часъ?

Но тутъ имъ надо было оглянуться туда, куда въ эту минуту смотрѣли всѣ. На полу, на раскинутыхъ подушкахъ, туркомъ сидѣлъ Альфонсъ съ дамской шляпой на головѣ и съ сигарою въ зубахъ, и билъ вилкою по какому-то металлическому предмету. просто билъ, сюда, туда, но звонко и красиво получалась у него мелодія какого-то испанскаго танца.

— Здорово! — крикнула Ми и вдругъ отдѣлилась отъ Виктора, побѣжала и въ два прыжка и необычайно ловко очутилась на стулѣ, а потомъ на столѣ, на безпорядочномъ, кутежномъ столѣ, въ золотистыхъ своихъ туфелькахъ.

Герлсы Дина и Тамара взвизгнули отъ восторга, а Колька Машкирко и Пепко бросились убирать со стола бутылки и тарелки, освободить мѣсто. Ми, глядя съ улыбкой въ веселые заплывшіе глаза Альфонса. съ еще большимъ рвеніемъ и съ дикими какими-то варіаціями выбивавшаго свою мелодію, начала переставлять на столѣ еще осторожныя пока, примѣривающіяся ноги. Но потомъ ноги пошли какъ-то сами, чудесныя Микины ноги, освобожденныя до колѣнъ — она подняла платье, то сходясь тѣсно, сжимаясь, то вывертываясь съ топоткомъ. Въ упоеніи и съ горящими глазами били въ ладоши окружившіе столъ Пепко, Машкирко. Гвадалквивировъ, Караймовъ И даже Рыжая на тахтѣ смѣялась снисходительно, колыхаясь затынутымъ въ панцирь вечерняго платья бюстомъ. А Викторъ, широко разставивъ ноги, стоялъ поодаль, наклонивъ голову впередъ, какъ менеджеръ, оцѣнивающій достоинства вытенированнаго имъ

спортсмена или спортсменки, и уже у него нетерпѣливо чесались ладони отъ желанія снять со стола эту хрупкую, увлекательную куколку и слиться съ нею въ совершенно неожиданномъ импровизированномъ танцѣ...

Глава девятая

Дождь за окномъ

Такъ рано еще никогда. кажется, не собирались у Назаровыхъ въ оливковой гостиной, какъ нынче. Былъ одиннадцатый часъ утра. Приѣхалъ Александръ Кузьмичъ, утреннимъ изъ Берлина, по обыкновенію своему не предупредивъ ни письмомъ, ни телеграммой. Онъ приѣхалъ изъ города на такси, съ тремя своими чемоданами, очень посвѣжѣвшій и въ парижскомъ пальто и шляпѣ и даже немножко измѣнилъ — за границей — усы: они стали болѣе подрѣзанными и совсѣмъ черными, безъ той легкой сѣдины, какая намѣчалась раньше. Дѣла въ городѣ онъ рѣшилъ отложить на завтра-послѣзавтра. и насладиться двухдневнымъ домашнимъ покоемъ, послѣ всякихъ заграничныхъ леченій и скитаній.

Въ виллѣ своей онъ нашелъ сонное царство, когда на рѣзкій его хозяйскій звонокъ открыла вся сѣрая отъ заспанности горничная. Вообще въ это дождливое и пасмурное утро и послѣ всякихъ заграничныхъ ухищреній и эффектовъ вилла показалась Назарову весьма какой то скромной и тусклой. Вѣсть о прибытіи хозяйна разнеслась по дому искрой. Первымъ изъ своей каморки выскочилъ Пей-Ву, китаецъ, опредѣленный фаворитъ Александра Кузьмича, съ которымъ онъ даже расцѣловался тоекратно, какъ на Пасху. Потомъ изъ своихъ аппара-

ментовъ выкатился въ креслѣ-самоходѣ дѣдъ — онъ терпѣть не могъ лакея около себя, «молодые, — говорилъ онъ, — недвусмысленно скучаютъ, а отъ старыхъ пахнетъ старостью, и то и другое невыносимо...» — дѣдъ поцѣловалъ Александра Кузьмича въ лобъ и похвалилъ новый покрой усовъ. (Онъ уже былъ подъ морфіемъ, первой утренней порціей, а потому словоохотливый).

— Ты похожъ сталъ на князя Бюлова, — сказала онъ сыну, — и въ этомъ, вѣроятно, и заключается главная заслуга Наугейма..

— Очертанія князя Бюлова въ данную минуту представляются мнѣ нѣсколько туманными, — улыбнулся Александръ Кузьмичъ, подводя кресло отца къ камину, въ которомъ Пейву уже разжигалъ коксъ, — но я полагаю, что это комплиментъ?..

— Ты полагаешь не безъ основанія, — отвѣтилъ, дѣдъ, продолжая разговоръ въ стилѣ уайльдовскихъ діалоговъ, который иногда въ ходу былъ между Назаровыми, старшимъ и младшимъ. — Въ сходствѣ этомъ, — говорилъ онъ, перебирая своими пергаментными пальцами складки пледа, — по меньшей мѣрѣ заключается элементъ джентльменства, что въ наши дни встрѣчается не такъ ужъ часто...

Но тутъ діалогъ ихъ былъ прерванъ появленіемъ мадемуазель Сюанны, которая прибѣжала бряцая браслетами, съ запахомъ кольдкрема послѣ утренняго массажа лица и еще со слѣдами зубной пасты въ уголкахъ рта. Она жеманно склонила голову передъ *monsieur*, который почтительно поцѣловалъ ей руку, процедура, вторявшаяся въ среднемъ около двадцати разъ въ году, передъ началомъ и по окончаніи путешествія, уносившаго Назарова дальше чѣмъ на пятьсотъ километровъ отъ родного очага. Сюзанно тотчасъ-же спросила: будить-ли Ми, кото-

рая еще спитъ, вернувшись домой очень поздно, она была на затянувшейся вечеринкѣ у подруги Ниночки Фишеръ...

— Да нѣтъ, зачѣмъ будить, пусть спитъ, — отвѣтилъ Александръ Кузьмичъ, потирая руки у нерѣшительно загорѣвшагося камина, а потомъ потрепалъ китайца за смуглое ухо. Ну, братецъ, какъ жилъ-поживалъ, а?..

Но отвѣтить китайцу, уже поднявшему къ нему свое благоговѣющее и оживленное азіатское лицо, не далъ, опять обратился къ Сюзаннѣ:

— На именинахъ Зины Фишеръ... или какъ она?... Вотъ какъ?... Но постойте... или я все-таки спуталъ... Да третьяго дня на Тауэнтценштрассе въ Берлинѣ я ее какъ-будто встрѣтилъ. Кого-то я тамъ увидѣлъ определенно изъ Микиныхъ подругъ, я ѣхалъ, а она шла пѣшкомъ и очень оживленно кивнула мнѣ... Я еще подумалъ потомъ, вѣдь, я всегда путаю фамиліи, Фишеръ она называется или Веберъ, что-то въ общемъ ремесленное. Но изъ Микиныхъ новыхъ подругъ, это я зналъ твердо... Хм... Но разъ вечеринка, то я, очевидно, все-таки спуталъ...

— Въ каждой путаницѣ всегда заключается доля правды. — медленно сказалъ дѣдъ, по-особому какъ-то оскаливъ беззубый ротъ, — но съ другой стороны: разъ имѣются аэропланы, почему-бы Ниночкѣ Фишеръ или Веберъ не быть третьяго дня на Тауэнтценштрассе, а вчера...

— Ну, начинается мистика,—добродушно прервалъ Александръ Кузьмичъ, оживленно шагая по гостиной и опять немного удивляясь ея скромнымъ размѣрамъ. — Пейвушка, — прибавилъ онъ, этимъ громкимъ словомъ, какъ токомъ, поразивъ и воодушевивъ китайца, — бѣги въ х-м-мъ и тащи сюда рыжій саквояжъ, тотъ, гдѣ имѣется наклейка отель «Эспланадъ», хочу распаковать подарки...

И когда китаец убѣжалъ, прибавилъ, все такъ же оживленно:

— Вѣдь я, откровенно признаться, подарки покупаю только для того, чтобы ихъ потомъ распаковывать и вручать, безъ всякой видимой пользы для одариваемаго. Въ пятьдесятъ три года эта процедура для меня такъ же интересна, какъ лѣтъ двадцать назадъ, такъ что, если я покупаю подарки, то дѣлаю это исключительно изъ эгоистическихъ побужденій.

— Не безъ гордости узнаю Назарова, — сказалъ дѣдъ, откинувшись въ подушку съ полужакрытыми глазами.

Сюзанна-же добросовѣстно застонала:

— O monsieur, и почему вы всегда, какъ это говорится, затушевываете свое золотое сердце?

— Затушевываю, затушевываю изъ скромности. — разсѣянно говорилъ Александръ Кузьмичъ и вдругъ, остановившись посреди комнаты, сказалъ почти сердито: — Эта вилла ни къ чѣрту не годится... Маленькая, тусклая, мовежанристая... Какія я прелести видѣлъ въ томъ-же Наугеймѣ или въ Висбаденѣ, Дармштадтѣ! Въ будущемъ году приступаю къ постройкѣ новаго дома, а въ этой хламидѣ можетъ поселиться какая-нибудь вдова Моргенштернъ и открыть въ ней пансіонъ «Аврора» или «Олимпія».

И побѣжалъ навстрѣчу Пей-Ву, выскочившему въ это время изъ-за портьеры и заинтеренованному не меньше своего хозяина: онъ все приплясывалъ и отъ нетерпѣнія потягивалъ вверхъ рыжія краги, плотно облежавшія его стройныя икры. Первый-же свертокъ, извлеченный ими совмѣстно изъ саквояжа, оказался предназначеннымъ именно для него, китаецъ: великолѣпная кулакитаянка, маленькое чудо изъ фарфора, плетеной соломы и шелка. Китаецъ взвизгнулъ и подпрыгнулъ. Даже Сюзанна улыбнулась. Алек-

сандръ Кузьмичъ хлопнулъ его по плечу и сказалъ:

— Вотъ тебѣ соотечественница! Можешь повѣсить ее у своей кровати и вообразить, что ты въ Шанхай или этомъ твоёмъ... Ичанѣ.

— Шанхай... хы... Ичанѣ!.. — самозабвенно говорилъ Пей-Ву, вертя въ смуглыхъ рукахъ куклу и больше, кажется, интересуясь чистотой европейскими ея качествами, чѣмъ национальнымъ сходствомъ.

Потомъ вмѣстѣ съ Александромъ Кузьмичемъ опять нагнулся надъ саквояжемъ. Александръ Кузьмичъ извлекъ свертокъ, кокетливо перевязанный золотымъ жгутомъ, и далъ китайцу, толкнувъ его въ спину по направленію къ Сюзаннѣ. Но не успѣла Сюзанна разохаться надъ привезенными ей какими-то чрезвычайно роскошными пасьянскими картами, какъ вошедшій лакей доложилъ о прибытіи графа Зорича.

— Проси, проси, — живо отвѣтствовалъ Александръ Кузьмичъ и опять толкнулъ въ спину китайца, — проси графа сюда, Пейвушка, сюда проси, живо...

Пей-Ву умчался, съ куклой въ рукѣ, а Александръ Кузьмичъ съ какой-то задумчивой разсѣянностью обратился къ дѣду:

— Вотъ и нашъ нумизматъ, — сказалъ онъ, почесавъ переносицу, — что, онъ часто бывалъ у насъ? И какъ онъ вообще... какъ съ Ми?.. Вѣдь мнѣ никто ничего не писалъ объ этомъ. Сюзанна правда, посылала мнѣ еженедѣльные казенные отчеты, въ которыхъ имя графа упоминалось также, но безъ всякихъ, такъ сказать, психологическихъ подробностей. Такъ какъ-же?

— Бывалъ-то онъ бывалъ, — вяло промямлилъ дѣдъ, очевидно, тоскуя уже по второй порціи, — да что толку...

— Какъ — что толку? — удивился Александръ Кузьмичъ, — ну, ужъ ты опять изобра-

жаешь какую-то пифию... Аааа, -- крикнулъ онъ вошедшему графу, — вотъ это мило, оччень, оччень мило... Вы какъ-же, милочка, узнали о моемъ прївздѣ?

И онъ подчеркнулъ свою радость двойнымъ какимъ-то или тройнымъ рукопожатіемъ, нагнувшись къ графу, который едва достигалъ его плеча.

Графъ улыбнулся блѣдно, а Александръ Кузьмичъ, приглядѣвшись къ нему, подумалъ: «Да онъ сѣдѣтъ. каналья... Виски просто неприлично пятидесятилѣтніе какіе-то... И чего онъ распускается. И неужели тутъ ничего не выйдеть?»

— Я узналъ отъ доктора Шварцбаха, который видѣлъ, какъ вы прїѣхали, — сказалъ графъ голосомъ тихимъ, но отчетливымъ, привыкшимъ къ докладамъ и лекціямъ, и тонкими нервными пальцами потянулъ скромный свой пепельный галстучекъ. — Какъ вы себя чувствуете?..

— Это вы спрашиваете потому, что я прїѣхалъ изъ Наугейма, — блеснулъ Александръ Кузьмичъ неугомонными своими живыми глазами, — послѣ Наугейма надо себя какъ-нибудь иначе чувствовать. Я согласенъ. но представьте, что я и до Наугейма чувствовалъ себя очень недурно, а поѣхалъ только потому, что нынѣшній мой берлинскій профессоръ, опять новая какая-то совершенно неслыханная знаменитость, оказался очень повелительнымъ: просто приказалъ мнѣ ѣхать, намекнувъ, что въ противномъ случаѣ онъ не ручается за финансовое равновѣсіе Европы...

И Александръ Кузьмичъ очень шумно разсмѣялся, прїятнымъ и круглымъ смѣхомъ, отъ котораго какъ будто пахнуло сигарой и вагономъ-рестораномъ. Александръ Кузьмичъ и графъ сѣли къ дѣду и къ камину, уже тепло

разгорѣвшемуся. Александръ Кузьмичъ барственно кутался въ подбитый малиновымъ шелкомъ халатъ, наливая изъ принесенной Пейву бутылки бургундскаго въ стаканы, въ то время какъ графъ Зоричъ о чемъ-то задумался своимъ, съ блѣднѣющей и гаснущей на сѣромъ лицѣ улыбкой. Сюзанна въ другомъ концѣ комнаты уже раскладывала первый пасьянсъ новыми, еще клейкими картами. Къ высокимъ, подъ готику, окнамъ хмурой, какъ въ сумерки, гостинои льнули и тихо царапались брызги упорнаго дождя. И посмотрѣвъ на эти лжеготическія окна съ брызгами и переводя затѣмъ взглядъ на дудящаго Пана, подъ которымъ явно несоотвѣтственно сидѣла Сюзанна, онъ опять подумалъ о несовершенствѣ виллы, еще такъ недавно казавшейся ему достаточно роскошной и комфортабельной.

— Ахъ да, — сказалъ Александръ Кузьмичъ, отпивъ глотокъ и по предсѣдательской своей привычкѣ прямо переходя къ дѣлу, — да гдѣ же Ми?.. Неужели она все еще спитъ?.. Впрочемъ, послѣ шумныхъ именинъ... (Онъ объяснилъ графу) Ми была вчера на именинахъ подружки, Ниночки съ ремесленной фамиліей, кажется Шнейдеръ...

Графъ странно дернулся какъ-то, потомъ сказалъ:

— Нѣтъ, не Шнейдеръ... Это Нина Фишеръ, я знаю... Но... но этого не можетъ быть... Я... я очень удивленъ... Я нѣсколько дней тому назадъ видѣлъ ее на вокзалѣ, она уѣзжала за границу и мнѣ передавали... на какіе-то курсы... кажется въ Базелѣ... Какія-же именины?..

Рѣзко, подъ дудящимъ Паномъ, звякнули карты, сухое, воспитательническое лицо Сюзанны насторожилось, острѣе какъ-будто клювомъ, вы-

тянулся носъ и обозначились сухія, корректныя складки вдоль щекъ,

— Ка-аакъ? — спросила она возмущенно — такъ царедворецъ реагируетъ на обвиненіе, возведенное въ его присутствіи на высочайшую особу — и еще разъ прибавила: — Ка-аакъ?..

— Такъ, значитъ, я дѣйствительно видѣлъ ее на Тауэнтціенштрассе, — совсѣмъ уже загадочно еще успѣлъ сказать Александръ Кузьмичъ и въ эту страшную минуту колыхнулась — совсѣмъ какъ въ водевилѣ — портьера и весело, и очень розово и душисто послѣ ванны, и прелестно молодод и совсѣмъ какъ будто невинно появилась Ми, а за нею, и вмѣстѣ съ нею, и тоже весело, молодод и невинно, только съ азіатской черномазостью и смуглотой — Пей-Ву.

Можетъ быть эта мысль ни у кого изъ сидѣвшихъ въ гостиной и не оформилась еще, но зачатокъ ея, толчокъ къ ней долженъ былъ появиться, вѣроятно, у всѣхъ — что съ появленіемъ этихъ двадцатилѣтнихъ въ сумеречной гостиной стало какъ-будто немного свѣтлѣе.

Глава десятая

Китаецъ поранилъ палець

Ми подбѣжала къ отцу, обняла его сзади — а заодно и кресло — поцѣловала разъ, другой, третій. Онъ сіялъ, поглаживая ея душистыя, прохладныя послѣ ванны ручки, прикладывая эти ручки къ щекѣ. Ми сказала, сосредоточенно разглядывая измѣнившіеся отцовскіе усы: — Знаешь, папочка, кто у насъ са-аамый хорошій человекъ во всемъ домѣ... Пейвуша. Право... онъ единственный изъ всѣхъ догадался постучать ко мнѣ и сказать, что ты пріѣхалъ...

— Но какъ-же стучать? — напряженно мол-

вила изъ своего угла Сюзанна и, рѣзко поднявъ свои острые плечи, начала съ отгѣнкомъ извѣстнаго трагизма (конъюнктура, моль, складывается какъ будто не въ пользу пасьянсовъ...) складывать свои карты. — Какъ-же стучать, — повторила Сюзанна, — когда вы, Ми, такъ долго спали?

— Вѣдь ты гдѣ-то вчера... Гдѣ это ты вчера кутила? — не очень увѣренно, но уже какъ-будто заранѣе побѣжденный Ми, прибавилъ Александръ Кузьмичъ, наблюдая изъ своего кресла за дочерью, — гдѣ ты была вчера?

Этотъ послѣдній вопросъ немножко, на нѣсколько секундъ, сгустилъ атмосферу. Пока Ми здоровалась съ графомъ, очень официально, пока она небрежно коснулась губами руки дѣда, лежавшей на ручкѣ кресла — въ воздухѣ, въ прислушивающейся тишинѣ гостиной повисъ и застылъ этотъ вопросъ: гдѣ ты была вчера?.. Даже дудящій Панъ на стѣнѣ какъ-будто спрашивалъ: «гдѣ ты была вчера?»

Но и тишину, и напряженность Ми очень увѣренно использовала для себя, какъ артистка, утонченной игрой заполняющая выигрышную паузу. Сначала она равнодушно и не торопясь закурила париросу, взявъ ее изъ японской вазочки на каминѣ — и очень медленно, и обдумывая потушила при этомъ спичку. А потомъ сказала какъ-бы вскользь:

— Ахъ да... Я дѣйствительно кутила вчера... Впрочемъ, вы вѣроятно думаете, что я была у Нины Фишеръ... Нѣтъ, моимъ запискамъ не слѣдуетъ придавать слишкомъ серьезнаго значенія... Я, дѣйствительно, собралась было къ ней, но именины... это было сказано просто для стилия. И кромѣ того, я вѣдь тогда еще не знала, что меня по дорогѣ захватятъ Яновскіе и потащутъ въ дансингъ...

— Ну, коне-ечно, — немножко въ носъ и какъ

будто подражая ей, но уже успокоившись со-
всѣмъ и опять сія сказалъ Александръ Кузь-
мичъ, — и кромѣ того ты, должно быть, тоже не
знала, что Нина Фишеръ разгуливаетъ въ это
время по Тауэнтціенштрассе...

— Ка-аакъ, въ Берлинѣ? — искренне удиви-
лась Ми. — Вотъ это, дѣйствительно, скандалъ!
Можно подумать, что я хотѣла нагло всѣхъ об-
мануть, а сама сбѣжала на свиданіе. Нѣтъ,
графъ, вы можете успокоиться, — прибавила
она, садясь на ручку кресла къ отцу, пуская
кольца дыма и глядя не безъ сожалѣнія въ тус-
клое, судорожно на нее устремленное и несчаст-
ное лицо графа, — я чистосердечно собралась къ
ней и понятія не имѣла объ ея отъѣздѣ, вѣдь
я больше недѣли не видалась съ нею. Нашъ го-
родъ американизируется и скоро, вѣроятно, о
своихъ подругахъ придется узнавать изъ спор-
тивныхъ журналовъ...

Тутъ глупый старый дѣдъ позволилъ себѣ
маленькую безтактность. Прищурившись, глядя
на Ми и наслаждаясь ею, онъ сказалъ одно толь-
ко слово:

— Ловко!

Но это слово покорило и Александра Кузь-
мича, и графа. оба дернулись — Сюзанна, вѣро-
ятно, не поняла. Но Ми, пустивъ вѣерокъ дыма
на палевую лысину Кузьмы Назарова, спросила
очень спокойно:

— Что ловко, дѣдъ? — и блеснула глазами,
чуть-чуть угрожающе.

— Ты ловкая, — сказалъ дѣдъ, понявъ и уже
опять ручной. — ты ловкая, Мика, ловко гово-
ришь, пріятно слушать. Вотъ это самое... о
спортивныхъ журналахъ...

Графъ неуютно поерзалъ въ креслѣ, страдая.
А въ это время вдругъ кто-то громко крикнулъ:
«Ай!» и всѣ оглянулись. немножко нервные Это
Пей-Ву, усѣвшись у грамофона на подушку, пря-

мо на полу по-азиатской своей манерѣ, вертя и разсматривая свою куколку, наткнулся на какую-то булавку или иголку внутри ея и больно поранилъ палець. — Ай, — сказалъ онъ еще разъ, какъ ребенокъ, — и какъ ребенокъ принялся сосать кровь.

Ми вскочила — она, вѣроятно, почувствовала облегченіе — и отъ смѣшного крика смѣшного милаго дружка ея китайца и оттого, что можно покинуть этотъ напряженный и сомнительно дружелюбный къ ней каминный уголь. Подбѣжала къ Пей-Ву, усѣлась на корточки передъ нимъ, что-то говоря съ нимъ, разсматривая палець и съ удовольствіемъ играя въ доктора. Александръ Кузьмичъ слѣдилъ за нею улыбаясь, приглашая этой улыбкой и графа улыбнуться, потомъ сказалъ тихо:

— Настоящія еще дѣти оба. — И громче прибавилъ: — Ну, что у васъ тамъ такое?

— Да что ты сосешь, китайская твоя голова, — говорила Ми, вынимая изъ-за браслета часовъ кружевной носовой платокъ и прилаживая его къ раненому пальцу. — да пусть вытечетъ. Да не дергай ты! Постой, я тебѣ сейчасъ завяжу. Эээ, да ты здорово себѣ... себя укололъ. Постой, идемъ, я дамъ тебѣ іоду. Пойдемъ въ мою комнату.

Она потащила китайца, вставая, и оба пошли, оба держали раненый палець, близко другъ друга касаясь головами, совершенныя еще дѣти, какъ сказалъ Александръ Кузьмичъ.

Колыхнулась, закрывая ихъ, портьера, а на подушкѣ, на которой только что еще сидѣлъ Пей-Ву, осталась лежать фарфоровая куколка, ничкомъ, въ трогательной сомовской позѣ. У камина молчали. Сюзанна, по привычкѣ своей поправляя лакированный поясокъ англійской блузки, встала, медленно вложила карты въ карманъ, провела пальцами по лоснящемуся оран-

жевому атласу крышки, потомъ увѣренно, слегка закусивъ губы, прошла черезъ комнату — за «дѣтьми». «Я знаю, — говорили эти сухія, сложенные губы, — знаю, гдѣ должна находиться гувернантка, когда воспитанница слишкомъ заинтересовалась раненіями шофера».

Нѣтъ, у Александра Кузьмича опредѣленно еще сохранился юморъ, онъ улыбнулся, потомъ чокнулся своимъ стаканомъ съ графскимъ и, не дожидаясь, выпилъ.

— Что-же вы не пьете, графъ? — спросилъ онъ, посмотрѣвъ на Зорича длинновато, потомъ обратился къ старику: — а ты, папа? Какъ ты насчетъ бургундскаго, а?

— Налей, — насмѣшливо сказалъ дѣдъ, опять прищурившись («чудныя дѣла творятся на чудномъ этомъ нашемъ свѣтѣ...»). Онъ какъ-бы ожидалъ, что вотъ-вотъ разорвется бомба, но покуда слѣдилъ внимательно за тѣмъ, какъ Александръ Кузьмичъ наливалъ густого гранатоваго вина. Взялъ и выпилъ медленно, смакуя, морфій еще не окончательно убилъ въ немъ алкогольныя ощущенія. улыбался — улыбался и тогда еще, когда графъ, дернувшись, вдругъ рѣзко взялъ свой стаканъ, отпилъ куцый, бутфорскій какой-то глотокъ и сказалъ:

— Я видѣлъ Ми вчера вечеромъ... въ дансингѣ... Это правда. Она, точно, была въ дансингѣ... И... я не знаю, можетъ быть, какіе-нибудь изъ тѣхъ, съ кѣмъ она была въ ложѣ, и назывались Яновскими. Я первый разъ слышалъ отъ Ми эту фамилію и не знаю совершенно, что это за... за люди... Но... но я утверждаю, что люди, съ которыми она сидѣла въ ложѣ... въ очень и очень шумной ложѣ... (онъ такъ подчеркнулъ слово «шумной», что ротъ у него въ это время сложился гримасой), что люди эти не принадлежали къ обществу, ни въ коемъ случаѣ. Это были по-моему... ну, артисты

варьетэ, или цирка. Кажется, нѣкоторыхъ изъ нихъ я видѣлъ потомъ на сценѣ. Я не утверждаю, я очень близорукъ, какъ вы знаете, но я почти убѣжденъ въ этомъ... И во всякомъ случаѣ, съ нею вмѣстѣ былъ тотъ великолѣпный молодой человекъ (онъ опять такъ подчеркнул слово «великолѣпный», будто подражалъ кому-то), съ которымъ я имѣлъ несчастье ее уже нѣсколько разъ наблюдать. Она, конечно, не знаетъ, что я видѣлъ ее съ нимъ на теннисной площадкѣ, потомъ въ лодкѣ... Но... но я-то вѣдь запомнилъ. Замѣчаательный какой-то юноша, просто фильмoвый. Гдѣ уже съ нимъ конкурировать...

И опять графъ рѣзко, театрально взялъ въ руки стаканъ и отпилъ. но на этотъ разъ поглубже. Дѣдъ, прищуривъ глаза, слушалъ внимательно. У Александра Кузьмича нѣсколько подергивалась переложенная черезъ лѣвое колѣно правая нога въ широкой фіолетовой штанинѣ, ниспадавшей на рыжую полуботинку. Лицо-же его оставалось каменнымъ. Онъ заговорилъ медленно, какъ-бы суммируя все, сказанное графомъ. Для того, чтобы потомъ подвергнуть эту сумму своему анализу.

— Это очень неожиданно для меня, то, что вы сказали, Сергѣй Дмитричъ, очень неожиданно. И не то, конечно, что Ми была въ дансингѣ въ компаніи, которая лично не знакома ни вамъ, ни мнѣ. Вѣроятно... дачныя знакомства. У молодой дѣвушки, современной, безъ матери, они неизбежны, и большой ни опасности, ни трагедіи собой не представляютъ... И фильмoвый красавецъ, какъ вы его, кажется, назвали и о которомъ вы почему-то говорили съ такимъ раздраженіемъ, тоже, признаться, не очень меня смущаетъ и печалитъ. Но вотъ то, что вы утверждаете, что Микина вчерашняя компанія принадлежитъ къ варьетэ или даже цирку, —

это, это по меньшей мѣрѣ странно. Откуда? И тутъ, конечно, вина падаетъ на Сюзанну. Какимъ образомъ она могла допустить. Вѣдь я ей поручилъ Ми, я на нее полагаюся, не на Кузьму же Иваныча... Вотъ это, дѣйствительно, возмутительно!..

И свое возмущеніе Александръ Кузьмичъ куда излилъ на выпитый свой стаканъ, который онъ рѣзко переставилъ куда-то за бутылку, съ глазъ долой, такой-сякой...

— Да нѣтъ! — совсѣмъ вдругъ вяло и беззвучно сказалъ графъ Зоричъ, весь какъ-то съежившись въ своемъ креслѣ и сильнѣе обычного похожіи на горбатаго. Бѣлыя хилыя руки безсильно повисли у него между колѣнами, поблекшія, только желтый бриллиантъ горѣлъ янтарно. — Да нѣтъ, — повторилъ онъ, — какое тамъ возмутительно... Кто имѣетъ право возмущаться Ми. Впрочемъ, вы-то возмущались, вѣдь, Сюзанной. Нѣтъ, я не обманываю себя, я знаю, что я для Ми ничто, жалкій уродъ, анекдотъ. Что я могу дать ей? Кому нужно нынче то, что я имѣю — какія - то знанія, какой - то какъ будто умъ, какой - то допотопный титулъ. Мертво все это и разлагается. Мускуловъ у меня не хватаетъ, танцорской и шоферской ловкости. Вотъ... дерзости, смазливой рожи... Мнѣ сорокъ два года, самый скучный и неопредѣленный возрастъ, пресловутое это «онъ сравнительно еще молодой человѣкъ»... — сравнительно, это куда скучнѣе подлинной старости... Что я могу противопоставить жестокой этой и безпощадной молодости, которая въ каждомъ сѣдомъ волосѣ видитъ этапъ къ полной и окончательной отпѣтости, отставкѣ. Что я могу противопоставить всему этому великолѣпію роста, великолѣпію румянца, зубовъ, смѣха, всего этого фильмоваго и плотскаго, разъ и навсегда покончившаго съ интеллектуальнымъ. Что противопоста-

вить, я васъ спрашиваю, Александръ Кузьмичъ, неужели же этотъ расплывчатый, старомодный грузъ, который именуется душою? Ха-хаа... (онъ дѣйствительно засмѣялся «ха-хаа», будто въ точности исполняя чью-то авторскую ремарку). Смѣшно, Александръ Кузьмичъ, смѣшно и безнадежно... Нѣтъ, нѣтъ не смотрите на меня такъ, — прибавилъ онъ, уловивъ слегка недоумѣнный взглядъ Назарова, — не бойтесь, я еще не сошелъ съ ума, я можетъ быть трезвѣе, чѣмъ когда - либо. Не она виновата, не Ми, — это я виноватъ, что посмѣлъ войти въ ея жизнь, посмѣлъ прикоснуться... хотя бы и издали только... прикоснуться къ этой... этой очаровательно расцвѣтшей ея, этой жестокой ея молодости. Ахъ, да что тамъ говорить...

Онъ закрылъ глаза ладонью, сморщившись, какъ отъ физической боли. Александръ Кузьмичъ всталъ. Большими шагами прошелся по гостиной, нервно - барственно посасывая сигару. Дѣдъ, свѣсившись черезъ ручку кресла и полуоткрывъ беззубый ротъ, наблюдалъ за нимъ — ну, что скажешь, каковъ по твоему этотъ соплякъ, а?! Александръ Кузьмичъ потянулъ галстукъ, подтянулъ шнуръ халата, будто тутъ же собрался предпринять рѣшительные шаги.

— Нѣтъ, это вы напрасно, — сказалъ онъ жестковато, тѣмъ дѣловымъ тономъ, какимъ предсѣдатель собранія отвѣчаетъ на безцѣльную абстрактные и уклоняющіеся въ сторону выводы докладчика, — напрасны ваши отчаянныя слова, дорогой Сергѣй Дмитричъ, напрасны эти ваши чувства, которымъ я очень и очень... эээ... сочувствую, конечно. Молодость Ми мнѣ ничуть не представляется такой... такой, что ли, роковой, чтобы ее нельзя было направить соответствующимъ образомъ. Я... я опредѣленно этого дѣла такъ не оставлю, и не только ради васъ, но,

простите, главнымъ образомъ же изъ-за нея самой, Мики. Но я надѣюсь, что и вы не оставите меня безъ своей... ээ... поддержки, а... какъ вы думаете?

Графъ Зоричъ сидѣлъ безмолвно, все въ той же позѣ отчаянiя, сгорбившись, совсѣмъ постарѣвшій. Посмотрѣвъ на него, вдругъ переглянулись Назаровы, отецъ и сынъ. Дѣдъ медленно покачалъ головой, неодобрительно — тряпка, и неужели именно его ты выбралъ для нашей Мики, ты — отецъ?

Можетъ быть, Александръ Кузьмичъ понялъ или просто скучно стало ему, онъ не очень любилъ слишкомъ удлиняющихся и растягивающихся минутъ жизни, притомъ тусклыхъ и незанимательныхъ. Онъ рѣшительно повернулся и вышелъ — въ кабинетъ, созвониться кое съ кѣмъ о вечерней партіи въ бриджъ...

Глава одиннадцатая

Въ Витиной комнаткѣ

Ми, поднявъ воротникъ пальто — только что началъ крапывать дождь — вдругъ остановилась на тротуарѣ и показала рукой въ фіолетовой перчаткѣ:

— Смотри... Тамъ кончаются трамвайныя рельсы. . . Ахъ, какъ это интересно! Я еще никогда не видѣла, какъ кончаются или начинаются трамвайныя рельсы. Всегда видишь только середину, и кажется, что у нихъ не можетъ быть никакого конца или начала. А тутъ вдругъ кончаются! Смотри, и такъ просто, безъ всякихъ этихъ... столбовъ...

— А почему должны быть именно столбы? — улыбаясь спросилъ Викторъ, низко надвинувъ на глаза кепку и засунувъ руки въ карманы

гольфныхъ штановъ, — такъ онъ стоялъ за нею, близко, касаясь отъ времени до времени и и подталкивая ее колѣномъ. Ми чувствовала его подталкиванія и знала, что это не очень великосвѣтскій пріемъ, но радовалась именно этой не-свѣтскости, этой мальчишеской его фамильярности съ нею.

— Не столбы, знаешь, а эти... какъ они называются, — сказала Ми, пошевеливъ пальцами, какъ будто ища въ воздухѣ одно изъ многихъ этихъ и, вѣроятно, практическихъ словъ, которыя она всегда забывала или просто не знала.

— Какъ они на-зы-ваются — наклонившись къ ней и подувъ на ея затылокъ: ему очень нравилось, когда тамъ послушно шевелились и загибались шелковые ея волосы, — передразнилъ Викторъ. И прибавилъ многозначительно: — А знаешь, чѣмъ еще замѣчательна эта улица, кромѣ кончающихся трамвайныхъ рельсъ? Посмотри на этотъ домъ, вотъ этотъ самый семиэтажный домъ, передъ которымъ мы стоимъ... Въ этомъ ничѣмъ не замѣчательномъ домѣ съ явно пролетарской наружностью живетъ... живеть... .

— Да? — живо обернулась Ми и положила руку на рукавъ его пиджака. Такъ вотъ почему ты меня сегодня такъ упорно вель по этимъ загороднымъ улицамъ съ фабриками и лѣсопильнями... Въ этомъ домѣ живешь... ты, да?... Вообрази, что я никогда не задумывалась надъ тѣмъ, гдѣ ты живешь. И вообще какъ-то не казалось, что и ты, какъ всѣ люди, живешь въ какой-то опредѣленной комнатѣ съ квартирной хозяйкой тамъ... и платой... .

— Да... которая накопилась, между прочимъ, уже за три мѣсяца. Ну все равно Такъ ты думала, что я витаю гдѣ-то между небомъ и

землей, — спросилъ Викторъ, обнявъ ее сзади — улица была совершенно безлюдна — и уже подводя къ дверямъ дома. И прибавилъ совсѣмъ просто, почти дѣловито:

— Дождь, знаешь, не торчать-же намъ подъ дождемъ... Зайдемъ въ эту самую мою небообразимую комнату...

— Ой, Викторъ, — немного испугалась Ми и замолчала на минуту, правда уже поставивъ ногу на порогъ двери, надъ которой тускло поблескивала молочнобѣлая цифра 91. Потомъ, нерѣшительно и какъ-бы совѣщаясь съ нимъ, прибавила:

— Видишь ли, я такъ подумала... Если я въ девятнадцать лѣтъ уже начну ходить въ... ну... въ частныя комнаты къ танцорамъ... Честное слово, я только такъ подумала, а вовсе не о графѣ, графъ тутъ совершенно не при чемъ. Впрочемъ... впрочемъ, комната это конечно еще не предосудительно, если тамъ не происходитъ ничего... ничего чрезвычайнаго...

— Чрезвычайнаго, — громко расхохотался Викторъ, сядя на порогъ дверей и легонько сдвинувъ на затылокъ кепку, такъ что моментально выскочила и упала на лобъ густая прядь волосъ, — какой ты еще ребенокъ, Ми...

Ми стояла передъ нимъ, ей опять ужасно понравилась эта выскочившая прядь волосъ, ни у одного изъ ея прежнихъ поклонниковъ никогда такъ весело, вольно и раздражающе не нависали на лобъ волосы, всегда слишкомъ прилизанные и прирученные. Онъ сидѣлъ и улыбался — посмотримъ, что изъ этого выйдетъ. На противоположномъ тротуарѣ остановился мальчишка, прилѣпился задомъ къ забору, широко разставивъ мокрыя босыя ноги, и во всѣ глаза глядѣлъ на Ми и Виктора. Трамвайныя рельсы, кончающіяся, ржаво поблескивали, застревая въ бугоркахъ, ставшихъ отъ дождя розоватоси-

зыми, гдѣ-то поблизости гудѣли приводные ремни, изъ-за дальняго угла показалась рота солдатъ. Небо помутнѣло и уже трудно было разобратъ, что изображено на брандмауэрѣ того огромнаго дома за заборами — автомобильныя шины или мельничныя жернова.

Ми смотрѣла, Ми хотѣла рѣшить, но ей мѣшали эти застревающія въ мозгу маленькія и случайныя реальности окружающаго: рельсы, мальчишка, гуль лѣсопилки. «Эта улица почему-то называется Оружейная. Викторъ сказалъ... А у этого дома номеръ девяносто первый... И что смотреть мальчишка... Можетъ быть онъ догадывается, что я тутъ что-то рѣшаю... Что-же я рѣшаю?... Солдаты приближаются... скоро будутъ тутъ... уже слышно какъ топчутъ... И что тамъ нарисовано на брандмауэрѣ, шины или жернова? . Скоро сумерки. Можно, конечно, зайти и просто переждать дождь, даже не снять пальто. Нѣтъ, онъ сниметъ, чтобы высушить... Куда-же дѣться, въ самомъ дѣлѣ!.. До стоянки такси далеко. А кромѣ того... вѣдь мнѣ хочется, просто хочется... Онъ ждетъ... Вѣдь я не ребенокъ больше... Да, кажется, я сказала какую-то глупость про комнату и чрезвычайности... все равно...

— Ну, хорошо, Витечка, — сказала вдругъ, почти рѣшительно (почему «Ви-теч-ка», подумалось...) Ну, хорошо... Но только на минутку, чтобы переждать дождь...

Онъ вскочилъ мгновенно и, взявъ ее за плечи, ловко толкнувъ ногою дверь на блокѣ, повелъ передъ собою и опять, дыша въ затылокъ, переразнилъ:

— Только на минутку... переждать дождь... «Большинство грѣхопаденій начинается именно съ необходимости переждать дождь...» подумалъ вдругъ, и еще подумалъ — «это у меня

сейчасъ такъ оформилось, или это сказала Оскаръ Уайльдъ... Хм..» И вынулъ изъ кармана ключъ, подведя Ми къ дверямъ своей квартирки.

Ми очень была поражена: тутъ-же, сразу-же, рядомъ съ лифтомъ, а она приготовилась подняться въ седьмой этажъ. Вотъ открывается дверь, вотъ щелкнулъ выключатель, вспыхнула подъ потолкомъ маленькая люстра — да онъ живетъ совсѣмъ по-буржуазному, какъ будто даже комфортабельно, этотъ мальчишка изъ варьете. Передняя съ зеркаломъ, съ вѣшалкой, даже съ этакой чугунной подставкой для зонтиковъ.

— Зачѣмъ тебѣ эта штука, — искренно удивилась Ми, ткнувъ ножкой. — ты развѣ когда-нибудь ходишь съ зонтикомъ?..

— Глупенькая... Это же не моя, а хозяйская. А мнѣ ее чего выкидывать, пускай стоитъ. Можетъ забредетъ когда-нибудь какой-нибудь типъ съ зонтикомъ, вотъ и пригодится. Вотъ, скажемъ, зайдетъ для объясненій его сѣятельство...

— Викторъ! ... Нѣтъ, скажи, это ты нарочно меня злишь?..

— Хм... какъ тебѣ сказать? Можетъ быть и нарочно. Я хочу, чтобы ты перестала пугаться этого имени, я хочу, чтобы графъ былъ для тебя окончательно конченнымъ эпизодомъ, понимаешь?

Остановился передъ нею широкоплечій, подъ люстрой, такъ что прямо на нее шелъ и сіялъ взглядъ синихъ, внимательныхъ глазъ подъ низкимъ смуглымъ лбомъ, на который нависла опять эта прядь, въ которую Ми была влюблена совершенно отдѣльно отъ всего остального. Опять, какъ всегда, отъ этого его взгляда, отъ этой его непобѣдимости, она сжалась, покорная. сжалась, а потомъ прильнула къ нему, не могла не прильнуть, близко и страстно.

— Ну то-то! — сказалъ онъ, немножко снисходительно, а потомъ обнялъ и повелъ.

Оказалось, что комната - то у Виктора двѣ, гостиная — правда, маленькая очень и тусклая, но съ огромнымъ во всю стѣну зеркаломъ для танцорскихъ его упражненій, и спальная, за портьерой Ми осмотрѣлась съ испытующимъ любопытствомъ, неожиданно опять чувствуя, что каждая подробность его жизни страннымъ почти необъяснимымъ образомъ касается и ея, Ми.

— Твоя комнатенка мнѣ какъ будто нравится, — говорила Ми, расхаживая и присматриваясь, какъ на выставкѣ, — она очень типична для тебя, знаешь? Нѣтъ, право... Конечно, зеркало типично, но это такъ, профессиональная подробность, это не главное. Но вотъ этотъ письменный столикъ... Ты вѣдь никогда ничего не пишешь тутъ, сознайся. И чернила, вѣроятно, давно высохли. Ну, конечно, видишь: какая-то страшная черная гуща. Ну и конечно, эти открытки на стѣнѣ, пришпиленные кривыми кнопками. Все, конечно, женщины. Неужели это все твои... подруги? И когда ты успѣлъ такъ много... Вѣдь тебѣ сколько — двадцать два? Одна ничего, похожа на Карсавину... Меня прошу не пришпиливать къ стѣнѣ, даже если бы тебѣ удалось украсть мою карточку...

— Украсть... а сама не дашь?..

«Какія обыкновенныя слова, — думалъ онъ, спрашивая — сколько разъ я уже слышалъ это «Меня прошу не пришпиливать»... Но почему же у этой Ми все звучитъ какъ-то по новому и очаровательно... Кажется, въ самомъ дѣлѣ, она совершенно исключительная дѣвчонка... Или это я не могу отрѣшиться отъ того, что она изъ миллионерской среды, что съ такой знатной штучкой мнѣ никогда еще не приходилось стал-

киваться въ любовныхъ дѣлахъ? Неужели это на меня, пролетарія, такъ дѣйствуетъ ея какое-то какъ будто снисхожденіе ко мнѣ? Нѣтъ, этого не можетъ быть, она очаровательна совершенно помимо ея денежнаго ореола. . .»

— Такъ какъ же, — спросилъ онъ, — сама не дашь? А я, знаешь, что собирался дѣлать. . . Давно уже, всѣ эти послѣдніе дни. . . Выкинуть всю эту дрянъ вонъ! (онъ, подойдя къ столу, вдругъ началъ срывать со стѣны, бѣшено какъ-то, вмѣстѣ съ кнопками и гвоздями, — открытки и фотографіи и небрежно кидать ихъ на сукно стола. . .). Вонъ всю эту дрянъ! И повѣсить на этомъ мѣстѣ. . . вотъ тутъ. . . одну тебя! . . Ба-аальшую такую карточку. . .

— Ба-аальшой такой карточки у меня, во-первыхъ, кажется даже нѣтъ, вѣдь я не танцовщица или пѣвица, — говорила Ми, садясь на столикъ, болтая ногами и любуясь рвеніемъ, съ какимъ онъ срываетъ карточки со стѣны, какъ бы уничтожалъ этихъ ея соперницъ, — а вторыхъ. . . для чего? Для того, чтобы черезъ два-три мѣсяца ты ликвидировалъ меня, какъ сегодня вотъ этихъ. а?

— Зерна зеленія! . . — со скрежетомъ сказалъ Викторъ, въ бѣшенствѣ оттого, что какая-то кнопка упорно не сдавалась. . . Потомъ, будто теперь только понялъ ея слова, повернулся къ ней:

— Ликвидировать тебя? Ты сама знаешь, что этого не будетъ, нечего и говорить объ этомъ. Ну, какъ хочешь, сама не дашь, — все равно получу, я могу и украсть, я, братъ, красть умѣю. . .

Ми фыркнула. Она очень любила, когда онъ иногда говорилъ ей: «я, братъ», «ты, братъ», какъ товарищу. Она прислушалась къ тому, о чемъ продолжалъ говорить Викторъ:

— Еще лѣтъ шесть или семь назадъ я вѣдь самымъ настоящимъ хулитаномъ былъ, говорю тебѣ это безъ всякаго ложнаго стыда. Въ арміи, добровольческой, я еще мальчишкой, вродѣ кашевара, вмѣстѣ со старшимъ братомъ изъ Харьковщины удралъ, тотъ поручикомъ былъ и въ Константинополѣ отъ тифа умеръ, мнѣ тогда лѣтъ четырнадцать было... Одинъ, какъ перстъ, волчанскій мальчишка, полуграмотный — да вдругъ въ Европахъ очутился. Куда, что? Правда, одинъ полковникъ - доброжелатель у меня былъ, тотъ хотѣлъ меня въ бѣлградскій корпусъ пристроить, да потомъ самъ померъ, а я опять бездомнымъ оказался. Былъ у меня товарищъ одинъ, моего же поля ягода, мѣщанскій сынъ, тоже за арміей поплелся и со мною все вмѣстѣ валандался... Такъ тотъ мнѣ уши прожужжалъ про какихъ-то своихъ родственниковъ въ Варшавѣ, которые будто бы только насъ и ждутъ. Вотъ мы на послѣдніе гроши и заѣхали въ эту самую Варшаву, родственниковъ никакихъ не нашли и па-аашли ко дну, какъ по писаному. Чего только не пережили мы въ этой милой Варшавѣ. Въ ночлежкахъ ночевали съ раклами, бродяжничали, кокаиномъ подторговывали, а заодно и нюхали... Словомъ, прочти о безпризорныхъ, будешь знать мою тогдашнюю жизнь. Промаялись мы такъ года три... а ей-Богу, не меньше, пока мною одинъ типъ не заинтересовался, кокаинный мой покупатель, онъ все ночью къ намъ на Маршалковскую приходилъ и бесѣдовалъ, вродѣ журналиста былъ. Понравилась ему моя фізіономія, въ балетъ, грить, тебѣ надо, вообще, грить, на сцену или въ фильму, не на Маршалковской же съ такой рожей пропадать... Ладно. Связи у него были, въ театрикъ онъ меня одинъ загородный устроилъ, статистомъ пока. Такъ и попалъ я, прямо

съ улицы, невытый да босый, изъ ракловскаго моего житья — на сцену, конечно, мелкой пѣшкой сначала статистомъ да на выходныхъ роляхъ: «Ваше сіятельство, карета подана . . .», да все въ такомъ родѣ монологи, . . . до Гамлета еще далеко-вато. Но потомъ, понимаешь, танцамъ научился. Къ нимъ я съ малолѣтства страсть имѣлъ, помню, еще въ ремесленной школѣ волчанской на вечерахъ на сценѣ отплясывалъ въ голубой ко-совороткѣ. . . Научился я, можно сказать, самоучкой. Но, понимаешь, пошло, пошло. . . быстро я выросъ, это могу сказать со спокойной совѣстью. Теперь, сама знаешь, въ лучшемъ варьете выступаю, и не какъ -нибудь, а послѣднимъ, предпослѣднимъ тамъ номеромъ, гвоздемъ программы. . .

Пока Викторъ говорилъ, неожиданно разразившись автобіографической этою своею исповѣдью, Ми смотрѣла на него и любовалась имъ. «Хорошо! — думала она, — ахъ, великолѣпно! Да, да, это сочно, это жизненно, это характерно для тебя, Викторъ, понимаешь. . . ты долженъ былъ быть когда-то немножко хулиганомъ, я какъ будто предчувствовала, изъ хулигановъ выбиться въ люди и превратиться въ великолѣпнаго танцора, котораго знаютъ и любятъ чуть ли не всѣ столицы Европы. . . И еще. . . ну, милый, вѣдь это такъ. . . ты долженъ былъ не совсѣмъ еще, не окончательно еще освободиться отъ хулиганскаго своего прошлаго, отъ уличныхъ этихъ твоихъ замашекъ и черточекъ, вѣдь, въ этомъ своеобразный твой стиль, дикая твоя прелесть. . . Это и есть то, что привлекаетъ меня больше всего къ тебѣ, меня, Ми, внѣшне такую буржуазную и миллионерскую, но внутренне — отъ дѣда, отъ иныхъ и многихъ какихъ то анекдотическихъ и сумасбродныхъ Назаровыхъ — тоже шалую, какъ ты. . . неуравновѣшенную. . .

тоже, можетъ быть, чуть-чуть... хулиганскую».

Да, кажется Ми думала именно такъ. Она смотрѣла, чуть-чуть, по-назаровски, прищурившись, полураскрывъ губы, за которыми поблескивали мелкіе ея и рѣдкіе, очаровательно-ребячскіе зубы. И совсѣмъ ожидающимъ, немножко испуганно - ожидающимъ сдѣлалось ея лицо, когда Викторъ вдругъ добавилъ:

— А теперь... Знаешь, о чемъ я теперь мечтаю? Развязаться съ Рыжей, которая всегда была мнѣ неприятна, а теперь окончательно опротивѣла... Развязаться съ Рыжей и ганцовать... Знаешь, съ кѣмъ? Ну, догадайся, глупенькая, а?

Бросилъ ей эти слова, съ улыбкой слѣдя за тѣмъ, какъ мгновенно и тепло порозовѣло ея напряженное лицо. И прибавилъ, почти небрежно:

— Ну да, да, да... я вижу, что ты догадалась... Съ тобой, конечно,...

Глава двѣнадцатая

Кончаются рельсы трамвая

...Вслѣдъ за солдатами, направлявшимися въ свою казарму, — за тѣмъ домомъ, гдѣ на брандмауэрѣ были нарисованы автомобильныя шины или мельничные жернова, находился рядъ казармъ... — изъ-за угла показался лимузинъ. Какъ разъ въ ту секунду Ми и Викторъ вошли въ домъ номеръ 91, и дверь уже захлопнулась за ними, потушивъ и уничтоживъ ихъ короткое и какъ будто случайное пребываніе на Оружейной этой улицѣ.

И опять домъ со всѣми своими семью этажами и шестьюдесятью восьмью окнами сдѣлался непроницаемымъ, какъ черепная коробка, скры-

вающая, туго сжавшись, сложнѣйшій, невидимый снаружи механизмъ.

Автомобиль подпрыгивалъ на корявой окраинной мостовой и вдругъ — и какъ разъ тамъ, кажется, гдѣ среди розовопепельныхъ мокрыхъ булыжинъ изсякли трамвайныя рельсы — остановился, немного бокомъ, брызнувъ. Три лица показались за лоснящимися гранеными стеклами — впереди, за рулемъ, смуглая азіатская рожа Пей-Ву, дѣловито-непроницаемая (я, молъ, только часть этой машины, такая же, какъ тормазъ или радиаторъ, куда прикажутъ, туда и везу. . .) и дальше, въ глубинѣ кареты, среди крокодиловой кожи сидѣній — Александръ Кузьмичъ и графъ Зоричъ. Графъ Зоричъ дернулъ дверцу, неумѣло, совсѣмъ никчемно — онъ до сихъ поръ не научился еще искусству открывать автомобильныя двери, и если бы не смуглая рука Пей-Ву, мгновенно высунувшаяся черезъ откидное окошко и ловко, однимъ нажимомъ открывшая ручку, графъ такъ и барахтался бы взаперти до безконечности. Графъ выскочилъ — въ смутномъ своемъ, ученомъ пальто и съ маленькимъ и блѣднымъ лицомъ, утонувшимъ подъ широкополой шляпой — и сказалъ, задыхаясь:

— Вотъ въ этомъ домѣ онъ живетъ, Александръ Кузьмичъ. . . тотъ, о которомъ я вамъ говорилъ. . . Мы поднимемся къ нему, если вы не имѣете ничего противъ. А вы остановитесь тамъ за угломъ, — сказалъ онъ китайцу, дернувъ ручкой, какъ будто хотѣлъ было показать, за какимъ именно угломъ, но такъ и не окончилъ движенія. Потоптался на булыжинахъ, уже забрызгавъ, попавъ въ лужу, узкіе свои штиблеты.

Александръ Кузьмичъ, съ сердитой складкой между бровей, нехотя вылѣзалъ изъ дверей, грузно накренивъ машину и придержавшись

большой рукой въ черной лайковой перчаткѣ за никкелевые поручни. Совсѣмъ непривычно, не по предсѣдательски - директорски было ему вылѣзть чортъ знаетъ гдѣ, посреди кривоношеныхъ булыжинъ и кончающихся рельсъ. Повелительнымъ движеніемъ махнулъ Пей-Ву, — поѣзжай, ступай, ты сейчасъ неумѣстенъ...

Машина поплыла, бочкомъ, но Пей-Ву не удержался, оглянулся, блеснувъ узкими монгольскими глазами, — куда это они собираются зайти, и неужели этотъ дурацкій графъ знаетъ... Уйюйю какой скандалъ будетъ... И какъ бы такъ сдѣлать, чтобы предупредить ихъ?.. Нѣтъ, не ихъ, того парня ему не жалко, на того парня онъ, Пей-Ву, давно зубы точить, но ее, милую розовую дѣвчонку Мику...

Александръ Кузьмичъ и графъ шли по тротуару, взадъ - впередъ. Графъ, четверть часа тому назадъ, у кинематографа Стелла, взвизгнувъ вдругъ и сказалъ, что тамъ, впереди, идетъ Ми. «Да, да, Ми, и съ нею этотъ красавецъ, котораго онъ, графъ, кажется, видѣлъ на подмосткахъ варьете. Графъ сжалъ руку Александра Кузьмича — они возвращались съ засѣданія одного благотворительнаго общества, и Александръ Кузьмичъ захватилъ графа съ собою, чтобы ѣхать вмѣстѣ на взморье, въ виллу, на чашку чаю съ ямайскимъ ромомъ. Именно чаю съ ромомъ захотѣлось Александру Кузьмичу во время засѣданія въ сырой какой - то и унылой гимназической залѣ. Сжалъ, значить, руку, и началъ умолять: прослѣдимъ ихъ... да куда это они идутъ... да я увѣряю васъ, что это именно Ми и тотъ красавецъ... Александру Кузьмичу очень непріятно было, онъ морщился, но онъ далъ Пей-Ву соотвѣтствующія указанія. Но потомъ, по дорогѣ, попало имъ какое - то происшествіе для газетной хроники, кажется — аре-

стовали воришку или драчуна передъ кабакомъ, большая толпа, и Пей-Ву, обычно очень ловкій въ такихъ дѣлахъ, никакъ не могъ проѣхать, просто сталъ. Графъ кричалъ на него съ пѣною у рта, Пей-Ву молчалъ, но поблескивалъ глазами не очень дружелюбно. Потомъ, когда тронулись, наконецъ, графъ опять взвизнулъ: «Тамъ... тамъ...» и тыкалъ въ окошко, но былъ дождь, и Александръ Кузьмичъ ничего не разглядѣлъ, кромѣ заборовъ и брандмауэровъ. И опять Пей-Ву очень медленно объѣзжалъ солдатъ, которые что-то пѣли, тоже дождливое... И вотъ тогда остановились вдругъ среди кончающихся рельсъ, и теперь идутъ по совершенно невѣдомому тротуару, въ первый и послѣдній разъ въ жизни идутъ по этому тротуару назадъ и впередъ...

Кромѣ многоэтажнаго дома, гдѣ на многихъ дверяхъ все повторялась цифра 91, еще былъ домъ, поменьше, тутъ была, въ подвальномъ этажѣ, велосипедная мастерская, за тусклой дверью что - то глухо шипѣло, а на окошкѣ, среди шинъ и спицъ, выставленныхъ на показъ, было написано косо: Я. Гриндулъ... И еще сохранились слѣды отъ линейки, Александръ Кузьмичъ замѣтилъ. И еще были надписи и предметы, которые запомнились... окно съ рыболовными принадлежностями, поплавки, удочки и еще какія - то загадочности, а у самыхъ послѣднихъ дверей, дальше которыхъ, за уголъ, уже не шли больше Александръ Кузьмичъ и графъ, — очень запомнившаяся вывѣска: старомодный сюртукъ, издали похожій на рясу, — и подпись: «Портной А. Аквилантъ». Эту фамилію Александръ Кузьмичъ мысленно все повторялъ про себя, но, отойдя съ графомъ шаговъ на сто, начиналъ сомнѣваться — неужели Ак-ви-лантъ? Почему Аквилантъ? И даже торопился немнож-

ко, чтобы опять подойти къ углу и удостовѣриться: да, дѣйствительно, А. Ак-ви-лантъ...

— Да ничего подобнаго, Сергѣй Дмитріевичъ, — говорилъ онъ, шагая рядомъ съ графомъ, удаляясь отъ Аквиланта и подходя къ велосипедной мастерской съ шипѣніемъ внутри, — это галлюцинація, увѣряю васъ. Вовсе это была не Ми, Мика съ Сюзанной собиралась нынче на какой-то моденшау...

Но графъ отвѣчалъ съ трясущимися губами:

— Галлюцинація... Вы не узнали ее, Александръ Кузьмичъ, а я узналъ, я узнаю ее среди тысячи и миллионовъ («Безвкусица», подумалъ Назаровъ). Они вошли въ одну изъ этихъ дверей, повидимому... — продолжалъ графъ, — я не видѣлъ точно, этотъ Пей-Ву все задерживался... какъ будто нарочно... но иначе не можетъ быть... Или они повернули за уголъ?

Онъ остановился и поглядѣлъ вдаль, на домъ съ брандмауэромъ и автомобильными шишами, похожими на жернова. Онъ стоялъ, малenkій и жалкій, на краю тротуара, мучительно прижавъ къ переносицѣ пальцы, какъ бы гипнотизируя себя. Но потомъ крикнулъ:

— Нѣтъ, здѣсь!.. Я знаю, здѣсь!.. Какой это номеръ? Девяносто первый... Да, это такъ, это подходит... девяносто первый... такъ и должно было быть...

— Да полно! — успокаивающе говорилъ Александръ Кузьмичъ и даже схватилъ было графа за рукавъ, — это просто какое-то у васъ ребячество, право. Идемте, сядемте въ машину, ѣдемте къ намъ, я угощу васъ великолѣпнѣйшимъ ямайскимъ ромомъ... въ Берлинѣ досталъ черезъ одного своего давнишняго пріятеля, большой шишкой сталъ теперь, вродѣ министра. Вы успокойтесь, а потомъ пріѣдетъ Ми и расскажетъ намъ про моденшау.

Графъ шагаль сосредоточенно, поднявъ воротникъ, Александру Кузьмичу вдругъ показалось, что онъ похожъ на нелѣпую фигуру изъ Амадеуса Гофмана, на какого - нибудь капельмейстера Крейсlera...

— Какъ у васъ все это мажорно и просто, — сказалъ графъ, не глядя на Александра Кузьмича, — ямайскій ромъ у камина и рассказы о моденшау... Но на самомъ дѣлѣ ничего этого нѣтъ и не можетъ быть... На самомъ дѣлѣ Ми увлечена — можетъ быть, даже обольщена... И намъ надо спасти ее... Понимаете ли, Александръ Кузьмичъ, — спасти...

— Послушайте, — сказалъ Александръ Кузьмичъ, остановившись (ему надоѣло маятниковомъ отстукивать разстояніе между велосипедной мастерской и портнымъ Аквилантомъ), послушайте, Сергѣй Дмитричъ. Я никогда не зналъ за вами пристрастія къ криминальнымъ романамъ, а это, простите меня, похоже на криминальный романъ: обольщена, надо спасти! Что вы еще надумаете? Я знаю Мику, я знаю, что она никогда не дасть себя обольстить. Это становится уже немного смѣшнымъ, это наше съ вами путешествіе тутъ, точно какіе - то заговорщики... Ну, къ чему это?..

Но графъ не слушалъ, какъ будто. Онъ смотрѣлъ, не отрываясь, на свои часы, и что-то бормоталъ, похожее на «... безъ четверти шесть...», а потомъ опять зашагалъ впередъ, фигура изъ Гофмана, полустертая дождемъ. Александръ Кузьмичъ поморщился, но пошелъ вслѣдъ, со страннымъ послушаніемъ. «А хорошъ, все-таки, мой новый макинтошъ, не пропускаетъ...» подумалъ онъ.

Не доходя до портного Аквиланта, графъ вдругъ заговорилъ:

— Когда мнѣ было одиннадцать лѣтъ, я влюблюсь

бился въ свою кухню, маленькую рыжую баронессу Шварценбергъ. У нея были хищные маленькіе зубки и очень стройныя длинныя ноги въ черныхъ чулкахъ. Когда она садилась въ кресло или качалку, она далеко отшвыривала отъ себя эти свои длинныя жеребьячи ноги, будто хотѣла отдохнуть отъ вѣчнаго и неутомимаго ихъ движенія, и тогда надъ чулками, надъ тонкими колѣнными, виднѣлась полоска смуглой кожи, отъ которой пахло чѣмъ-то лѣтнимъ, травой или крапивой. . .

— Откуда же вы знали, какъ пахло отъ этихъ полосокъ? — разсѣянно спросилъ Александръ Кузьмичъ, опять читая: Ак-ви лантъ. . .

Но графъ не отвѣчалъ. Онъ снова смотрѣлъ на свои часы, сосредоточенно, будто передъ нимъ былъ не циферблатъ, а какая-то сложная головоломка, которую надо рѣшить. Потомъ сунулъ часы въ карманчикъ и дернулся, на секунду коснувшись рукава назаровскаго макинтоша.

— Нѣтъ. . . Вы послушайте дальше. . . Это имѣетъ отношеніе къ тому, что я переживаю сейчасъ. . . тогдашнее, одиннадцатилѣтнее. Да. Я и тогда былъ тщедушный и слабенькій, и отъ бѣготни по парку у меня болѣла спина — бѣгаль же я не по собственному желанію, а чтобы не отставать отъ другихъ. Тогда, въ одиннадцать лѣтъ, я еще думалъ наивно, что смогу не отставать отъ другихъ. . . Да. Поль же, мой двоюродный братъ, въ двѣнадцать или тринадцать былъ похожъ на молодого матроса, широкоплечій, съ широкой и нахальной загорѣлой мордой, съ кулачищами. Онъ умѣлъ свистѣть и плевать, не разжимая зубовъ, умѣлъ косить, пахать, плавать, — все то, чего не умѣлъ я. . . И я завидовалъ ему до головокруженія.

Звякнувъ колокольчикомъ, изъ дверей велосипедной мастерской выскочилъ въ это время

молодой рабочей съ насосомъ въ большихъ, темныхъ рукахъ. Онъ, поднявъ надъ голой грудью воротникъ замасленного пиджака и остановившись на ступенькахъ, чтобы ловко, въ кулакъ, закурить, удивленно посмотрѣлъ на проходившихъ Александра Кузьмича и графа, на огромнаго этого дядьку буржуя, одного изъ тѣхъ, что больше разъѣзжаютъ на автомобиляхъ или сидятъ по банкамъ и ресторанамъ, — и на шуплаго этого, въ смѣшной шляпѣ, который на всю эту ихъ, простую и пролетарскую улицу сказалъ какую-то дикую фразу — «я завидоваль до головокруженія»... «Оно и похоже, что голова у тебя слегка того, съ круженіемъ...» — подумаль, можетъ быть рабочей, уходя своей дорогой.

— ...И вотъ, однажды, — продолжалъ графъ свой литературный рассказъ, — это было въ субботу передъ Троицей, я помню прекрасно... было у насъ въ Эстляндіи, свѣтлое и прохладное сѣверное лѣто, зори почти сливались и никогда не угасаль этотъ странный перламутровый ночной свѣтъ... Да. И былъ у Поля, моего кузэна, песъ... огромный, мышиннаго цвѣта датскій догъ, широкомордый и слюнявый. Вѣчно у него изъ пасти свисали двѣ жирныя, скользкія, отвратительныя слюны... и качались... фу... Я ненавидѣлъ этого пса. Да и онъ меня недолюбливаль, относился съ пренебреженіемъ, какъ къ существу слабому и ничтожному. И вотъ, однажды... однажды Поль науськаль на меня этого пса, изъ - за угла, спрятавшись за кустами... Я пробѣгалъ маленькій, кривенькій, со стаканомъ березовой воды въ рукахъ, для баронессочки... И вдругъ этотъ псёкъ выскочилъ, изъ - за клумбы, съ качающейся слюной, оцетинился, рычитъ, опрокинулъ меня, вцѣпился зубищами — чуть было шейный позвонокъ не перекусилъ. Упаль я, графинъ съ березовой водой такъ и покатилося

— а за клумбой хохотъ, Поль стоитъ и ржетъ, глаза какъ щели сдѣлались, руки въ карманахъ, переступаетъ босыми ногами, радуется. Да. А теперь вотъ... теперь вотъ этотъ... скот...

Графъ остановился у фонаря, будто обезсиленный, и еще болѣе бѣлымъ и стертымъ сдѣлалось его лицо. Александръ Кузьмичъ, въ поль-оборота, смотрѣлъ на него, рассказъ о догѣ онъ все - таки прослушалъ и понялъ, но жалость, которая всколыхнулась въ немъ, безпокоила и нервировала его какъ зубная боль. «Онъ распускается, — подумалъ Александръ Кузьмичъ о графѣ — да и вообще онъ баба слишкомъ нежизненный. Но можетъ быть если онъ получить ее... если онъ будетъ увѣренъ въ ней... Да, но... но дать-ли ее ему?»

Изъ-за угла показались мужчина и женщина, фабричные. «Начнутъ теперь ходить тутъ толпами, послѣ работы, — съ неудовольствіемъ подумалъ Александръ Кузьмичъ, — а мы ходимъ какъ неприкаянные взадъ и впередъ...» Мужчина, поблескивая бѣлками глазъ изъ закопѣлаго лица, говорилъ смачно, будто рублилъ сочное, ухающее полѣно:

— Онъ ка-аакъ бахнетъ его въ рожу... у того и духъ вонь, такъ и сѣлъ... И правильно — чего лѣзеть... Ком-медія, право...

У женщины былъ плоскій носъ, кудряшки выбивались изъ подъ платка, и шла она бодро, задорно выставивъ груди. Слова мужчины не интересовали ее, она смотрѣла на Александра Кузьмича и графа и, только прошла мимо нихъ, усмѣхнувшись сказала мужчинѣ:

— На Пата и Паташона похожи, гляди...

Мужчина мелькомъ оглянулся, но усмѣхнулся тоже, темными руками подтянувъ брюки.

Дождь то переставалъ, то, точно вспомнивъ свои обязанности, торопливо опять принимался

юлить въ воздухѣ, мелко и надоѣдливо. Надъ брандмауэромъ съ жерновами остановилась лохматая и неказистая туча, въ лѣсопильнѣ тонко жужжали еще и всхлипывали приводные ремни. А сюртукъ портного Аквиланта попрежнему издали былъ похожъ на рясу. Тогда, видя, что графъ опять зашарилъ подъ пальто, чтобы вынуть часы, Александръ Кузьмичъ схватилъ его за рукавъ и сказалъ рѣшительно:

— Да бросьте, вы, наконецъ, часы смотрѣть. Что это, Сергѣй Дмитричъ, каждыя три минуты. Неужели вамъ теперь не ясно, что это все ваша галлюцинація . . . мертвая, глухая улица, фабричные . . . и приче́мъ тутъ Ми и какой-то ея воображаемый соблазнитель? Мнѣ, право, смѣшно даже. Словомъ, ѣдемъ домой и все тутъ . . . Слышите? Ёдемте! . . .

Но графъ, стиснувъ зубы и полузакрывъ глаза, такъ рѣшительно и съ такимъ какимъ-то фильмовымъ трагизмомъ покачалъ головой, что Александръ Кузьмичъ, съ трудомъ поборовъ свою вспыльчивость, повернулся и одинъ зашагалъ впередъ, массивный, съ покраснѣвшимъ величественнымъ лицомъ и безповоротный. Но уже на серединѣ улицы, остывъ, онъ остановился, и полныя его, барственные губы не очень далеки были отъ улыбки, когда онъ крикнулъ графу:

— . . . словомъ, я ѣду, Сергѣй Дмитричъ! Я не намѣренъ больше мокнуть подъ дождемъ изъза какихъ-то фантазмагорій. А вы какъ хотите, Машину я оставляю вамъ, а самъ поѣду на такси.

И уже совсѣмъ отойдя, пересѣкая улицу грузной своей, директорской походкой, совершенно не привыкшей къ хожденію пѣшкомъ, прибавилъ съ совсѣмъ уже добродушной насмѣшкой:

— Когда надоѣстъ вамъ донкихотствовать, приѣзжайте ко мнѣ ромъ пить! . . .

И пошелъ медленно, опираясь на великолѣпную свою лондонскую палку. А шаговъ сто дальше, на самомъ углу, у дома съ жерновами, оказавшимися теперь автомобильными шинами, Александръ Кузьмичъ встрѣтилъ рыжую даму въ малиновомъ манто и съ нею молодого человѣка безъ шляпы, съ поднятымъ воротникомъ пиджака и въ широчайшихъ спортивныхъ штанахъ. Оба они были напудрены, пахли очень крѣпкими, вызывающими духами и видъ имѣли явно театралный, можетъ быть, даже кафэшантанный. «Откуда такіе берутся на фабричной этой улицѣ... такіе вотъ артисты...» — мелькомъ подумалъ Александръ Кузьмичъ, еще безъ подозрительности, оглядывая пустую и голую улицу. «Ни одного такси на сто верстъ кругомъ. Чортъ бы побралъ этого графа съ его фантазіями... Хм... Но куда-же, все-таки, пошли эти артисты?... Они какъ-будто повернули туда, къ окаянному этому номеру девяносто первому... Хм... А вдругъ графъ... правъ?..»

Глава тринадцатая

Дѣти на лугу

Ми смотрѣлась въ зеркало — большое, черезъ всю стѣну Витиной гостиной, въ плюшевой рамѣ — Ми съ любопытствомъ приглядывалась къ себѣ и почти не узнавала себя въ этомъ миломъ, куценькомъ костюмчикѣ, кинутомъ ей изъ спальни, гдѣ онъ переодѣвался, Викторомъ. Костюмъ былъ специально заказанъ имъ для будущаго поваго танца, который долженъ былъ произвести сенсацію во всѣхъ столицахъ Европы. Такъ полагалъ Викторъ, но для сенсаціи ему нужна была иная, чѣмъ Полина, партнерша. Рыжая совершенно и окончательно невозможна

была для этого новаго его опуса. Теперь онъ кинулъ ей костюмъ — на, одѣнься, преобразись! — и, одѣваясь самъ, ждалъ перваго своего впечатлѣнія отъ Ми.

Ми просто должна была показать ему дѣвочку, дѣвчонку — да, танецъ долженъ быть озаглавленъ «Дѣти», дѣти, танцующія на лугу, мальчикъ и дѣвочка на зеленомъ луговомъ коврѣ — непременно съ одуванчиками (онъ уже составилъ эскизъ такого изумруднаго ковра съ одуванчиками...), сначала совершенно дѣтскій, ребяческій танецъ, въ который потомъ тончайшимъ пластическимъ образомъ вплетается пробужденіе первой и сладкой чувственности — у обоихъ. Сначала у мальчика, а потомъ этотъ блаженный, непонятный имъ еще, хмельной дурманъ охватываетъ и дѣвочку - дѣвчонку, звонкую эту его, вѣтровую его мечту. Одѣваясь, Викторъ страстно ждалъ этого перваго впечатлѣнія, отъ котораго, казалось ему, зависѣла судьба танца. Если это будетъ то, чего онъ ожидаетъ, она, Ми, будетъ танцевать во что бы то ни стало...

Ми стояла передъ зеркаломъ, волнуясь, какъ передъ публичнымъ выступленіемъ. Она стояла босая, обжигаясь шершавымъ ворсомъ ковра, въ куценькой юбчонкѣ изъ цвѣтистаго радужнаго шелка — внизу еще была юбчонка, тюльпановокрасная, при круженіи сліяніе тюльпановаго и радужнаго шелка должно было дать очаровательный цвѣтовой эффектъ — въ кофточкѣ, тѣсно облегавшей тѣло, въ цвѣтистомъ дѣтскомъ колпачкѣ. Очень загорѣлая и обвѣтренныя ноги она поставила тѣсно, по-дѣтски, и вся линия оголенныхъ колѣнъ и слившихся, стройнотонкихъ, почти ребяческихъ еще икръ была обведена, какъ блѣднымъ лучомъ, персиковымъ и смуглымъ пушкомъ волосъ. Такъ она стояла, когда изъза портьеры вышелъ Викторъ.

Онъ вышелъ неслышно, тоже босой, обна-

живъ выше колѣнъ танцорскія свои и тоже взморскія ноги, въ такомъ-же наивномъ и радужномъ костюмѣ, въ колпачкѣ съ однимъ звенящимъ бубенчикомъ на отвисающемъ рожкѣ — и, увидя Ми, остановился. Онъ остановился совершенно невольно. Ну, конечно, это была Ми, очаровательная Ми, можетъ быть, самая сильная его и роковая влюбленность, но что-же еще, помимо очаровательности Мики Назаровой, уже известной и знакомой ему, представилось ему при первомъ, а потомъ второмъ, и третьемъ, и безконечномъ взглядѣ на эту дѣвчонку въ цвѣтистомъ радужномъ платьѣ?

Дѣтскость... Вотъ именно та нетронутая и неуловимая какъ луговой пахучій вѣтеръ дѣтскость, о которой онъ мечталъ для этого танца, Четырнадцать, пятнадцать лѣтъ... Вотъ эти глаза подъ колпачкомъ, эти повисшія вдоль тоненькихъ бедеръ смуглыя руки, совсѣмъ еще безвольныя, первичныя и утреннія — ихъ надо взять цѣпко и не отпускать больше, не отпустить. Юбочка, полегшая надъ дѣвственной худобой ребяческаго живота, — и потомъ ноги, эти длинноватыя чуть-чуть не въ мѣру, очаровательныя не въ мѣру длинноватыя, какъ у подростка, ноги, обвѣтренныя эти, солнцу, водѣ и песку отданныя ноги съ дѣтскими этими пальцами — безъ педикюра, безъ отвратительностей косметики.

Онъ почувствовалъ, какъ у него пересохло горло, какъ кровь блаженно и страшно прилила къ сердцу, къ вискамъ, ко всей чувствуемости тѣла. Онъ подошелъ къ ней, они стали рядомъ, передъ зеркаломъ, глядя на живую эту и отраженную двуединость, молча, не въ силахъ сказать ни одного слова.

Викторъ первый вырвался изъ внезапнаго этого ихъ оцѣпенѣнія, подбѣжалъ къ патефону, пошарилъ, комкая и разрывава обертки, среди

пластинокъ, нетерпѣливо тиснулъ одну на дискъ, кинулъ мембрану — и, когда остро выплеснулся изъ полуоткрытой дверцы «Танецъ Анитры», сказалъ быстро:

— Ты только стой пока... вонъ тамъ, да... и смотри... а потомъ постарайся дѣлать приблизительно то-же, что и я... да... Мы попробуемъ первые такъ сказать штрихи. Вотъ смотри.

Онъ прыгнулъ вдругъ, будто подбросилъ мячъ, потомъ завертѣлся юлою вокругъ нея. Она стояла неподвижно, съ кинутыми вдоль бедеръ безвольными руками, наблюдая за нимъ самозабвенно — но потомъ, и вѣроятно даже совершенно неожиданно для себя, тоже задвигалась, еще медленно пока, какъ-бы ощупью ставя ноги, вотъ какъ дѣвчонка, захваченная этой буйной живостью и подвижностью своего дружка, но неуверенная еще, робкая, стыдливая въ ребяческомъ своемъ подражаніи ему. И когда Викторъ увидѣлъ эти ея подражательно-робкіе шаги, этотъ бессознательно схваченный ритмъ первыхъ движеній, онъ крикнулъ весело, ободряюще:

— Хорошо, хорошо!.. дальше!..

И опять понесся, опять заюлилъ, съ великолѣпной своей техникой запрыгалъ вокругъ нея, какъ-бы разжигая и соблазняя ее къ такимъ-же восторженнымъ луговымъ движеніямъ. Она-же, уже двигаясь, уже увѣреннѣе подражая, съ каждымъ шагомъ и секундой крѣпчала и оформливалась и яснѣла въ этомъ своемъ порывѣ — пока вдругъ не понеслась совершенно самостоятельно, прелестно шаловливо вдругъ, прелестно дерзко. И повторила, осложнила, расцвѣтила эти свои па, и еще разъ, и еще, чувствуя головокружительную легкость, безудержную предприимчивость этихъ босыхъ своихъ, освобожденныхъ, насторожившихся ногъ, чувствуя непонятную, но совершенно явную связь съ нимъ, съ каждымъ движеніемъ его мускуловъ, связь, ко-

торая повелительно подсказывала ей и требовала отъ нея все новыхъ и новыхъ движеній. И великолѣпнымъ вдругъ наитіемъ ея былъ — къ самому концу танца — послѣдній, съ хлопающими руками прыжокъ, послѣ котораго она плашмя упала на коверъ, какъ-бы обезсиленная и чудесно усталая, дѣвчонка послѣ плясокъ на лугу, отдавшаяся солнцу, но въ странной и первичной истомѣ тѣла почувствовавшая первую жажду по инымъ прикосновеніямъ, кромѣ солнечныхъ и вѣтровыхъ, по ласкамъ-прикосновеніямъ стоящаго надъ нею дружка.

Дружокъ-же этотъ, Викторъ, наклонился надъ нею, разгоряченный отъ танца, съ пылающимъ лицомъ, какъ-бы прислушиваясь и ожидая, что побѣдить въ немъ — смущеніе передъ довѣрчивой ея дѣтскостью и жалость къ этой дѣтскости, или-же нестерпимое, губительное желаніе сотворить изъ нея женщину... Она смотрѣла на него снизу вверхъ, влажно голубѣли и слегка тревожно глаза, уловившіе тревогу его взгляда, и часто, съ непривычки, подымались подъ тѣснымъ шелкомъ платья эти маленькія и острия, эти нетерпѣливыя девятнадцатилѣтнія груди. И когда въ углу, на плавающей пластинкѣ патефона, вдругъ взвизгнувъ и царапаясь, соскочила на центръ диска мембрана, — стало такъ тихо и напряженно въ комнатенкѣ, что емкій стукъ сердца, еще не справившихся съ внезапно прерванными ритмами движенія, наполнялъ, казалось, всю ее безъ остатка.

И какъ разъ въ эту замороженную, ломкую секунду кто-то торопливо постучалъ въ низкое, у патефона, окно, постучалъ дробно, съ безжалостной и тревожной рѣзкостью, кто-то незнающій постучалъ, незнающій — въ какое тончайшее сплетеніе чувствъ, ожиданій и возможностей онъ врывается этимъ своимъ стукомъ. И за стекломъ, обмытымъ дождемъ, съ полосами размы-

той пыли — показалось напряженно всматривающееся во внутрь, въ кепкѣ, надвинутой на глаза, смуглое лицо Пей-Ву.

Ми увидѣла и вскочила мгновенно. Откуда онъ взялся тутъ, Пейвушка, и какая связь между нимъ и всѣми ими и — этимъ?.. И какъ на-шелъ онъ, какъ узналъ? Вдругъ стыдно сдѣлалось — и особенно стыдно за эту короткую дѣтскую юбочку и за голыя ноги, передъ нимъ, шоферомъ.

Подбѣжала, рванула окно.

— Что? — спросила запыхавшись, почти беззвучно.

У китайца въ широкую, удивленную улыбку ослабилось лицо.

— Ми-иии... — сказалъ онъ радостно, будто не ее онъ искалъ вовсе, а только случайно набрелъ. (Онъ случайно и заглянулъ, конечно, въ это окно, судорожно ища Мику по домамъ и дворахъ, чтобы предупредить, и то, что онъ, опять зайдя въ какую-то подворотню и подойдя къ первому попавшемуся окну, увидѣлъ за нимъ Ми, живую, не призрачную Ми, не могло не удивить его...)

— Миии! — сказалъ онъ еще разъ, приподнявъ кепку, а потомъ заговорилъ захлебывающейся скороговоркой: — ... они здѣся, Ми... здѣсяаа... я бѣжалъ какъ шумашедша... я хотѣлъ сказать Ми, чтобы Ми ушелъ скорѣй... Александра Кузьмичъ и графъ ходятъ па тротуаръ, все ходятъ... и ждутъ Ми, честнословъ. Я машина оставилъ и па-аабѣжалъ... Ми нада скоро одѣца и черезъ дворъ — айдаа, Пей-Ву просить, очень просить, а то будить баалшой шкандалъ...

«Ходятъ по тротуару...» Четко представились Ми эти двое, барственный отецъ и щупленькій графъ рядомъ съ нимъ, и какъ они идутъ по

тротуару, вотъ тутъ гдѣ-то, на этой улицѣ съ кончающимися трамвайными рельсами и брандмауэрами... Ходятъ, ждутъ ее — ее, Ми, — и говорятъ о ней, подозрительно и страшно говорятъ о ней... Боже мой, и откуда-же узнали, и когда-же началась эта ихъ подозрительность... то, что они теперь вотъ подкараулили ее, да, подкараулили — для того, чтобы уличить, поймать?... Фу, какъ это отвратительно и стыдно... и какъ могло и почему окончилось это благополучіе ея обмана, долгаго ея и всегда гладко сходявшаго обмана?..

Викторъ подошелъ, огромный и великолѣпный, спокойно обнялъ Ми, не стѣсняясь китайца, спокойно поставилъ голую свою ногу на бакъ парового отопленія, спокойно сказалъ, проводя рукой по смуглой кожѣ икры и что-то колупая на ней:

— Мы здѣсь немножко потанцовали, потому и въ такихъ костюмахъ... Теперь вотъ что. Вы побѣгите обратно къ машинѣ, но такъ, чтобы васъ не увидѣли тѣ двое... эти... ну, господа, однимъ словомъ... да... А я провожу барышню, черезъ другой выходъ. Здѣсь есть другой выходъ на Кирпичную улицу. Они вѣдь гдѣ ходятъ? Вотъ по той улицѣ?

Викторъ ткнулъ пальцемъ, китаецъ посмотрѣлъ по направленію этого пальца, но онъ, вѣроятно, спутался, рыща по дворамъ, онъ пожалъ плечами и смущенно улыбнулся.

— Ну тамъ, гдѣ трамвайныя рельсы? (китаецъ живо закивалъ). Ну вотъ, — сказалъ Викторъ, — я проведу на Кирпичную и никто не увидитъ. Все будетъ шито-крыто... Ну, а вы проваливайте!..

И когда китаецъ побѣжалъ, Викторъ длинно посмотрѣлъ на Ми и повторилъ:

— Все будетъ шито-крыто, да!..

А потомъ свирѣпо, звѣрино прижалъ ее къ себѣ и сказалъ со злобой:

— Какая въ сущности гадость — слѣдить, рыскать. Какъ сыщики! И гдѣ они насъ увидѣли?! Я нигдѣ ничего не замѣтилъ. Ну, все равно. Сегодня я понялъ (уже мягче звучалъ голосъ, когда онъ говорилъ ей это, глядя на нее сверху внизъ и крѣпко сжимая). Сегодня я понялъ, что я могу и хочу танцевать только съ тобою. Понимаешь? И пусть десять папашъ и двадцать графовъ рыскаютъ около дома, я не могу безъ тебя. Я... Ты должна быть моею... моею... ну какъ сама хочешь назвать — партнершей... женой... все равно, я ненавижу всякія опредѣленія, но я не могу безъ тебя... я...

Но Ми ловко, нырнувъ, освободилась отъ него, сѣла на пуфъ и, натягивая чулки на головокружительныя свои ноги, сказала съ шаловливымъ удивленіемъ:

— Ну, Витька, ты какой-то сумасшедшій, право! Ты видишь, намъ надо спѣшить... У меня даже руки трясутся отъ волненія... Намъ надо выбратъся на какую-то Кирпичную улицу, чтобы не вышло скандала... А ты... а ты вдругъ дѣлаешь какъ-будто предложеніе...

И засмѣялась, опять смотря на него голубымъ этимъ и лучистымъ, просіяннымъ взглядомъ. Онъ дернулся вдругъ и упалъ на колѣни, буйно, такъ что хрустнули суставы его смуглыхъ и мочурихъ ногъ и тонко звякнулъ бубенчикъ на колапакѣ, онъ приложилъ руку къ обнаженной груди и сказалъ съ театральнымъ, насмѣшливымъ пафосомъ:

— Марья Александровна, уважаемая, предлагаю вамъ руку и сердце, и ноги, и все, что у меня есть... Не отвергайте... Плюньте на своего графа и архелоло... тьфу... ар-хе-о-ло-га... Бросьте свои буржуазности, соедините свою жизнь съ пролетаріемъ и танцоромъ, ей-Богу —

не пожалѣете... Если хотите, мы можемъ въ сентябрѣ уже выступить съ новымъ номеромъ — «Дѣти на лугу»... А? Вотъ будетъ номеръ... вотъ будетъ сенсация, а?! Скажи папашѣ, такъ молъ и такъ, мы любимъ другъ друга, отсыпь-ка ты на мою долю что мнѣ полагается и отпусти меня на всѣ четыре стороны... Хочешь?

И вдругъ поднялъ ее и облапиль, такъ тѣсно прижалъ къ себѣ, къ голой груди, что въ ней на секунду почти остановилось дыханіе. Но острое это и буйное чувство сжатости и прижатости къ нему, этому потному, шалому и властному мальчишкѣ, было чудесно, это было какъ-будто еще отъ танца, уже переходящаго въ жизнь, дѣти на лугу, влюбленные, обезумѣвшія дѣти. Будь что будетъ, подумалось ей толчкомъ, пускай оба придутъ, отецъ и графъ, стануть на порогъ и будутъ смотрѣть, мнѣ все равно теперь, мнѣ хорошо съ нимъ, и я не хочу разставаться... И онъ мнѣ сдѣлалъ предложеніе... Но, правда, онъ говорилъ о деньгахъ тоже... Да, о деньгахъ. Значить — не только дѣти на лугу и страсть... Значить еще что-то... Ахъ, я не знаю, не знаю, ничего не знаю, я только хочу эту прижатость къ нему, это его тѣло и безуміе и страсть... все равно...

Съ закрытыми глазами уронила вдругъ собранное въ охапку платьѣ — только ноги успѣла обуть, стояла въ юбочкѣ дѣвочки на лугу, трепещущая. И тогда вторая драматическая — или водевильная? — неожиданность нахлынула на нихъ — острый толчокъ электрическаго звонка, рѣзкій и жуткій... Тутъ-же рядомъ, въ передней.

— Боже мой! — крикнула Ми въ ужасѣ и, пугаясь, застревая и дрожа, она начала сдергивать съ себя веселый радужный шелкъ юбки, кофточки, колпачка, совершенно уже не думая о томъ, что остается передъ нимъ въ одномъ бѣльѣ.

Въ секунду надѣла и съ его помощью (онъ тоже испугался какъ-будто, толчокъ звонка какъ-то тоже взвинтилъ его) платье и пальто, и когда они подбѣжали потомъ къ окну и выскочили на мокрый асфальтъ двора, даже не оглянувшись по сторонамъ -- отъ спѣшки, отъ этихъ путающихся движеній, отъ водевильности и трагической комичности этого ихъ бѣгства сдѣлалось смѣшно, безудержно смѣшно, несмотря на легкую и стыдную жуть . . . Такъ что, когда она, подталкиваемая имъ, очутилась въ какомъ-то коридорѣ съ номерами дверей, а потомъ на незнакомой и пустынной улочкѣ съ длинными фабричными заборами, она смѣялась уже неудержимо и совершенно весело, и онъ съ нею.

— Бѣги обратно! . . . Бѣги обратно, Витька! — кричала она сквозь смѣхъ, смѣясь еще и отъ того, что онъ выскочилъ съ нею босой, успѣвъ накинуть только фіолетовый свой танцорскій халатъ, — бѣги и такъ выйди къ нимъ въ этомъ халатѣ, будто-бы ты упражнялся . . . Но только скорѣе, а то они подумаютъ, что ты меня куда-то пряталъ. Ой, не могу! Въ этомъ халатѣ и на этой улицѣ ты изумителенъ . . . Бѣги, бѣги! . . .

И побѣжала по мокрому тротуару, оглядываясь на него, смѣясь и посылая ему воздушные поцѣлуи, запыхавшаяся слегка, но розовая какъ всегда и нарядная.

Глава четырнадцатая

„Вотъ тебѣ и грѣхопаденіе . . .“

« . . . Вотъ тебѣ и грѣхопаденіе! . . . » — думалъ Викторъ, пробѣгая обратно черезъ коридоръ бокового флигеля, а потомъ разбрызгивая босыми ногами лужи на асфальтѣ двора — нарочно разбрызгивая, со свирѣпствомъ и остервенѣніемъ —

«черти полосатые!» — выругался онъ мысленно, включая въ это опредѣленіе не только тѣхъ двухъ, невпопадъ позвонившихъ, которыхъ онъ предполагалъ за дверьми своей квартиры, но ненавидѣлъ почему-то и глядѣвшаго на него съ недоумѣніемъ толстаго старика въ вислозадыхъ штанахъ и со спущенными подтяжками, возившагося у кадки съ дождевой водой. Однимъ прыжкомъ Викторъ очутился на подоконникѣ своей комнатенки, прыгнулъ на коверъ, на цыпочкахъ, поднялъ правую ногу и посмотрѣлъ на мокрую и потемнѣвшую пятку. «Подозрительно...», рѣшилъ онъ, быстро нагнувшись и выживая изъ кресла танцевальныя туфли. Въ это время въ передней опять заверещалъ звонокъ, два раза подъ-рядъ, зловѣще-нетерпѣливо.

Запахивая халатъ, какъ-то еще болѣе поднявъ и выкативъ колесомъ могучую грудь, Викторъ пошелъ въ переднюю, выражая собою самое недвусмысленное: «Ну и задамъ-же я имъ перцу!», уже приготовивъ сморщенный лобъ и учтиво-холодную вступительную фразу «Чѣмъ могу служить?» — фраза эта должна была выразить легкую досаду отъ того, что его, извѣстнаго артиста, прервали во время работы надъ танцемъ. Включивъ электричество, онъ мелькомъ еще разъ взглянулъ на себя въ зеркало у выходныхъ дверей, улыбнувшись великолѣпію своего лица и небрежно пригладивъ взлохмаченные волосы. Потомъ щелкнулъ цѣпочкой и ключемъ.

За дверьми, улыбаясь, стояли Рыжая и Пепко.

— Что ты возишься, какъ старая баба?! — заговорилъ Пепко, пропуская впередъ Полину, улыбающуюся не безъ ехидства. — мы четыре раза звонили и уже собирались уходить... Спалъ или... или свою дѣрзочку въ шкапъ пряталъ, а? Ну сознайся? Впрочемъ, ты какъ-будто мрачный...

— Нѣтъ, я совсѣмъ не мрачный, — отвѣтилъ Викторъ, привычно помогая Полинѣ снять манто.

По улыбкѣ, съ какой Полина отнеслась къ словамъ Пепки о запрятанной въ шкапъ дѣвчонкѣ, Викторъ съ облегченіемъ догадался о ея отодвинутости отъ него, Виктора, отодвинутости, совершившейся безъ трагизма, вѣроятно, благодаря Пепко, давно уже подкарауливавшаго Рыжую. За эту услугу Викторъ съ особой теплотой взглянулъ на пріятеля своего Петра Тычкова.

— Я совсѣмъ не мрачный, — повторилъ онъ улыбаясь, — наоборотъ, я очень радъ васъ видѣть. Только вотъ что...

И вдругъ, вспомнивъ, проскочилъ впереди гостей въ пріемную комнату, мгновенно собралъ съ пола разсыпанныя Микой составныя части костюма и кинулъ ихъ куда-то за занавѣску. Полина, входя, переглянулась съ Пепко — маневръ Витьки не остался незамѣченнымъ, Пепко даже взглянулъ въ сторону занавѣски, а Полина спросила съ лукавствомъ:

— Въ чемъ это ты такомъ щеголяешь несуразномъ?

— Несуразномъ? — повернулся къ ней Викторъ. — Сама ты несуразная послѣ этого. Костюмъ для новаго танца, — сказалъ онъ, распахивая халатъ и показывая на минуту блескъ шелка вокругъ обнаженной груди, — погодите, увидите... пальчики оближете... Кури, — протянулъ онъ Пепкѣ коробку папиросъ, стоявшую на столикѣ.

Пепко закурилъ, стоя на широко разставленныхъ ногахъ и подрыгивая ими, чтобы улеглись по складкамъ широкіе спортивные штаны. Полина же разгуливала по комнатѣ, присматриваясь и какъ-бы даже приюхиваясь, она съ многозначительнымъ молчаніемъ увидѣла уже на письменномъ столикѣ беспорядочную кучку

сдернутыхъ со стѣны открытокъ и фотографій. Потомъ она какъ-то демонстративно взяла изъ коробки папиросу — я все-же закурю, хотя ты мнѣ и не предлагаешь... — и опять зашагала, послѣ того, какъ закурила у Пепки, пуская кольца дыма и по-шантанному напѣвая.

— Да, такъ вотъ что, — повторилъ, усѣвшись на пуфѣ, Викторъ, — вы ничего на улицѣ не увидѣли подозрительнаго?

— На улицѣ подозрительнаго?

Пепко взобрался уже на подоконникъ и замшевой тряпкой, вынутой изъ кармана пуловѣра, обтиралъ носки каштановыхъ полуботинокъ.

— Пожалуй, что и да — помнишь? — переглянулся Пепко съ Полиной, — мы еще обратили вниманіе...

— А что? — спросилъ Викторъ съ напускнымъ равнодушіемъ.

— На углу, понимаешь, встрѣтили мы какого-то дядьку, — дружескимъ своимъ и школьническимъ тономъ заговорилъ Пепко, затыкаясь и показывая веселые матроскіе зубы, — какой-то буржуй, понимаешь, ну — директоръ банка тамъ или этакій вообще тузъ, внушительный дядька, понимаешь брюхатый. Онъ чего-то ошерился на насъ какъ-будто и посмотрѣлъ неодобрительно, понимаешь, не понравились мы его превосходительству общими своими нѣсколько яркими чертаніями, да... Ну... Да, и еще... Помнишь? — опять постарался онъ втянуть въ свое репортерство Полину, та остановилась, покуривая, и поглядѣла. — Вотъ тутъ совсѣмъ недалеко отъ твоего дома щуплый какой-то и куций, вродѣ горбатаго... немножко на недоноска похожъ, будто мамаша его невзначай на седьмомъ мѣсяцѣ выкинула. — Полина фыркнула, да и Викторъ не удержался, хотя что-то тревожное и екнуло у него въ груди. — Все стоять, понимаешь, и на часы смотрѣлъ, и бормоталъ, немного съ

бзикоми парени. Насъ кажется, онъ даже и не замѣтилъ. А помимо этого, понимаешь, ничего какъ-будто, никакихъ землетрясеній.

Пепко замолчалъ и тогда совсѣмъ тихо стало въ полутемной уже комнатенкѣ, только дождь нерѣшительно царапался въ окно. И тогда Полина, могучая Полина, какъ-бы отъ себя освѣщавшая смутную и безалаберную комнату — и рыжими огнистыми волосами, и косметикой лица, и всей крупной своей сценической фигурой въ очень лѣтнемъ еще и взморскомъ платьѣ — Полина спросила съ затаеннымъ ехидствомъ:

— А ты чего, собственно, опасаясь, а?

И — тррр... опять ввинтился въ пасмурную муть комнаты рѣзкій звонокъ въ передней, и Викторъ, вздрогнувъ и вскочивъ мгновенно, заговорилъ звонкимъ шопотомъ:

— Я васъ очень прошу обоихъ... вѣдь вы мнѣ друзья, да?... обоихъ прошу: побудьте въ той комнатѣ, но только ти-ихо, конечно, будто васъ нѣтъ. Вы будете нужны мнѣ, можетъ быть, какъ свидѣтели... Очень прошу...

Пепко весело свистнулъ — онъ любилъ такія положенія — и оба они послушно, и даже Полина безпрекословно, дали себя вытолкнуть въ Витькину спальню. Викторъ плотно затянулъ портьеру — немного онъ все-таки волновался, немного все-таки чувствовалъ себя мальчишкой, котораго ждетъ нагоняй отъ какихъ-то очень сильныхъ, чужихъ и высокопоставленныхъ. Въ переднюю онъ прошелъ какъ-будто не такимъ приготовленнымъ, какъ въ первый разъ, безъ сдвинутаго лба и чувствуемой уже губами надменной первой фразы, даже не посмотрѣвъшись въ зеркало. Тѣмъ не менѣе онъ не забылъ снять съ вѣшалки и повѣсить въ стѣнной шкафъ подозрительное это манто Полины, уже успѣвшее остро и неумѣстно надушить переднюю.

Но когда, открывъ дверь, онъ не увидѣлъ ни-

какого грознаго директора банка — этотъ жуткій образъ Микинаго папаша все время рисовался въ его воображеніи, а всего лишь скромнаго, недоросшаго господина (это былъ, внѣ сомнѣнія, графъ, легендарный Микинъ графъ), господина, у котораго лицо въ эту минуту было совершенно стертымъ и до жалости несчастнымъ, Витька почувствовалъ великолѣпный приливъ мощи отъ сознанія своего физическаго превосходства.

Онъ отступилъ на шагъ, въ очень живописномъ недоумѣніи, показывая этимъ шагомъ, что предполагалъ увидѣть за дверью все, что угодно, но только не неувѣреннаго этого господина въ старомодной шляпѣ и съ грязноблѣднымъ, будто запылившимся, безпомощнымъ взоромъ.

— Вамъ кого угодно? — холодно-учтиво, со всѣмъ какъ полагалось, спросилъ Викторъ, подымая воротникъ халата — не свой, молъ, а потому показывать обнаженную шею и грудь неумѣстно.

Совершенно какимъ-то метафизическимъ, невнятнымъ и ощупывающимъ голоскомъ отвѣтилъ графъ:

— Могу ли я видѣть... господина... Юренко?

И даже какъ-то почтительно, почти подобострастно прозвучала у него эта плебейская фамилія. Викторъ улыбнулся — и я, молъ, если хотите, могу поддержать эту комедію, будто мы не знаемъ или не предполагаемъ другъ друга. Потомъ сказалъ все съ тѣмъ-же недоумѣніемъ въ голосъ:

— Это я. Чѣмъ могу служить? (Самъ удивился: Чѣмммъ маагу служить... Какъ высоко, какъ неподобно барственно, голосомъ знаменитости. Молодчина, Витька!).

Графъ, не отвѣчая, протиснулся въ переднюю, снялъ шляпу, потомъ остановился въ нерѣшительности — снять-ли, по врожденной благовоспитанности, пальто, или остаться въ немъ, пока-

зывая этимъ исключительность, необходимость, даже драматичность своего прихода. Но Викторъ уже приподнялъ было — и очень высоко надъ графской головой — руки, чтобы быть на-готовѣ взять это пальто и повѣсить, съ улыбкой приподнялъ, снисходительной къ нерѣшительности этого господина. Графъ, сдернувъ макинтошъ, — запутался въ рукавѣ, — потоптался еще мучительно, непреодолимо боясь зеркала, боясь увидѣть свое отраженіе рядомъ съ отраженіемъ этого неслыханно великолѣпнаго и самоувѣреннаго танцора, страдая еще и оттого, что онъ чувствовалъ какъ-будто какой-то повелительный гипнозъ, который шелъ на него отъ этого побѣдительнаго соперника.

Потомъ Викторъ показалъ рукою и графъ по этому указанному направленію вошелъ въ приемную, вошелъ съ тѣмъ какимъ-то внутреннимъ и глухимъ отчаяніемъ, съ какимъ боящійся воды и неумѣющій плавать кидается въ волны. При электрическомъ свѣтѣ, вспыхнувшемъ въ граненой чашѣ подъ самымъ потолкомъ, обстановка этой приемной показалась ему почти нарядной, хотя и непривычно-непочтенной. Все было непочтенно: огромное это театральное зеркало, затоптанный коверъ, и окурки эти вездѣ, и бутылка изъ-подъ бенедиктина на этажеркѣ, и совершенно кокоточный этотъ письменный столикъ неуча, на которомъ лежитъ какой-то фиглярскій колпачекъ съ бубенчикомъ, и картины: шантанная эта обнявшаяся парочка на диванѣ и рядомъ безстыдное что-то и очень голое, чего графъ, по близорукости, не могъ какъ слѣдуетъ разоб-
брать...

Глава пятнадцатая Графъ сидитъ на пуфѣ

Графъ, поправляя профессорскій свой, старомодный галстучекъ, оглянулся въ этой несоот-

вѣтствующей комнатѣ, по брезгливости, почувствованной имъ отъ неряшливости и несерьезности танцорской обстановки, не удалось ему прогнать со своего лица застывшаго на немъ смущенія, почти испуга. Больше всего смущали графа голыя ноги Виктора, при каждомъ его движеніи красиво-нагло показывавшіяся изъ-за полы короткаго халата: онъ совершенно не привыкъ къ собесѣдникамъ съ голыми ногами. Но въ то же время ноги эти были такъ непостижимо могучи и великолѣпны, что графа почти помимо воли тянуло на нихъ смотрѣть.

«Куда-бъ его усадить?» — думаль въ это время Викторъ, оглядывая жалкую меблировку комнаты и раздумывая, предложить-ли графу пуфъ съ западающей и пискливой пружиной, или стулъ, у котораго заднія ноги, кажется, тоже были неблагополучны. Все-таки онъ рѣшился на стулъ, и даже выдвинулъ его немного отъ стола, приговаривая:

— Садитесь пожалуйста... Присядьте...

А самъ сѣлъ на пуфъ. Садясь, онъ замѣтилъ, что голыя ноги его въ этомъ положеніи обнаруживаются еще болѣе беззастѣнчиво, поэтому сказалъ небрежно:

— Вы простите, пожалуйста, мой нарядъ, но я только что упражнялся, проходилъ новый танецъ...

И прибавилъ, совсѣмъ уже по-свѣтски, окончательно овладѣвъ положеніемъ:

— Впрочемъ, я такъ и не знаю еще, съ кѣмъ я имѣю удовольствіе говорить?..

Графъ, такъ и не усѣвшійся еще на проблематическомъ своемъ стулѣ, опять дернулся и, неловко протянувъ руку, сказалъ:

— Графъ Зоричъ...

Слова эти должны были быть сказаны съ явной интонаціей: «Теперь тебѣ все ясно, да?..», но интонація эта какъ-то не вышла у графа, такъ

что Викторъ, очень спокойно привставъ и пожавъ дергающуюся руку, могъ очень спокойно отвѣтить:

— Очень пріятно... Чѣмъ могу служить?..

Тогда графъ, наконецъ, рѣшился сѣсть. Но такъ какъ онъ сдѣлалъ это безъ соотвѣствующихъ предосторожностей, спинка стула, благодаря зависимости своей отъ распатанныхъ заднихъ ножекъ, внезапно наклонилась и шлепнула графа по спинѣ, создавъ впечатлѣніе крайней неустойчивости предложеннаго сидѣнія. Графъ съ нѣкоторымъ даже ужасомъ подпрыгнулъ и всталъ.

— Уй-уй-ююууй!.. — сказалъ Викторъ, съ трудомъ удержавшись отъ улыбки, — я слишкомъ долго, оказывается, не принималъ гостей, а за это время единственный этотъ стулъ успѣлъ порядкомъ таки подряхлѣть... Мнѣ придется, къ сожалѣнію, попросить васъ, графъ, пересѣсть вотъ на этотъ пуфъ...

Онъ такъ подчеркнуто какъ-то произнесъ это слово «пуфъ», что къ ужасу своему долженъ былъ услышать, какъ за портьерой кто-то, хотя и сдержанно очень, но недвусмысленно фыркнулъ. И графъ услышалъ и, поблѣднѣвъ смертельно, спросилъ съ трясущимися губами:

— Мнѣ показалось... простите... Мы что же... Мы не одни съ вами въ этой... въ этомъ... въ квартирѣ?... И въ мозгу у него метнулось и застучало: «Неужели Ми?... Неужели все-таки Ми?»

— Мы совершенно одни, графъ, — очень спокойно отчеканилъ Викторъ, — вамъ нечего беспокоиться... У меня только очень тонкія стѣны, настолько тонкія, что я могу иногда слышать, какъ сосѣдь мой... онъ... ээ... онъ извѣстный каррикатуристъ... бьетъ себѣ изъ двухъ желтковъ гоголь-моголь по вечерамъ. (И каррикатуриста, и гоголь-моголь онъ только-что выду-

маль...) Да... Вотъ, пожалуйста, на пуфъ... Правда, и онъ не безъ изъяновъ, но зато хотъ устойчивый... А ужъ мнѣ разрѣшите устроиться на подоконникѣ, это мое любимое мѣсто... Да, графъ, прибавилъ онъ, устроившись на подоконникѣ и совсѣмъ уже свободно, по-мальчишески сверкая голыми колѣнями, — вотъ вамъ условія, при которыхъ намъ, артистамъ, придется жить въ мебелированныхъ комнатахъ... А деруть они за нихъ... деруть бѣшено... (онъ хотѣлъ сказать «въ три-дорога...», но вдругъ усомнился въ удареніи и сказалъ просто «бѣшено»...)

Теперь графъ сидѣлъ — и совсѣмъ уже бессмысленно, почти посреди комнаты — на низкомъ пуфѣ и подъ самой лампой, отчего выглядѣлъ еще болѣе потнымъ и измученнымъ. Онъ чувствовалъ себя до головокруженія скверно. Онъ чувствовалъ, что отъ всѣхъ этихъ ненужныхъ фразъ и представленій, отъ инцидента со стуломъ и пересаживаніемъ, отъ того, что онъ сидитъ теперь на низкомъ пуфѣ и кажется себѣ поэтому еще болѣе недорослимъ и жалкимъ, — постепенно гаснетъ въ немъ и изсякаетъ тотъ пылъ, съ какимъ онъ рѣшился, наконецъ, по уходѣ Александра Кузьмича, отыскать танцора, забравшаго у него Ми. (Въ томъ, что Ми зашла къ нему, онъ какъ-будто началъ уже сомнѣваться...) Пыль этотъ началъ падать у него уже во время безконечныхъ поисковъ по всѣмъ этажамъ дома, поисковъ танцорской карточки — звонитъ онъ нигдѣ не рѣшался — и превратился въ острый, внезапный испугъ, когда на первый, наконецъ, звонокъ, у дверей безъ всякихъ карточекъ, ему открылъ именно Викторъ, огромный, въ халатѣ и съ голыми ногами. «Господи, помоги!» — сказалъ графъ себѣ мысленно и, собравъ всѣ свои крохотныя силы, заговорилъ:

— Я... я постараюсь быть краткимъ...

Впрочемъ, это только такъ говорится... Вы замѣтили?... Когда собираются говорить подольше, обыкновенно начинаютъ словами: «Я постараюсь быть краткимъ...»

Онъ блѣдно улыбнулся, нервно дернувъ кадыкомъ. Викторъ смотрѣлъ на него и, тоже изъ учтивости улыбувшись, подумалъ: «Что-жъ это онъ, пришелъ шуточки шутить?... Ну и фигура несчастная... Пусть-бы мнѣ пять милліоновъ заплатили, я не помѣнялся-бы съ нимъ фигурами...»

«... Не то, совершенно не то, мучился въ это время графъ — зачѣмъ эти сентенціи и панибратство, вѣдь я собираюсь... Что-же я собираюсь?... Ахъ, да, вѣдь я собирался побѣдить... Я?... Полно!» Потомъ сказалъ :

— По всѣмъ правиламъ... по всѣмъ традиціямъ, что-ли... я долженъ былъ-бы дѣлать сейчасъ совсѣмъ другое... Ну что-жъ, я долженъ сознаться вамъ. Нѣтъ этого во мнѣ, нѣтъ этихъ необходимыхъ для такихъ случаевъ словъ, жестовъ, движеній. Вообще, этой увѣренности въ себя и мужественности... Я знаю — я прекрасно знаю: вы презираете меня... Нѣтъ, ради Бога не возражайте, а то я совершенно не смогу говорить... Вы меня ни въ грошъ не ставите, вы уже разглядѣли меня насквозь... Вы, вѣроятно, знаете уже, что я настолько-же не умѣю обращаться съ револьверомъ, скажемъ, какъ и съ женщиной... Вообще я не умѣю обращаться ни съ однимъ оружіемъ, только съ книгами и лекціями монетъ... Ну, и съ предметами старины, хотя это, вѣроятно, не относится къ дѣлу... Вы что-жъ?... — вдругъ прервалъ онъ себя, опять и опять глядя на голыя ноги Виктора, точно изучая ихъ, — вы упражнялись или какъ это называется у васъ, спортсменовъ, тренировались?... Впрочемъ, вы мнѣ сказали уже... Да... Вотъ видите, это ужасно отвлекаетъ меня,

ваши ноги... У васъ какія-то несносно-великолѣпныя... да, именно: несносно, почти нагло великолѣпныя ноги, приковывающіе... (онъ кривенько, гримасно усмѣхнулся). Собственно мнѣ, въ моемъ отношеніи къ вамъ, вовсе не слѣдуетъ говорить о вашихъ великолѣпныхъ ногахъ... Это... это чертъ знаетъ что... Но вотъ видите, я говорю... И вы вѣроятно мысленно уже подобрали для меня эпитетъ : не-нор-мальный... почти сумасшедшій. Вотъ видите, это ужасное, губительное опредѣленіе меня мучаетъ всю жизнь: не-нор-мальный... У меня — ростъ ненормальный, и плечи, какой-то изъянъ. Я вамъ скажу: у меня начинался туберкулезъ, мнѣ сдѣлали кошмарную операцію, вынули уйму реберъ, оттого и получилась вотъ эта моя кривизна... Да... Такъ вотъ, я говорю: ненормальный, и тѣло, и натура, и мысли... И поступки... Вотъ то, что я сейчасъ все это говорю вамъ, именно вамъ — такому нормальному и великолѣпному, такому... образцовому мужскому экземпляру... Смѣйтесь, улыбайтесь... Я скажу вамъ еще больше, я скажу сейчасъ... вотъ погодите, я сейчасъ скажу въ самую, самую точку... Я скажу: отдайте мнѣ ее... понимаете, — ее, Ми... Боже мой, зачѣмъ вы забрали ее у меня... зачѣмъ вамъ это надо было?.. Зачѣмъ?.. Фу!..

Судорожно дернулся, вынулъ носовой платокъ и, проведя имъ по высокому своему, лысѣющему лбу, совершенно мокрому отъ холоднаго пота, опять заговорилъ, какъ на невѣроятной какой-то, дикой, несуразной исповѣди:

— ... Да, да, я говорю вамъ, я осмѣливаюсь вамъ сказать: зачѣмъ вы забрали ее у меня?.. Дайте мнѣ ее обратно!.. Я знаю — я жалокъ... сейчасъ, и въ вашихъ глазахъ вѣроятно всегда... физическій уродъ, по вашимъ этимъ молодымъ... танцорскимъ... спортсменскимъ понятіямъ...

Но вы не можете отрицать во мнѣ чувствующей души, понимаете: чувствующаго сердца... Правда, это понятія старомодныя, можетъ быть, даже презираемыя вами... но я... я не презираю ихъ, понимаете?! Я не презираю, понятно вамъ?! (Онъ вдругъ почти крикнулъ эти слова, перегруженнымъ какимъ-то, ломающимся фальцетомъ...) И я требую отъ васъ того-же... Вы должны помочь мнѣ... Что для васъ она?.. Одна изъ сотенъ, случайно подвернувшаяся дѣвчонка, которую вы пріобщаете къ этимъ своимъ... кокоткамъ... Да! Ко-кот-камъ!.. Но я... я не позволю, слышите: не позволюу!.. Довольно! Вы должны отдать мнѣ, должны вернуть... Слышите?!.

Онъ давно всталъ со своего пуфа, стоялъ рядомъ и кричалъ, весь тряся и кричалъ, налившейся жалкимъ и никчемнымъ гнѣвомъ — и если-бы Викторъ былъ немного освѣдомленнѣе въ такихъ дѣлахъ, онъ зналъ-бы уже теперь, что припадокъ у этого припадочника неминуемъ. Но онъ не зналъ, никогда въ жизни не сталкивался, все прикасался только къ здоровому въ жизни, молодому и румяному, какъ онъ самъ. Онъ презиралъ страшно этого женскаго неудачника, уроды и крикуна, и изъ презрѣнія своего онъ сказалъ свысока, не въ силахъ сдержать больше молодого своего, побѣдительнаго превосходства, — сказалъ, слѣзая съ подоконника и на дѣвая на ногу упавшую уже раньше туфлю:

— Вы вотъ что, графъ... Вы успокойтесь... Вы очень что-то запутались... Я съ удовольствіемъ помогъ-бы вамъ выпутаться, но я совершенно не знаю, какъ?..

И вдругъ прибавилъ, съ нескрываемой веселой наглостью:

— Скажите, графъ, вы увѣрены въ томъ, что вы дѣйствительно... мужчина?..

Тутъ за портьерой что-то взвизгнуло приду-

шенно — это Полина, не въ силахъ удержаться отъ смѣха, опрокинулась на подушку кровати съ истерическимъ какимъ-то стономъ. Въ ту-же секунду звякнула струна мандолины, и Пепко, забывшись, легонько свистнулъ. Графъ Зоричъ, стоя посреди комнаты съ вытянутой впередъ рукой — какую-то трагическую и давнюю фильмовую фигуру напоминалъ онъ въ эту минуту Виктору — дико вытаращилъ глаза и со странными какими-то въ лицѣ переливами блѣдности и синеватой темноты, крикнулъ сумасшедшенькой сеговоркой:

— Слушайте... тамъ кто-то есть у васъ? Вы обманули меня, это не за стѣной, это тутъ-же за занавѣской... Кто тамъ у васъ?.. А?..!

И вдругъ, захлебнувшись, взревѣлъ нелѣпымъ фальцетомъ:

— Это она?.. дааа... Миии?.. Да говорите-же, дикій вы... ужасный человекъ... Это она?.. Это она у васъ?.. Это Мии?..

И рванулся было къ портьерѣ, внезапно, прежде чѣмъ Викторъ успѣлъ удержать его. Но не дойдя, въ полоборота къ Виктору, мучительно какъ-то и мученически передернулся, все съ тѣми-же зловѣщими приливами и отливами блѣдности и трушной темноты въ лицѣ, судорожно замеръ на секунду, мгновенно залившись раздирающей губы пѣной и, плашмя упавъ на коверъ, забился въ припадкѣ.

Глава шестнадцатая

Прощай, Машкирко! . . .

Ми шла быстро, почти бѣжала. У каждой стоянки автомобилей собиралась сѣсть въ такси, но все откладывала — сначала надо обдумать и рѣшить... Что-же рѣшить?.. Рѣшить — какъ

быть дальше, какъ жить дальше, вѣдь такъ нельзя больше, между тѣмъ и этимъ, между: отцомъ, дѣдомъ, Сюзанной, вѣчнымъ призракомъ графа — и Викторомъ, ея чудеснымъ, плѣнительнымъ Витькой... Все время она еще чувствовала это послѣднее его, свирѣпое объятіе, это сжатіе, отъ котораго она такъ блаженно и бессильно поникла, эти колѣни его, и обнаженную грудь, и эту силу его, которую она чувствовала еще крѣпче и звѣринѣе какъ-то оттого, что онъ стоялъ передъ нею почти нагой.

Ахъ, что происходитъ теперь въ Витиной комнатенкѣ, вотъ въ эти секунды, пока она бѣжитъ по вечерѣющимъ, полужнакомымъ улицамъ... тамъ, между тѣми тремя... происходитъ изъ-за нея, Ми. Страшно думать, страшно представить себѣ... И все-таки надо думать и рѣшить...

Да, но мѣшаютъ эти прохожіе, эти вывѣски, витрины, буквы. Вотъ наступаетъ вечеръ, зажигаются фонари. Какими фіолетовыми, дымчатыми кажутся дома, вотъ эта большая, нарядная уже, все оживляющаяся улица, въ которую она входитъ. Фіолетовые дома и зеленые огни, вечеръ. Какое сегодня число? Двадцать седьмое, кажется, а можетъ быть и тридцатое, она совершенно запуталась во всѣхъ этихъ прежнихъ ясностяхъ и привычностяхъ. Да, она приближается къ Звѣздовой, и тамъ должна быть стоянка взморскихъ автобусовъ, оттуда она можетъ поѣхать домой, то есть въ виллу съ дѣдомъ и Сюзанной, которые ничего не знаютъ о томъ, что происходитъ съ нею... Домой?..

Нѣтъ, что-же она будетъ дѣлать въ этой взморской виллѣ, вотъ сейчасъ, въ этомъ оторванномъ ея, нелѣпомъ состояніи. Неужели-же играть Листа и Дебюсси? «Дѣвушка съ льняными волосами», «Танецъ Паука»... Все это отошло, ужасно какъ-то далеко отошло... «Хлородонть»,

— читаетъ она. Да, вотъ когда-то былъ совсѣмъ простой хлородонтъ, паста, вода и даже стаканъ съ надписью, такіе знакомые. А теперь все это отодвинулось, обросло мыслями, непривычными, требовательными мыслями. Надо рѣшить... Эта дама похожа на выдру, сказалъ бы Витька. А что, собственно, такое — выдра, рыба или млекопитающее? Все равно, они смѣялись бы, она и Витька...

Ахъ, какъ ей хочется Витьки!.. Какая отвратительная жестокость, что ее оторвали отъ него, и какъ они, тѣ, какъ они смѣли слѣдить за ними, врыватья въ ихъ жизнь!.. Три зубныхъ врача, одинъ надъ другимъ — Рабиновичъ, Щуръ и... Халевскій, кажется, она не успѣла какъ слѣдуетъ прочесть... Можетъ быть, надо вернуться и прочесть, можетъ быть, отъ этого зависитъ что-нибудь — тамъ, въ Витиной комнатѣ?.. Какой противный господинъ, разсматривающій галстуки, глазъ воспринялъ бѣлую пухлую руку съ вросшимъ въ жиръ обручальнымъ кольцомъ... и торчащіе вверхъ эдакими винтиками усы... Бухгалтеръ, вѣроятно, или служащій въ таможенѣ, вотъ какъ говорилъ когда-то Караимовъ, на именинахъ Пепки. Ахъ, именины Пепки!.. Тотъ день, тотъ вечеръ — и нынѣшній, день развязки... Развязки?.. О чемъ она думала только что?.. Ахъ, да, бухгалтеръ!.. Нѣтъ, надо быть танцоромъ, это самое первое, конечно, еще пѣвцомъ можно, вообще — артистомъ. Ну, и еще военнымъ, морякомъ... или атташе посольства еще... Все остальное для какой-то пользы, но не для любви... Даже, скажемъ, если очень надо было-бы — кого она могла-бы любить еще, кромѣ Виктора?.. Пепко?.. Да, ей нравятся такія простыя солдатскія лица, но... но чего-то все-таки не хватаетъ... Гвадалквивирова?

Странно, что она совсѣмъ больше не думаетъ о прежнихъ, о совсѣмъ недавнихъ своихъ пріятеляхъ — Господи, мало-ли какихъ... Школьныхъ, танцевальныхъ, теннисныхъ, гребныхъ... вообще свѣтскихъ, принадлежащихъ къ тому-же обществу, что и она. Совершенно она какъ-будто всѣхъ ихъ забыла. Забыла Вовку Фишера, и Тольку Канкрина, и Ромку Засница, маленькаго голубоглазаго барончика, совсѣмъ недавно еще считавшагося ея неизмѣннымъ адъютантомъ... Да... развѣ Тольку Канкрина? У него бѣдовые какіе-то, чуть-чуть трагическіе глаза, какъ у школьника, котораго исключили уже изъ двухъ гимназій и одного лица... кажется, нѣчто подобное именно и произошло съ нимъ, но онъ и не думаетъ унывать, только немножко какъ-то оцепинился весь, какъ молодой волкъ... Да, вотъ развѣ Толька?..

Какъ давно она не видалась съ нимъ, вообще со всѣми ими... Три недѣли, а то и мѣсяць... И гдѣ они всѣ пропали, дѣвчонки и ребята изъ ихъ компаніи? Она, положимъ, все съ Викторомъ была, совсѣмъ въ другомъ мірѣ... Нѣтъ, ей ужасно, ужасно надо поговорить съ кѣмъ-нибудь... все равно съ кѣмъ, изъ тѣхъ или этихъ... Посовѣтоваться... Ахъ, если-бы встрѣтить кого-нибудь... Да, это уже Звѣздовая... Кафэ Риксъ... Тутъ она часто бывала съ тѣми, съ Ниной, Мэри, Вовкой, Ромкой... Акціонерное общество Элизаръ и сынъ, тутъ она съ Сюзанной покупала джемперъ... Какая толчея въ дверяхъ... распродажа, что-ли?... Кто это стоитъ тамъ у витрины, смотреть, какая знакомая, славная мордашка!

Да вѣдь это Колька, Колька Машкирко, хористикъ!.. Да, вотъ именно съ нимъ она поговорить, это судьба... Скорѣе подойти, пока онъ не вошелъ въ магазинъ... Подошла, стала рядомъ у витрины, смотреть, и только потомъ за-

мѣтила, что выставлено-то все мужское, даже мужское бѣлье... Тогда смутилась и сказала поспѣшно:

— Здравствуйте!..

Хористикъ даже вздрогнулъ слегка отъ неожиданности, посмотрѣлъ и вдругъ заулыбался, лучась глазами и этой милой своей шаловливой ямочкой на щекѣ. Ми не дала ему опомниться, заговорила быстро, очень близкимъ и необходимымъ почти онъ показался въ эту минуту. Но, глядя на него, на надвинутую на самые глаза кэпку и на очень броскій какой-то галстучекъ, почему-то подумала, что Толя Канкринъ въ этомъ миломъ ребяческомъ хористикѣ обязательно нашелъ-бы чтонибудь и смѣшное, и, главное, некомильфотное...

— Скажите: вы куда сейчасъ собрались? — спрашивала Ми и даже положила руку на рукавъ его пальто, — спѣшите куда-нибудь?..

Нѣтъ, онъ никуда не спѣшилъ... Правда, въ семь у нихъ назначена репетиція, и старикъ ихъ въ послѣднее время чрезвычайно строгій и свирѣпый... но вѣдь теперь только четверть седьмого... А что?.. Тогда она, слегка смущаясь, — предложила зайти въ кафэ — первый разъ въ жизни она предлагала первая мужчинѣ, но вѣдь въ сущности какой-же онъ мужчина, Колька-хористикъ, птенчикъ... Вотъ рядомъ въ кафэ Риксъ, ей ужасно надо поговорить съ нимъ...

Въ совершенномъ восторгѣ онъ пошелъ рядомъ съ нею. Было очень многолюдно на тѣсномъ тротуарѣ, и Ми совсѣмъ напрасно еще сказала:

— Вы простите, Коля, что я такъ вамъ... что я такъ вамъ навязываюсь...

Чтобы обогнать какихъ-то двухъ отвратительно мѣшающихъ толстяковъ, Колькѣ надо соскочить на мостовую, и слова Ми — «простите, что навязываюсь...» очень какъ-то неловко по-

висли въ воздухѣ, въ толчеѣ, могли быть услышанными и принятыми на свой счетъ посторонними, чуть-ли не тѣми-же самодовольными толстяками. Но хористикъ все-таки и услышалъ, и уловилъ ихъ и, бѣшено прободавшись черезъ разъединившую ихъ гущу прохожихъ, и уже прочно какъ будто обосновавшись рядомъ съ нею, сказалъ даже съ какой-то дрожью въ голосѣ:

— Ну, какъ вы можете такое говорить!..

Въ кафэ, очень переполненномъ, они нашли все-таки какой-то уголокъ во второмъ этажѣ, въ отдѣльной нишѣ. Правда, музыка почти не долетала сюда, настоящая, изъ главной залы, и только громкоговоритель надъ дверьми верещалъ нѣчто гнусавое, подъ Вертинскаго. И на столикѣ, правда, еще стоялъ приборъ съ недопитымъ кофе въ чашкѣ и даже лежалъ, перегнувшись за уголь, номеръ «Люстиге Блеттеръ» на бамбуковой палкѣ. Но такъ какъ ничего одушевленнаго въ связи съ этимъ кофейнымъ натюрмортомъ обнаружить не удалось, Ми и Машкирко съ облегченіемъ усѣлись на диванчикѣ, рядомъ.

Усѣвшись, Ми на минуту подумала: «Что-же это я буду ему говорить... неужели я все расскажу, все?.. И гдѣ начать, и о чемъ самомъ главномъ говорить... И почему именно ему, хористу Колѣ, котораго я вижу всего лишь второй разъ въ жизни?.. Я, кажется, опять сдѣлала глупость...»

Но онъ такъ ожидающе и такъ сочувственно смотрѣлъ на нее, и онъ былъ такъ молодъ и какъ-то свѣтелъ — особенно теперь, когда онъ снялъ и повѣсилъ на крючокъ кепку, когда обнаружили его лохматые, обильные русые волосы, совсѣмъ еще школьническіе... и этотъ модный, хотя уже нѣсколько поношенный бежевый костюмъ, когда-то, вѣроятно, выбранный

имъ и заказанный съ огромной шестнадцатилѣтней важностью . . .

— А вдругъ здѣсь все-таки кто-то сидитъ еще? — сказала Ми для вступленія и улыбнулась, и онъ тоже улыбнулся тотчасъ-же. «Онъ похожъ на Ганса Браузеветтера», — подумала Ми по привычкѣ своей большинство изъ встрѣчающихся ей въ жизни новыхъ лицъ сравнивать съ фильмовыми лицами, прочно, какъ оттиски клишэ, хранившимися въ памяти.

Но тутъ подошла спасительная барышня въ фартучкѣ, спасительно удостовѣрила, что мѣсто на самомъ дѣлѣ свободно, убрала натюрмортъ, получила заказъ на двѣ порціи ананаснаго мороженаго — во вкусахъ Ми и Коля великолѣпно сошлись — и ушла, небрежно вильнувъ бедрами. Ми немножко подождала — посмотрѣла мелькомъ, но внимательно, изучающе, какъ дама за сосѣднимъ столикомъ легкими толчками обновила ружемъ карминовый лоскъ верхней губы — потомъ сказала, вздохнувъ:

— Да, Коля, вотъ, значитъ, какія дѣла!.. Впрочемъ, вы вѣдь еще ничего не знаете... Нѣтъ, вы, конечно, немножко догадываетесь... Что-жъ, вы меня видѣли съ Викторомъ и въ концѣ концовъ вы вѣдь тоже больше не такое дитя... Простите, что я такъ говорю вамъ, но вѣдь я старше васъ и говорю только то, что у меня на душѣ, безъ всякихъ фразъ...

Коля очень понималъ, очень сочувствовалъ и очень кивалъ головой.

— Конечно... это, можетъ быть, мой первый романъ... Я не скрою отъ васъ, что это именно первый... потому что маленькое увлеченіе Толей Канкринымъ... вотъ видите, я говорю вамъ совершенно откровенно, потому что вы все равно его не знаете... да, Толей Канкринымъ... Ну, и развѣ еще Казикомъ Олизаромъ... Но это школьное, вѣдь это нельзя считать, и даже онъ

былъ больше увлеченъ и писалъ письма на оранжевой бумагѣ, а я, правда, вездѣ писала К. О., даже на промокашкахъ... Но вѣдь это все-таки не въ счетъ, это не то, что теперь... И особенно то, что произошло сегодня, и вотъ именно это я должна вамъ рассказать...

Толстый господинъ въ разстегнутомъ пиджакѣ и съ засунутой за ухо папиросой, мрачно переваливаясь, бродилъ между столиками, съ небрежными замашками завсегдатая, какъ у себя дома — уже у него въ рукѣ была газета, но онъ по дорогѣ еще гдѣ-то цапнулъ покинутую на стулѣ, а теперь, приближаясь къ столику въ нишѣ, уже издали прицѣпился къ «Лустиге Блеттеръ», спросивъ односложно: «Разрѣшите?..» и почти не обративъ вниманія на свѣтскій кивокъ Ми. Ми подождала, пока онъ удалился, потомъ продолжала:

— Мнѣ почему-то кажется, что единственный человекъ, который можетъ мнѣ помочь, это именно вы, Коля... Я знаю, что вы удивитесь, но это именно такъ... (немножко даже нижняя губа дрогнула у Мики). Вы хотите быть моимъ другомъ?..

Да, онъ очень хотѣлъ, онъ дѣловито закивалъ головой, а потомъ съ благоговѣнiемъ, какъ нѣкую исповѣдь, слушалъ рассказъ Ми. Ми рассказывала не очень толково, все перескакивала, вставляла, отскакивала какъ-то — если бы зафиксировать ея рассказъ на бумагѣ, получился бы видъ совершенно только чернового наброска — но Коля все-таки выудилъ самое главное изъ этого рассказа: то, что Ми была у Виктора, что они танцевали новый Витинъ танецъ «Дѣти на лугу», и то, что именно тогда, когда было лучше всего, необъяснимо хорошо — начались всѣ эти ужасы, сначала китаецъ (очень добрый китаецъ и ея большой другъ, самопожертвованно предупредившій ихъ объ опасности, но все-таки: среди

танца и блаженства вдругъ монгольская голова за окномъ), а потомъ уже совсѣмъ этотъ водевиль съ платьемъ, со звонкомъ и бѣгствомъ черезъ дворъ.

Ми рассказывала такъ увлекательно, и Коля такъ былъ преисполненъ влюбленной дружественностью къ ней, что совершенно забылъ, что стрѣлки и этого неожиданнаго часа, сблизившаго его опять съ Ми, имѣютъ тенденцію двигаться впередъ и приближаться къ роковой семеркѣ, когда онъ долженъ быть уже на квартирѣ Набалдьянца, ихъ общаго хороваго повелителя и мучителя.

Вмѣсто него вспомнила Ми — правда, уже давно было съѣдено мороженое, когда она посмотрѣла вдругъ на ожемчуженные свои часики и ахнула: было десять минутъ восьмого.

— Идите, идите, — крикнула Ми, толкая Колю и почти силою заставляя его надѣть пальто, — я останусь и расплачусь, вамъ-же надо кинуться какъ сумасшедшему ужъ не знаю куда, автобусъ, трамвай... А то будутъ непріятности Боже мой!.. Ахъ, какія глупости, мы рассчитаемся, хотя-бы послѣзавтра, тутъ-же... мы можемъ встрѣтиться... опять... Тогда вы должны дать мнѣ дружескій совѣтъ, понимаете?... Все время, все время вы должны объ этомъ думать, слышите?! Ахъ, пожалуйста, думайте объ этомъ и будьте мнѣ другомъ, а теперь бѣгите, бѣгите, ради Бога бѣгите...

Они почти трогательно распростились у столика, и Коля съ особой какой-то значительностью поцѣловалъ Микину руку, и какъ разъ въ эту минуту Ми увидѣла приближавшуюся къ нимъ, изъ большой залы, такую привычную по недавнимъ временамъ, самую коренную и тѣсную ихъ компанію, кавалькаду, какъ называлось это ядро на ихъ жаргонѣ. Она увидѣла одинаковые малиновые колпачки и бѣлые джемперы Ляли и Мэри

Унрехтъ, и дипломатическій проборъ Толи Канкрина, и неимовѣрные, знаменитые лондонскіе никербокеры Вовки Фишера, и еще чью-то, въ хвостѣ, загорѣвшую рожицу подѣ льнянымъ сіяніемъ тевтонскихъ волосъ. Ну, конечно, Ромка Засницъ. Увидѣла, и вдругъ, на мгновеніе, смутилась очень — и немножко захотѣлось ей въ это мгновеніе, чтобы Колька Машкирко, милый, добрый хористикъ, котораго она за минуту до этого любила почти нѣжно, — поскорѣе ступевался.

Смѣна явленій произошла очень гладко, какъ въ превосходно вырежиссированной пьесѣ: какъ разъ въ ту секунду, когда Машкирко началъ уже спускаться въ нижній этажъ кофейни, на нее, Мику, нахлынула кавалькада. Нахлынула съ большимъ шумомъ и темпераментомъ, съ массою возгласовъ, на которые совершенно невозможно было отвѣтить:

— Ми-ии!.. — Неужели это, въ самомъ дѣлѣ, ты?! И гдѣ ты пропадала все время, гдѣ ты пропадала, легкомысленное дитя? Слушай, Мика, съ кѣмъ это ты только что такъ трогательно попралась? Что это за птенчикъ такой, а? Слушай, Ми, это непростительно... это просто возмутительно съ твоей стороны, понимаешь... это просто...

Затормошили, завертѣли, просто съѣли живьемъ. Но пока она — не безъ нѣкоторой внезапной радости — чувствовала, что рука ея вдругъ крѣпко была взята въ плѣнъ широкой холеной ладонью Толи Канкрина, она успѣла все-таки еще разъ, и очень быстро, почти воровски, оглянуться на удаляющагося хористика. И когда увидѣла еще, на секунду, его исчезающую за перилами лѣстницы кепку, подумала острымъ, полнымъ жалости толчкомъ, будто попралась не только съ нимъ: «Прощай, Машкирко...»

Глава семнадцатая

Какъ-будто послѣдняя . . .

Сначала предполагалось даже — улетѣть, съ конечнымъ пунктомъ: Ривьера. Александру Кузьмичу это казалось наиболѣе цѣлесообразнымъ способомъ распутать нѣсколько взвихрившіяся обстоятельства послѣднихъ дней. Но Ми категорически воспротивилась этому. Послѣ всего, что случилось, она вовсе не въ настроеніи летать. Тѣмъ болѣе, что она уже летала нѣсколько разъ. А еще тѣмъ болѣе — въ обществѣ одной Сюзанны. Нѣтъ, увольте — летѣть съ Сюзанной на Ривьеру она не намѣрена. Александръ Кузьмичъ даже слегка вспылилъ и спросилъ самымъ рѣшительнымъ образомъ — что-же она въ такомъ случаѣ намѣрена предпринять, послѣ того, какъ такъ мило напроказила и всполошила всѣхъ . . .

Ми отвѣтила дѣловито: танцовать. И пояснила: она намѣрена выбрать жанръ экзотической, эксцентрической . . . И про себя подумала: ну, и, конечно, эротической . . . И для этого ей лучше всего нѣсколько мѣсяцевъ заниматься въ Парижѣ, хотя-бы у Жозефины Беккеръ . . .

Но тутъ Александръ Кузьмичъ заговорилъ совсѣмъ по-питерски, съ какими-то стародавними, почти купеческими прибаутками, но очень рѣшительно: экзотическіе танцы пока придется вычеркнуть. И встрѣчи съ Викторомъ тоже. А потому лучше всего — ну, хорошо, не улетѣть, а уѣхать просто, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, завтра-же . . . И прибавилъ: на встрѣчѣ съ графомъ онъ, Александръ Кузьмичъ, сейчасъ не настаиваетъ, тѣмъ болѣе, что графъ еще очень слабъ. Сестра графа, баронесса Цедерштрэмъ изъ Стокгольма, пріѣхала къ нему и ухаживаетъ за нимъ, какъ ангелъ . . . Она очень милая и породистая

женщина, жена министра, Александръ Кузьмичъ говорилъ съ нею, когда заѣзжалъ къ графу освѣдомляться о здоровіи. Конечно, послѣ того, какъ у графа обнаружилась эпилепсія, онъ, Александръ Кузьмичъ, не считаетъ его больше женихомъ своей дочери. Но она, Ми, должна быть милосердной къ нему и относиться къ нему, какъ къ другу — послѣ того, какъ вернется изъ своего путешествія.

Ми общала. Ми общала съ живѣйшимъ восторгомъ: о, она будетъ великолѣпнымъ, несравненнымъ другомъ этому своему бывшему жениху... Да, и еще одну подробность рассказалъ Александръ Кузьмичъ про тотъ роковой вечеръ: трогательнымъ и заслуживающимъ всяческой похвалы оказался въ тотъ вечеръ — какіе благородные люди встрѣчаются, все-таки, даже среди легкомысленныхъ этихъ варьетейщиковъ... — оказался какой-то господинъ Тучковъ, тоже какой-то плясунъ или саксофонистъ или въ этомъ родѣ. Онъ и его рыжеволосая какая-то подруга, они оба отвезли графа въ его квартиру, трогательно отвезли и ухаживали, и это просто счастье, что они случайно тоже оказались тамъ, то есть въ той берлогѣ на Оружейной улицѣ... кажется, она называлась Оружейной... Счастье, потому что онъ, хваленый танцоръ и знаменитый Микинъ другъ, пальцемъ объ палець не ударилъ для того, чтобы помочь тяжело заболѣвшему человѣку. Онъ, говорятъ, просто одѣлся и ушелъ гулять... И какъ она, Ми, такъ могла быть ослѣплена какимъ-то...

Но Александръ Кузьмичъ не успѣлъ сказать, кѣмъ именно. Ми очень темпераментно заявила, что она никому, даже отцу, не позволитъ пренебрежительно отзываться о ея другѣ. Да, она пока подчинится нелѣпымъ требованіямъ этого нелѣпаго приличія и уѣдетъ, не повидавшись съ нимъ, эту жертву она принесетъ — должна была

принести, ее охраняли денно и ночью, — но пусть онъ, Александръ Кузьмичъ, не подумаетъ, что она порвала съ Викторомъ навсегда — это будетъ только временный разрывъ, можетъ быть, даже очень полезный для ихъ будущихъ отношений, которыя она, Ми Назарова, по наступленіи совершеннолѣтія намѣрена урегулировать по своему.

Все это произошло очень молниеносно, въ теченіе неполной недѣли. Мѣстомъ ссылки былъ выбранъ пока — и по выбору Ми — очаровательный и знаменитый западно-германскій курортъ: тамъ какъ-разъ происходили какія-то музыкальныя торжества, долженъ былъ дирижировать чуть-ли не Тосканини, пѣть Шлуснустъ и Кипура, словомъ, на недѣлю-другую хватило-бы сенсацій, а потомъ можно будетъ и на Ривьеру или въ Энгадинъ. Вопросъ о способѣ передвиженія разрѣшился тоже въ пользу Ми — ясно, что она захотѣла путешествовать въ автомобилѣ, и что машина вмѣстѣ съ Пей-Ву переходила на это время въ полное пользованіе Мики. Немного, на минуту, Александръ Кузьмичъ, правда, призадумался однажды надъ этимъ вопросомъ: а вдругъ то, что, къ счастью, не совершилось еще между Ми и танцоромъ, досовершится во время этого спасательнаго путешествія съ китайцемъ-шоферомъ... Еще хуже, пожалуй... Но Александръ Кузьмичъ рѣшительно прогналъ эту кощунственную мысль, и даже немного совѣстно ему стало передъ обожаемой своей дочуркой, правда, шалой и взбалмошной, безусловно, но не способной-же на связь съ шоферомъ, да еще китайцемъ...

Передъ отъѣздомъ всѣ собрались въ холлѣ, по традиціи. Да, опять собралась вся прежняя кавалькада: Ляля и Мэри, и Вовка Фишеръ, и барончикъ, и Анатолій. Они кое-что слышали, конечно, а, можетъ быть, и немного больше того,

что было на самомъ дѣлѣ, но именно потому, вѣроятно, неожиданный отъѣздъ Мики пріобрѣталъ для нихъ еще большій интересъ. Они пришли прямо съ тенниса, бѣлые всѣ, и въ холлѣ, послѣ нѣкотораго перерыва, составилаь опять очень милая, свѣтская картина, чрезвычайно радовавшая Александра Кузьмича и Сюзанну.

Дѣдъ-же сидѣлъ въ креслѣ нѣсколько безучастный, рядомъ съ нимъ возсѣдала теперь миссъ Скоттъ, бывшая петербурженка и другъ семьи, специально приглашенная теперь для старика, для разговоровъ и чтенія вслухъ. Дѣдъ не очень ее долюбивалъ, находя въ ней явные признаки снобизма при очень ограниченныхъ женскихъ чарахъ. Ближайшее будущее, безъ Мики, представлялось дѣду нѣсколько минорнымъ. Въ данную минуту отъ мрачныхъ мыслей его отвлекалъ Вовка, рассказывавшій ему утонченный какой-то анекдотъ, не безъ опаски оглядываясь на миссъ Скоттъ, составлявшую на не очень большомъ разстояніи отъ дѣда мозаичную картину. Впрочемъ, миссъ была непроницаема, сосредоточившись на подысканіи пятой башенки для шотландскаго замка.

Отъѣздъ былъ назначенъ въ полдень, а стрѣлки огромныхъ стоячихъ часовъ въ формѣ Эйфелевой башни, чудо искусства базельскаго часовщика, показывали безъ двадцати минутъ двѣнадцать. Предирожальныя неопредѣленныя минуты казались тѣмъ болѣе растянутыми, что сама Ми отсутствовала, переодѣваясь у себя наверху.

— Это мнѣ что-то напоминаетъ, — говорилъ по этому поводу Анатолий, наклоняясь къ Лялѣ, разсматривавшей отъ нечего дѣлать какую-то французскую иллюстрацію, — но я не знаю, что въ точности: не то, когда ожидаешь выхода жениха и невѣсты передъ бракосочетаніемъ, не то

минуты передъ выносомъ новорожденнаго во время крестинъ . . а? . .

За это замѣчаніе онъ получилъ по носу журналомъ, отъ котораго пахло бисквитомъ.

Всѣ значительно уже оживились, когда появился Александръ Кузьмичъ, а съ нимъ лакей съ виномъ. Хотя было и не совсѣмъ извѣстно, по поводу именно чего надо чокаться, но всѣ продѣлали это съ большимъ рвеніемъ. Сгруппировались пока около Сюзанны, которая была уже абсолютно готова, снабженная большимъ обиліемъ дорожныхъ подробностей, кармановъ, ремешковъ и пуговицъ. Около нея скалили зубы и рычалъ Жипъ, тоже вправленный уже въ кожаный фартучекъ на застежкахъ. И всѣ громко крикнули «Аааа! . .», когда появилась, наконецъ, Ми, какъ всегда обворожительная, въ бежевомъ автомобильномъ дрессѣ и въ пурпуровой шапочкѣ, которой, какъ послѣднимъ крикомъ, особенно заинтересовались Мэри и Ляля. Онѣ завертѣли Ми, рассматривая ее и спереди, и сзади, и въ профиль, а Толя Канкринъ попытался даже посмотрѣть на Ми въ бинокль, который онъ случайно обнаружилъ на каминѣ.

Но Ми рѣшительно вырвала у него изъ рукъ бинокль.

— Пожалуйста, не насмѣхайся! . . — крикнула она ему, чувствуя опять неожиданную обрадованность отъ его внимательно устремленныхъ на нее сѣрыхъ, отягченныхъ очень густыми рѣсницами глазъ, которые она находила трагическими. И сейчасъ-же ей пришлось замахнуться на Ромку Засница, смотрѣвшаго на нее черезъ сложенные кольцомъ пальцы, какъ рассматриваютъ картину:

— Пожалуйста, Ромка, отучайся отъ раздражительности, — крикнула она ему, живо схватывая опять тотъ немного наставническій тонъ, ко-

торымъ она всегда пользовалась раньше въ обращеніи съ адъютантомъ-барончикомъ.

Вовка Фишеръ, бросивъ дѣда, тоже присоединился къ кавалькадѣ, которая въ эту минуту какъ разъ чокалась свѣженалитыми стаканами.

— Я предлагаю назначить день для общей встрѣчи съ Ми... день и мѣсто, — сказалъ онъ медленно, подымая стаканъ. Онъ всегда предлагалъ что-нибудь трудноисполнимое и слегка фантастическое. — Вотъ хотя бы тринадцатаго августа въ Каннахъ...

— А почему не въ стратосферѣ?! — пискнула барончикъ.

— Неостроумно! — уничтожающе сказала Мэри, даже не взглянувъ на Ромку, — и вовсе это не такъ невозможно встрѣтиться въ Каннахъ. Какъ ты думаешь, Ми?

— Великолѣпно! — крикнула Ми, высоко взмахнувъ стаканомъ, проливъ нѣсколько капель на коверъ, и вдругъ заговорила съ горящими и предприимчивыми глазами:

— Я считаю вообще, что на свѣтѣ нѣтъ ничего неисполнимаго... Да, да!.. И надо только что-нибудь... ну просто невыразимо сильно желать, и только жить этимъ желаніемъ — и оно исполнится, не можетъ не исполниться. Да, да, — сказала она опять, глядя на дружественныя, улыбающіяся лица кругомъ себя, — я знаю, о чемъ вы сейчасъ подумали... Что это относится какъ-будто ко мнѣ, вотъ сейчасъ-сейчасъ, къ этимъ днямъ? Ну да... исполнилось, можетъ быть, самое сильное пока... понимаете?!

И, близко приблизивъ свое лицо къ лицу Анатоля, но такъ, впрочемъ, что могли услышать и остальные, она звонко шепнула:

— Вѣдь я опять свободна... Понимаешь: свободна!..

И вдругъ побѣжала по комнатѣ, съ бокаломъ въ рукѣ, необыкновенно торжествующая —

всѣ смотрѣли на нее, подруги, друзья, Александръ Кузьмичъ, прервавшій на это время свое какое-то совѣщаніе съ Сюзанной, дѣдъ, даже приложившій руку къ уху, чтобы лучше слушать ее, — побѣжала, вскочила на клубное кресло у камина, крикнула побѣдно:

— Господааа! Мой прощальный спичъ! Слушайте! Живите, наслаждайтесь жизнью. Ахъ, она все-таки такъ хороша... Вспоминайте меня и... постоитъ, теперь надо сказать да здравствуетъ... Да здравствуетъ что-нибудь, да? Пойдите! Но что-же именно?... Ахъ, я знаю... Зна-ааю! Ребятунки, я знаааю... Не свобода, нѣтъ, это очень какъ-то банально и пахнетъ митингомъ, нѣтъ, я выдумала куда эффектнѣе. Господа, ребятунки... да здравствуетъ освобожденность!.. Ураа!..

Взмахнула стаканомъ, выпила и соскочила съ кресла.

Ей не дали опомниться, ее усадили въ кресло, насильно, и стали качать — всѣ смотрѣли съ улыбкой, какъ бѣлые теннисные юноши качаютъ розовую, раскраснѣвшуюся Ми, и лакей, и горничная смотрѣли, остановились съ вещами по дорогѣ къ автомобилю — Пей-Ву уже подѣхалъ. И Сюзанна смотрѣла, сложивъ губы привѣтливо, какъ для фотографа, и думала: «Какъ, однако, всѣ любятъ это маленькое взбалмошное чудовище».

Когда начала бить Эйфелева башня, Ми, взлетѣвшая въ это время особенно высоко, ловкимъ движеніемъ соскользнула съ кресла, еще Александръ Кузьмичъ крикнулъ: «Осторожно, Мика, сумасшедшая, разобьешься!» — соскочила, взяла со стола стаканъ вина — для Пей-Ву — и выбѣжала черезъ садъ къ подъѣзду. Она восторженно кричала «Ѣхать, Ѣхать, Ѣхать!..» За нею понеслась вся кавалькада.

Это былъ необычайно шумный отѣздъ, со

множествомъ криковъ и поцѣлуетъ, и чѣмъ больше кричала кавалькада, тѣмъ съ большимъ остервенѣніемъ лаялъ Жипъ — Сюзанна зажимала уши и содрогалась, дѣда вывезли въ креслѣ, миссъ Скоттъ благосклонно улыбалась британской улыбкой. На дачной улочкѣ оставались возвращавшіеся съ купанія знакомые и сосѣди, число провожавшихъ непрерывно возрастало. Ми усѣлась уже рядомъ съ Сюзанной и задумала: кого послѣднюю или послѣдняго она увидитъ изъ провожающихъ... съ тою, или, конечно, съ тѣмъ... да, съ тѣмъ что-нибудь у нея еще будетъ въ будущемъ... Да, но еще не хватало оливкового саквояжа, лакей побѣжалъ, кавалькада запѣла хоромъ „*Sous les toits de Paris...*“, ахъ, какъ чудесно, какъ напоминаетъ лѣто, пляжъ и... и Виктора, конечно. Почти-почти грустно стало на секунду, и какъ Толя смѣетъ смотрѣть на нее такъ вызывающе, она показываетъ ему язычекъ, кавалькада хохочетъ.

Но вотъ саквояжъ. Пей-Ву надавилъ рожокъ — по-особому, по-прощальному. Медленно поплылъ лимузинъ. Еще что-то, отчаянно махнувъ, крикнулъ барончикъ... про Канны, кажется, и тринадцатое августа... Ми высунулась въ окно. Еще всѣ видны отчетливо, всѣ лица, Господи — какая огромная толпа... Кто-же послѣдній?... Вотъ сейчасъ вѣдь поворотъ, и все это исчезнетъ...

Отецъ мелькнулъ, милый хорошій папочка... Лялька, сумасшедшая Лялька, какъ она отчаянно машетъ... Мадамъ Завьялова съ какимъ-то фіолетовымъ тюрбаномъ на головѣ... неужели мадамъ Завьялова будетъ послѣднимъ отчетливымъ видѣніемъ? Вдругъ кто-то выскочилъ въ бѣлыхъ фланелевыхъ штанахъ, взмахнулъ теннисной ракеткой... Толька, конечно... Поворотъ. Кончено...

Ми упала на сидѣніе, Сюзанна возмущенно

подняла плечи: начинаются дорожные нелѣпости . . . Ми вытянула ножки и сладко зажмурилась . . . Ахъ! . . . И еще разъ въ красноватой мути полузакрытыхъ вѣкъ мелькнули знакомыя лица, вотъ отъ которыхъ она только-что оторвалась, маячливо обозначились въ золотистой теплой полутьмѣ . . . всѣ, почти всѣ . . . и самый послѣдній, самый отчетливый, Толя, немножко хмурая его, немножко суровая улыбка . . . Эта улыбка . . . и другая еще, Витина . . . двѣ улыбки, два лица въ необъяснимомъ этомъ, чудесномъ плѣну воспоминающихъ, удерживающихъ глазъ . . .

Потомъ открыла вѣки, быстро, и съ новымъ какимъ-то, возбужденнымъ дорожнымъ любопытствомъ стала смотрѣть въ окно. Пока все самое привычное: заборы съ калитками и виллы за ними, повторяющіеся эти сады съ серебряными шарами и гномами подъ зонтиками . . . безвкусица . . . и лѣтніе, праздные и нарядные люди вездѣ . . . и фруктовые кіоски, и спущенныя маркизы витринъ, и кофейни съ настурціями передъ окнами . . . и клочокъ голубого неба. Ахъ, хорошо . . . голубой-голубой день! . . .

И совсѣмъ нельзя опредѣлись, какое-же главное чувство . . . жалость, грусть? Вѣдь оторвали, оторвали отъ Виктора! . . . Или радость, радость освобожденности . . . да, да, освобожденности, о которой она сказала спичь. Какъ смѣшно: спичь! . . . Пять минутъ тому назадъ, а какъ давно уже, какъ давно . . . Или и то и другое вмѣстѣ и еще это новое вдругъ . . . вотъ это самое послѣднее, что началось въ кафэ «Риксъ», когда она опять увидѣла эти сѣрые, эти немного волчьи глаза . . . и что вспыхнуло такъ остро, когда кто-то выскочилъ изъ толпы въ фланелевыхъ теннисныхъ брюкахъ . . . Ахъ, нельзя знать, нельзя знать . . .

Такъ думала Ми, такъ сладко блуждала она и кружилась въ лохматыхъ своихъ, кудрявыхъ

чувствахъ, голубыхъ, какъ лѣтній день, проплывавшій за окнами лимузина. А Сюзанна, рядомъ, все пересчитывала вещи . . . *Un deux, trois quatre... six*, пересчитывала вещи и что-то записывала въ маленькой перламутровой книжкѣ, парижской, положивъ ее на остро поднятыя колѣни. Жипъ скалилъ зубы, а Пей-Ву впереди; смуглый Пей-Ву непрерывно почти мялъ рожокъ и тормозилъ: все углы, и встрѣчныя машины, и прохожіе, и мотоциклисты . . . Каждый свое и по своему . . .

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЖИЗНЬ И КУЛЬТУРА»

РИГА, МЕЛЬНИЧНАЯ 57

Почт. ящикъ № 1044

Почт. тек. счетъ № 1354

Полное собраніе сочиненій
И. С. ТУРГЕНЕВА

(10 томовъ обычнаго формата)

Изъ отзывовъ печати:

„ВОЗРОЖДЕНИЕ“ № 2095 отъ 26 февраля 1931 г.
„ . . . Полное собраніе художественныхъ произведеній.
Тургенева, только что выпущенное въ 10 томахъ рижскимъ
из-вомъ „Жизнь и Культура“ . . . Оно слѣдано со вни-
маніемъ, которымъ зарубежный читатель не избалованъ.
. . . Что особенно важно, новое изданіе, какъ собраніе
художественныхъ произведеній, полнѣе не только всѣхъ
зарубежныхъ, но и російскихъ изданій . . .

Полнота даннаго собранія по сравненію со всѣми пре-
дыдущими есть его главное и неоспоримое достоинство . . .“.

ВЛ. ХОДАСЕВИЧЪ.

„ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ“ № 3655 отъ 26 марта 1931 г.
„ . . . Какъ нельзя болѣе кстати въ моментъ повышенія
интереса къ Тургеневу, рижское изд-во „Жизнь и Куль-
тура“ выпустило полное собраніе его художественныхъ
произведеній. О своевременныхъ и удачныхъ изданіяхъ
принято говорить: „подарокъ читателю“. Именно такъ
слѣдуетъ выразиться и въ данномъ случаѣ. Изданіе
изящное, удобное по расположенію матеріала и полное:
въ него включены нѣкоторыя вещи, въ прежнія изданія
не вошедшія, — какъ новыя стихотворенія въ прозѣ, въ
прошломъ году впервые опубликованныя . . .

. . . Изданіе отвѣчаетъ насущной духовной потреб-
ности русскаго зарубежнаго общества, и надо сказать,
что тѣ, кто надъ изданіемъ этимъ работали, отлично, въ
общемъ, съ своей задачей справились.

ГЕОРГІЙ АДАМОВИЧЪ.

Цѣна 33 Ls. безъ переплета; 45 Ls. въ переплетѣ.

Складъ изданія

А./О. ВАЛЬТЕРСЪ и РАПА, Рига, Театральная 11

www.books2ebooks.eu